АРТУР

КОРОЛЬ ДРАКОНОВ

Варварские истоки
величайшей легенды Британии

ГОВАРД РИД

Tyulemissov Madi مهدی ابواصل

tmadi1@gmail.com

Мифы и герои

ГОВАРД РИД

Артур – король драконов

Варварские истоки величайшей легенды Британии

Издательство «Менеджер»

ББК 84(4)
Р49

Серия: Мифы и герои

Рид Г.

Р49 Артур — король драконов. Варварские истоки величайшей легенды Британии. — М.: Издательство «Менеджер», 2006. — 360 с.

ISBN 5-8346-0082-4

Король Артур — первый рыцарь среди королей и первый король среди рыцарей, образ и деяния которого составили огромную эпоху в истории европейской литературы. Артур продолжает и сегодня быть неотъемлемой частью историко-культурного наследия британского мира, считаясь основателем и столпом британской нации. Кем был Артур в действительности, что скрывается под наслоениями исторической и литературной традиции — этим вопросом на протяжении столетий задаются сотни исследователей. Книга Говарда Рида переворачивает устоявшиеся представления, предлагает попытку принципиально нового взгляда на истоки артурианского мифа.

Анализируя образы и мотивы сказаний об Артуре, автор приходит к выводу, что их истоки уходят далеко за пределы туманного Альбиона и связаны с кругом скифо-сарматских народов, создавших одну из наиболее ярких и самобытных культур Древнего Мира. Меч Экскалибур, Святой Грааль, драконы и подвиги странствующих рыцарей — все это Говард Рид обнаруживает в эпосе скифо-сарматов и их потомков. Известно, что во II веке римский император Марк Аврелий нанес поражение вторгшимся в пределы империи сарматам (языгам). В качестве контрибуции Рим потребовал от побежденных 8000 всадников, 5500 из них были поселены на северной границе римской Британии, которой постоянно угрожали набеги воинственных варваров. С прибывшими в Британию сарматами и принесенной ими культурой связывает Говард Рид зарождение рыцарства и артурианской традиции.

Автор приглашает читателя в потрясающее странствие во времени и пространстве, щедро делясь радостью своих находок. Некоторые интерпретации, предлагаемые Говардом Ридом, могут быть спорными, однако блестящая аргументация изложения и масса интересных фактов увлекают не меньше, чем старинные романы о рыцарях короля Артура и поисках Святого Грааля.

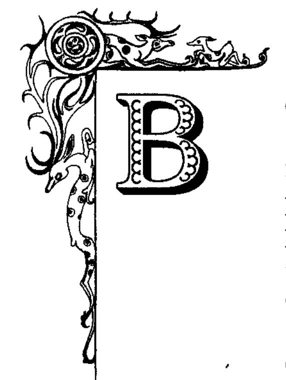
ББК 84(4)

ISBN 5-8346-0082-4

Жизнь предков продолжается
в памяти потомков.

Цицерон Марк Туллий
106–43 гг. до н.э.

ОТ ИЗДАТЕЛЯ РУССКОГО ПЕРЕВОДА

В один из последних дней московской осени 2004 года в нашем издательстве произошла встреча, на которой присутствовали кинорежиссер Темина Туаева и мой друг Борис Александрович Басати, неоднократно оказывавший поддержку в моих издательских проектах.

Темина собирала материал к своему фильму о короле Артуре и к этому времени успела исколесить пол-Европы. В Британии этот артурианский квест, — поиск-странствие — свел ее с интереснейшим человеком — антропологом, журналистом и просто неутомимым исследователем тайн древних цивилизаций Востока и Запада Говардом Ридом, незадолго до того издавшим свою книгу о короле Артуре с необычным названием — «Артур — король драконов».

Сказать, что в Британии король Артур является одним из популярнейших легендарных исторических персонажей, значит не сказать ничего. Артур — это британское все, гипер-звезда всех времен и эпох, популярность которой не угасает на протяжении многих столетий. Книги на артурианскую тематику издаются ежегодно, их сотни, и чтобы появление в этом литературном многообразии еще одной работы привлекло особое внимание, должны быть серьезные причины.

Такой причиной в данном случае является убежденность автора в том, что великий король бриттов связан своим про-

исхождением с нашей страной, с древней цивилизацией ираноязычных племен — скифов, сарматов и алан, на протяжении полутора тысячелетий населявших бескрайние просторы степной полосы Евразии. Эти идеи Говарда Рида оказались очень близки авторской концепции фильма об Артуре, над которым работала Темина, и она загорелась идеей познакомить с работой британского автора русскоязычную аудиторию.

Проведенная нашим режиссером презентация сочинения своего единомышленника была яркой и убедительной. Я с интересом ознакомился с содержанием книги, а вскоре в Россию по приглашению Темины приехал и сам автор, с которым у нас состоялся обстоятельный и долгий разговор с участием господина Б. А. Басати, в котором Борис Александрович, обсудив с автором отдельные аспекты затронутой в книге темы, высказал намерение привлечь спонсоров для финансирования перевода и издания книги на русском языке. Господин Рид подарил мне свою книгу с дарственной надписью, в которой высказал пожелание ее издания в русском переводе. Это пожелание издательство «Менеджер» выполнило с искренним удовольствием.

* * *

Увлекшись поиском ключа к исторической загадке о том, кем же все-таки был король Артур, только ли литературным персонажем или же реальной исторической личностью, Говард Рид выстроил в книге последовательную систему аргументации, основанную на сопоставлении сюжетов легенд об Артуре и исторических реалий. Поиск увел его далеко от туманного Альбиона. Вслед за рядом академических ученых, сопоставивших некоторые мотивы и сюжеты артуровских сказаний с эпосом скифов и их потомков, а также с достоверно известным и подтвержденным различными источниками фактом длительного пребывания значительного контингента сарматов в составе римских войск в районе англо-шотландского пограничья, Говард Рид склоняется к сарматской гипотезе истоков Артурианы.

Хронологические рамки Артуровской эпохи Темных Веков Британии и омывающие Британские острова моря не служат

препятствием для писательского дара Рида. Непринужденно переносясь из эпохи в эпоху и растекаясь мыслию по бескрайним просторам, он восторженно прослеживает исторический путь своих главных героев — степных ираноязычных воителей, создавших яркую, самобытную цивилизацию и оставивших свой след, отзвук своего имени и славы в различных странах — от китайской Срединной империи до туманных островов Британии, от суровых гор Алтая, Урала и Кавказа — до побережья Северной Африки. Вслед за ними мы вступаем в огромные города Ассирии и Мидии, несемся в стремительную атаку в битве при Адрианополе, ставшей прологом к крушению Рима, громим орды Аттилы на Каталаунских полях, преисполняемся благоговейного трепета перед чашей Святого Грааля и слушаем у горящего костра на Валу Адриана песни о героях и их славных подвигах в далеких странах. Тени древних воинов оживают в старинных сказаниях, захватывая воображение и заставляя забыть, что за окном XXI век. Вспоминаются слова легендарных богатырей из осетинских «Нартских сказаний»[1], которые верили, что «мы будем живы, пока будет жива память о нас, а тот, кто возьмет арфу и споет о нас песню — он будет нашим».

Книга Говарда Рида производит очень сильное впечатление. С авторской концепцией кто-то может не согласиться, очень уж непривычно расставаться с давно сложившимся восприятием образа Артура как кельтского короля или с представлением о его соратниках как о типичных рыцарях эпохи высокого Средневековья, куртуазных героях, совершающих подвиги во славу Прекрасной Дамы. Мистическое очарование и притягательность мира рыцарских романов пленяли современников Мэлори и Чосера и продолжают захватывать воображение в постиндустриальную эпоху. Не удивительно, что не только в Британии, но и далеко за ее пределами книга Говарда Рида вызвала множество горячих откликов — от возмущенных «посягательством» на устои до восхищенной поддержки и полного приятия. Споры будут продолжаться долго, история — дама своенравная и любит подшутить над своими поклонниками, то напуская мистический туман и создавая миражи, увлекающие исследователя в ложном направлении, то

легкими намеками приподнимая завесы своих сокровенных тайн. Но рано или поздно терпение и упорство приводят к цели. Еще в VII веке британский клирик Ненний писал, что предки скоттов прибыли из далекой Скифии. Среди ученых было принято с понимающей усмешкой относить это сообщение на счет созвучия имен скифов и скоттов, а также объяснять древней традицией составления мифических родословий народов.

Однако шутка истории может оказаться не вполне шуткой. Мы знаем о 5500 сарматских всадниках, прибывших в конце II века из степей Паннонии в край вересковых пустошей на севере Британии. Недавние исследования генетиков показали наличие у части населения этой области генов, которые могли быть занесены туда только сарматами. Среди носителей этих генов есть древние аристократические кланы... Впрочем, тотальный штурм артурианских тайн еще впереди, а пока читатель имеет возможность ознакомиться с русским переводом работы, принадлежащей к числу пионерных, написанных на переднем крае фронта современных научных исследований Артурианы.

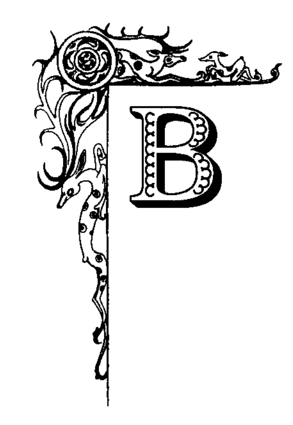
* * *

Перевод книги Говарда Рида и ее издание были бы весьма трудной задачей, если бы не энтузиазм и добрая воля ряда моих единомышленников и соратников — Вячеслава Басати, Анатолия Дзантиева, Константина Кочиева, Александра Королева, Магдалины Гутиевой, Наталии Самуэльян, Александра Панченко, усилия которых по подготовке издания можно характеризовать как подвижнические.

Особую благодарность издательство «Менеджер» приносит Вячеславу Борисовичу Басати, щедрой помощи которого мы обязаны возможностью профинансировать все работы по переводу книги на русский язык и ее изданию.

Аузби Гутиев,
директор издательства «Менеджер»

ОТ АВТОРА

В начале XVI века император Священной Римской империи Максимилиан I (1459–1519) решил соорудить мавзолей в Инсбруке, чтобы увековечить свою династию[2]. Он заказал 28 бронзовых статуй высотой семь футов каждая, которые должны были изображать его самого, членов его семьи и его предшественников-императоров. Эти изваяния, выстроенные в два ряда, по сей день украшают интерьер церкви[3]. В центре одного ряда находится статуя человека, которого Максимилиан I считал основателем династии Габсбургов, — облаченная в доспехи фигура с большим мечом и простой надписью: Артур. Изваяние украшает искусно сделанная цепь, составленная из яростно извивающихся драконов.

Как получилось, что самый могущественный человек Европы Раннего Возрождения решает именовать основателем своей династии призрачного, полулегендарного британского короля и почему он украсил фигуру избранного родоначальника гирляндами из драконов?

За пять столетий до н.э. свирепые воины-кочевники хоронили умерших вождей в огромных погребальных курганах на самом краю известного тогда мира — в диких горах Юго-Западной Сибири. При раскопках богатых захоронений находят

великолепные произведения прикладного искусства из золота, дерева, бронзы, тканей. Древние ковры, настенные войлоки, ювелирные изделия, оружие, доспехи украшены изображениями волшебных духов — мифических животных, среди которых преобладают кентавры, грифоны, сфинксы, драконы. Даже мумифицированные тела умерших украшены великолепными татуировками с изображением этих волшебных животных.

Около 700 года ирландские монахи приступили к написанию одного из величайших средневековых манускриптов — «Келлской книги»[4]. Манускрипт был украшен изображениями волшебных духов в образе животных, практически идентичных мифическим зверям, украшающим находки из сибирских захоронений.

Статуя Артура.
Скульптор Петер Фишер Старший (1460–1529).
Церковь Гофкирхе, Инсбрук

Простое ли это совпадение или существуют нити человеческого общения и божественного вдохновения, которые сплели свой путь протяженностью в 3000 миль в пространстве и в 1000 лет во времени? Может, и душа Артура оказалась вплетенной в эту фантастическую паутину?

До сих пор в британской армии кавалеристов называют драгунами, словом, производным от слова «дракон», а его употребление восходит к эпохе римского завоевания Британии, к временам Артура.

Настоящий труд представляет собой синтетическую работу, в которой собраны точки зрения, изложенные в разнообразных источниках. Соединенные вместе, эти источники составили

основу моей версии исторической реконструкции. Как часто бывает, когда имеешь дело с достаточно неопределенным материалом, создается впечатление, что существует только один или два настоящих специалиста в тех специфических областях, в которых мне хотелось бы добраться до истины. Поскольку я предпочел не использовать не вполне заслуживающие доверия материалы, я хочу здесь упомянуть основные источники информации, определившие направление моих мыслей.

Идея о «сарматском следе» в легендах о короле Артуре восходит, по крайней мере, к началу одиннадцатого века, хотя она была подвергнута серьезному научному анализу только в девятнадцатом веке. В последние годы в защиту этой точки зрения выступили двое американских ученых — С. Скотт Литтлтон и Линда А. Малкор. С их работами меня познакомил Виктор Мэйр, когда в 1996 году мы вместе с ним занимались изучением кочевого населения провинции Синьцзян, в западном Китае. Эти идеи имеют ключевое значение и обнаруживают много исторических и культурных связей между мирами Центральной Азии и древней Британии. В связи с этим я выражаю глубокую признательность упомянутым авторам за проделанную работу, которая была обобщена в их совместной книге «От Скифии до Камелота». Однако хотелось бы отметить, что как их методы исследования, так и выводы, к которым они пришли, сильно отличаются от моих собственных.

На протяжении веков о короле Артуре было написано огромное количество работ самого разного качества. Среди самых последних эпопея Джона Морриса «Век Артура» является наиболее всеобъемлющим и надежным исследованием в этой области, а книга «Король Артур в легенде и истории», изданная Ричардом Уайтом, содержит практически все основные источники в сокращенной (хотя и достаточной) форме. Книга Джона Дара «Язычество в артурианских романах» очень помогла мне конкретизировать символическое содержание артурианского канона, хотя его вывод о том,

что все артурианское язычество произошло от дохристианской кельтской традиции, не совпадает с моими выводами.

Миранда Грин является нашим самым выдающимся ученым в области кельтских древностей, и ее работа, естественно, дала мне наиболее полное представление об образе жизни, обычаях и верованиях этих людей. Как смотрели в Римской империи на людей Британии и конницу степных варваров, к счастью, нам хорошо известно: Цезарь, Тацит, Кассий Дион и Аммиан Марцеллин[5] являются надежными источниками. Точно так же принадлежащие Геродоту[6] описания ранней скифской культуры и истории, на мой взгляд, являются наиболее ценными свидетельствами из когда-либо созданных. Их значение трудно переоценить.

Великий русский археолог Сергей Руденко предоставил нам как археологические материалы, так и их интерпретацию, подтверждающие труды Геродота и дающие нам наиболее полное представление о древней степной цивилизации скифов. Более поздние исследования, проведенные в России немецким археологом Ренатой Ролле и обобщенные в ее книге «Мир скифов», позволяет нам еще глубже понять этих загадочных людей.

Монография польско-британского ученого Тадеуша Сулимирского «Сарматы» была опубликована в 1970 году. Ни одна книга не может сравниться с ней по детальному описанию людей, которые, возможно, принесли многие элементы артурианских легенд на берега Британии. Спустя три года после публикации книги Сулимирского американский ученый Бернард Бахрах издал «Историю алан на Западе», которая также остается авторитетным источником по данному вопросу. Кроме того, одной из обширных работ, охватывающих большую часть исследуемого мною периода и многие народы, изучением которых я занимаюсь, является изданная Барри Канлиффом «Оксфордская иллюстрированная предыстория Европы». Эта работа оказала мне огромную помощь в попытках разобраться в той сложной и относительно мало изученной исторической загадке, о которой идет речь в данной книге. Написанная на более доступном уровне, книга Нила

Асчерсона «Черное море» является не только прекрасным рассказом о путешествиях и приключениях, но и содержит захватывающие сведения по истории этого региона, где на границе Европы обитали киммерийцы, скифы, сарматы, а затем гунны и аланы.

Виктор Мэйр с самого начала оказывал этому проекту большую поддержку и содействие, вдохновлял, наставлял, помогал проникнуть в суть изучаемого вопроса. Марша Левин любезно помогла мне лучше понять как происхождение искусства верховой езды, так и ранний период истории степных народов в целом. Тим Тейлор, вклад которого в книгу Барри Канлиффа, а также в создание «Кембриджской древней истории» и «Словаря по искусству» представляет собой самый лучший материал по эстетике и истории степных воинов, щедро делился со мной своим временем и знаниями о рассматриваемых народах и соответствующем историческом периоде.

Хотя я нахожусь в большом долгу перед всеми людьми, о которых упомянул выше, за их научный вклад в предмет моего исследования, я несу полную ответственность за мнения, высказанные в этой книге, и за мои возможные ошибки в приведенных фактах или суждениях.

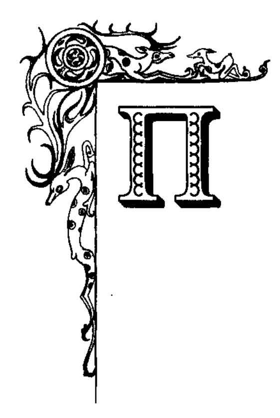
Два моих помощника, Пиппа Денис и Кейт Соломон, блестяще проявили себя, помогая отыскать малоизвестные источники, необходимые мне в работе, и посетили вместе со мной места моих исследований. Мой издатель, Дуглас Янг, как всегда, оказал поддержку и проявил обходительность, это настоящий рыцарь двадцать первого века, а мой агент Марк Лукас был на удивление бодр и, вопреки обыкновению, относительно терпим. Не знаю, это хороший знак или плохой. Редактор Барбара Нэш, как всегда, превосходно поработала над рукописью. Это человек, работа с которым доставляет одно удовольствие.

Наконец, хочу поблагодарить свою жену Вэл и моих трех дочерей — Эмми, Лейлу и Майю — за их поддержку, так как я занимался исследованием и писал эту книгу, в основном, в моем домашнем кабинете.

Глава 1

МОГУЧАЯ ТЕНЬ

Предания о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола по праву входят в число самых известных в мире легенд, выдержавших испытание временем. Большинство людей, говорящих на английском языке, знакомы с ними с детства: эти легенды фиксируют начало начал — зарождение нации, британского национального характера. До Артура население Британских островов было всего-навсего племенами, едва заметными в мрачной тени предыстории. При нем они стали народом. Артур — это воплощение образа доблестного короля-воина, который жил, любил и умер как герой романтической трагедии. Легенды о нем вдохновляли многих великих творцов героической литературы и искусства прошлого тысячелетия, начиная с Гальфрида Монмутского, автора «Истории бриттов», написанной в 1136 году [7], и заканчивая Джорджем Лу-

касом, изобразившим спустя 840 лет межгалактическое возрождение легенды в «Звездных войнах».

Я впервые услышал рассказы об Артуре еще ребенком. В семь лет я, конечно же, не сомневался, что знаю все об этом периоде британской истории. Мне, моему брату и каждому из нашей дружной ватаги требовалась всего лишь пара гвоздей, чтобы сбить вместе две деревяшки, затем заострить конец деревяшки подлиннее — и Экскалибур был готов. Порой мы втыкали меч в мягкие стенки небольшой меловой ямы в глубине нашего сада, затем вытаскивали его, торжествующе «высвобождая меч из камня». Мы даже знали, что нужно взять меч и дотронуться им до плеча преклонившего колено друга, повелевая ему подняться, но уже в качестве «сэра Галахада» или «сэра Ланселота».

Бывало, долгими зимними вечерами мой отец иногда читал нам отрывки из «Истории нашего острова» Х.Е. Маршалла, и моя фантазия вызывала к жизни образы умирающего короля, его волшебной лодки и Девы Озера, держащей Экскалибур над зыбкими водами, окружающими Авалон. Призрачная фигура друида Мерлина связывалась в воображении не только с волшебным мечом, но и с окутанными тучами башнями Камелота, со знаменитым Круглым Столом, отважными рыцарями, такими как Ланселот, Галахад и Гавейн, в блестящих доспехах, с мерцающим золотом Святым Граалем. Я знал, что наступит день, и так же, как они, я отправлюсь в рыцарский поход на поиски приключений, я был готов освобождать попавших в беду дев и спасать родину от опустошительных набегов саксонских язычников.

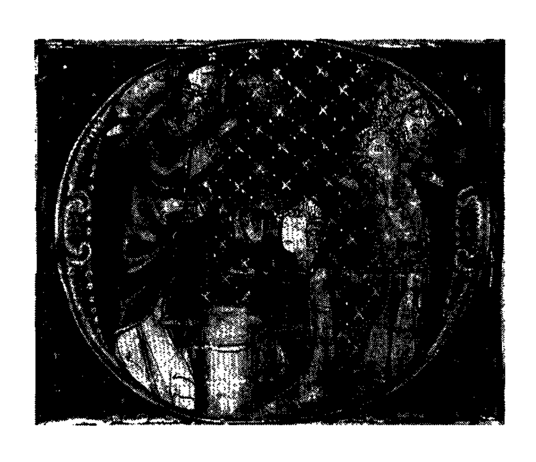
Едва ли я задумывался тогда о том, что весь этот чудесный обман, в который нас поощряли играть, был чем угодно, но только не исторической правдой. Однако в том возрасте это не имело для нас ровно никакого значения. Легенды о короле Артуре и его рыцарях дали мне и моим друзьям ключ к совершенно иному миру — славному прошлому. Они перенесли нас в золотой век, населенный героями и чудовищами, где величайшие подвиги — как и низкое вероломство — были в порядке вещей.

Я любил эти сказки и старался их запомнить. Не помню, с чего все началось, но первые эпизоды, всплывающие в памяти, кажется, связаны с Мерлином.

...Король Утер Пендрагон воздвиг замок, но этот замок постоянно разрушался. Придворные маги посоветовали королю принести в жертву ребенка, чтобы укрепить фундамент. Жребий пал на мальчика по имени Мерлин. Тот обещал раскрыть тайну замка без жертвоприношения. Он приказал королевским каменщикам вырыть яму. Они рыли до тех пор, пока мальчик не обнаружил в ней двух сражающихся драконов — одного белого, олицетворяющего саксов, другого красного, символизирующего бриттов. В конце концов белый дракон одержал верх над красным, что было плохим знаком, предрекающим победу саксов над бриттами.

Утер Пендрагон усыновил маленького чародея и вырастил его. Однажды он потребовал от Мерлина величайшей услуги. Король влюбился в жену герцога Корнуолла и задумал разлучить супружескую пару. Он осадил замок герцога и, в конце концов прорвав оборону замка, убил герцога. Тем же вечером Утер

стал умолять Мерлина придать ему облик герцога. Мерлин согласился, но с одним условием: дитя, которое родится в результате этого обмана, должно быть отдано на воспитание Мерлину до достижения совершеннолетия. Утер согласился и поскакал в замок Тинтагель, в котором укрывалась герцогиня. Она впустила двойника своего мужа, и неузнанный Утер провел с ней ночь, зачав в ее чреве сына. Узнав о смерти мужа и об обмане, который ввел ее в заблуждение, герцогиня все же согласилась выйти замуж за Утера Пендрагона, став, таким образом, королевой.

Артур вытаскивает меч из камня. Миниатюра из французского манускрипта начала XIV в. Британская библиотека.

Новорожденного Артура отдали согласно уговору Мерлину, который должен был тайно воспитывать его вдали от двора. Хотя нам никто этого не говорил, но мне всегда казалось, что Артур вырос, оберегаемый магической силой Мерлина, воспитанный на ней и окрепший от этой силы, возможно, даже посвященный в какие-то секреты наставника. Очевидно, в то время он не догадывался о своем происхождении.

Шли годы, и, следуя обычаю тех времен, Артур был отдан в оруженосцы знатному рыцарю для обучения воинскому искусству и благородному обхожде-

нию. Артур еще проходил обучение, когда его учителя призвали к королевскому двору в связи со смертью Утера Пендрагона, который умер, не оставив наследника. Артур сопровождал рыцаря в составе его свиты.

При дворе вновь появился Мерлин. Он всадил меч глубоко в камень и объявил, что тот, кто сможет вытащить меч из камня, станет наследником трона.

Многие правители небольших королевств, бароны, рыцари пытались вытащить меч, но никто не добился успеха. Артур случайно увидел торчащий из камня меч, когда рядом никого не было. Без всяких усилий он извлек его и отнес к рыцарям. Изумленные рыцари заставили юношу вернуть меч на место и снова вытащить. Когда тот проделал все вновь, рыцарям пришлось признать его наследником великого престола.

Однако не вся знать приняла Артура, и вскоре разразилась междуусобная война. Для борьбы с молодым наследником объединились несколько малых бриттских королей. Из этой борьбы Артур вышел победителем. Окончательно взяв власть в свои руки, он потеснил мятежную знать и предложил дружбу всем, кто поклялся ему на верность.

Владычица озера вручает Артуру Экскалибур.
Художник Дж. М. Смит. Изразец. Ок. 1875.

В сражениях Артуру помогал волшебный меч Экскалибур, получить который у могущественной

Владычицы Озера ему помог Мерлин. Итак, к этому времени у Артура уже было два волшебных меча — один он вытащил из камня, другим был Экскалибур.

Артур и его воины сражались верхом на лошадях, по крайней мере, до тех пор, пока рыцаря не выбивали из седла. Тогда продолжали биться на земле, пока рыцарь-товарищ, конюх или оруженосец не приходили на выручку тяжеловооруженному воину и не помогали ему вновь сесть на коня. Простой люд составлял пехоту; люди более высокого звания отправлялись на войну конными. Артур вел свои войска под собственным штандартом с изображением золотого дракона. Хотя большинство битв носило характер массовых столкновений, все равно было много возможностей для поединков, в которых сам король или кто-либо из его ближайшего окружения всегда побеждали. Порой они отсекали головы поверженным и поднимали их на острие своих копий, что являлось выражением презрения.

Усмирив мятеж внутри королевства, Артур перешел к решению важной задачи: ему было необходимо остановить вторжение саксов со стороны Северного моря, территории современных Голландии и Германии. Саксы были грозным противником. Они уже захватили большую часть Восточной Англии. За несколько лет до того как Артур пришел к власти, саксы притворились, что просят мира, а затем на празднестве устроили массовое убийство британской знати. Они были вероломны, и разговаривать с ними можно было только силой оружия. Произошла серия битв, закончившаяся великой победой при горе Бадон — считается, что это где-то около Бата, — когда конница

Артура решительно разгромила саксов, отбросив их назад, к восточным границам его королевства.

Пришло время, и Артур влюбился. Влюбился в самую прекрасную женщину на земле — королеву Летней Страны Гвиневеру. (Одни считают этой страной графство Сомерсет, другие — Корнуолл.) С ее приходом в замок Камелот страна вступила в пору расцвета, в свой золотой век. На каменных стенах замка развевались знамена, под трепет которых рыцари переходили по подъемному мосту через ров, отправляясь в странствия и возвращаясь домой.

Когда не было сражений, рыцари устраивали турниры, в которых целью было не убить соперника, а одолеть его. Эти упражнения помогали рыцарям держать себя в хорошей физической и боевой форме, а также завоевывать расположение дам. Сильнейшие из рыцарей становились паладинами Артура, сражаясь за него и Гвиневеру на турнирах. Это порождало среди рыцарей соперничество за расположение Артура, что открыто демонстрировалось в Большом зале Камелота, где каждый стремился сесть рядом или, по крайней мере, близко к королю. Когда же соперничество достигло критической точки и каждая трапеза грозила перерасти в побоище, Артур распорядился изготовить круглый стол, чтобы заслуги рыцаря не определялись близостью его места к месту короля за столом.

Этот справедливый и благородный порядок стал известен всей Европе и привлекал ко двору короля Артура лучших ее рыцарей. Среди тех, кто пришел к Артуру, был наихрабрейший, наиотважнейший, наилучший рыцарь в мире — Ланселот. У Ланселота тоже был волшебный меч, который он получил от Девы Озера, воспитавшей его в своем подводном царстве и

научившей владеть оружием. Это делало его почти равным Артуру. Бретонец Ланселот славился своими подвигами, и Артур сразу принял его всем сердцем. Он доверил ему служить королеве Гвиневере, самой прекрасной женщине на земле. К сожалению, Гвиневера тоже приняла Ланселота и сердцем, и душой.

Так в яблоко забрался червь, и золотой век стал клониться к закату.

Но еще до того как благоденствие в стране пошло на убыль, Артур снарядил своих людей в последний грандиозный поход на поиски священной чаши - Святого Грааля. Из этой чаши Иисус Христос пил на Тайной Вечере, потом в нее же собрали кровь распятого Христа. По преданию, чашу привез в Англию первый христианский миссионер в Британии Иосиф Аримафейский, но потом следы ее затерялись [8].

Поход за Святым Граалем стал делом чести рыцарей Артура и суровым испытанием для каждого из них. Только рыцарь с безупречно чистой душой, сердцем и помыслами мог добиться успеха. Нечестивцу грозила смерть от огненного копья. Ланселот не был удачлив в походе за чашей, потому что был запятнан любовной связью с Гвиневерой. Персиваль, Гавейн, Борс и многие другие также вернулись ни с чем. Только Галахаду, сыну Ланселота, посчастливилось найти Святой Грааль. Он один достиг цели, которая сломила дух многих славных рыцарей Круглого Стола.

Возвратившись ко двору Артура, рыцари рассказывали о своих приключениях, и хотя каждый из них выбирал дорогу сам, их рассказы походили один на другой. Пробираясь по дремучему лесу, рыцарь оказывался на берегу озера или ручья. Там он устраивался на короткий привал. Здесь ему обычно встреча-

лась красивая дева, отдыхающая в тени деревьев или в своем шатре. Плененный ее красотой, он старался завоевать ее расположение. Но тут неожиданно появлялся свирепый рыцарь, как правило, одетый в черное, который был одновременно стражем священной рощи и защитником девы, а возможно, ее похитителем. Черный рыцарь вызывал пришельца на смертельный поединок, сначала на копьях, верхом на лошадях, а затем, если кто-то из соперников или оба будут выбиты из седла, пешими. Рыцарь неизменно выходил победителем и отрубал голову злодею. Освобожденная дева иногда просила отдать ей голову злодея, чтобы использовать его кровь для приготовления волшебного снадобья. А рыцарь-победитель продолжал путь к великой цели.

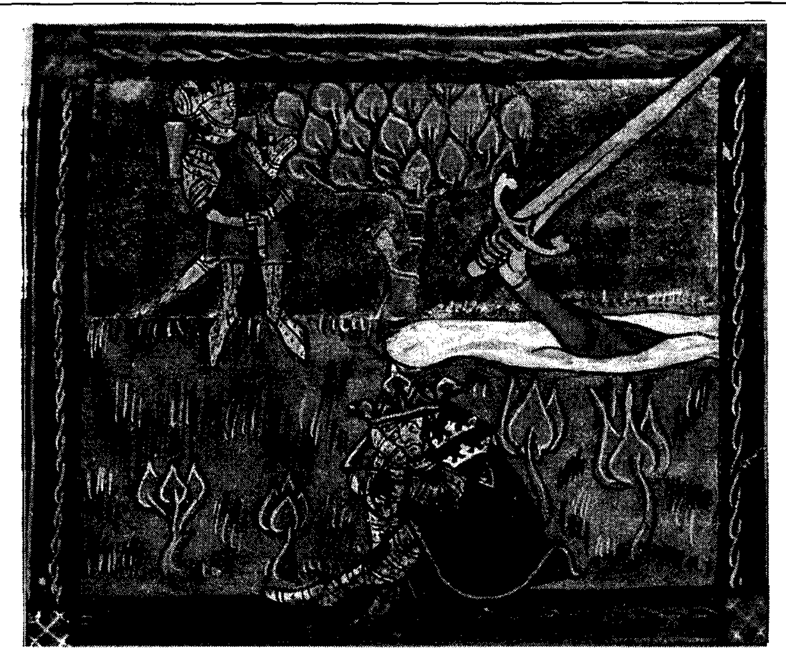
Пока рыцари Артура странствовали в поисках Святого Грааля, король оставался на заднем плане. Но тайная связь Ланселота и Гвиневеры становились все более очевидной, и Артур в конце концов вынужден был изгнать Ланселота из Англии обратно во Францию. Изгнанный Ланселот убил брата Гавейна. Теперь Гавейн стал соратником Артура. Именно он убедил Артура преследовать Ланселота во Франции. Регентами королевства на время своего отсутствия Артур назначил своего незаконнорожденного сына Мордреда и Гвиневеру. Мордред был рожден от кровосмесительной связи Артура со своей сестрой-колдуньей феей Морганой, которая, одурманив брата, совратила его.

Поручение бастарду управлять королевством было роковой ошибкой Артура. Пока он преследовал Ланселота, Мордред захватил трон и подчинил себе Гвиневеру.

Узнав о предательстве, Артур поспешил в Англию, но был встречен войском, поднятым против него Мордредом. Битва была жестокой, кровь лилась рекой. К концу сражения только Артур и Мордред остались стоять друг против друга, лицом к лицу. Мордред нанес отцу мощный удар по голове, рассек шлем и пробил череп. В ярости Артур разрубил Мордреда Экскалибуром. Мордред упал замертво, а немногие оставшиеся в живых верные рыцари вынесли на щите раненого Артура с поля боя.

Смертельно раненого короля отнесли на берег озера, посреди которого находился остров Авалон (по одной из версий, это был холм Гластонбери) [9]. Здесь он велел своему вассалу Бедиверу бросить чудесный меч Экскалибур в озеро, а затем рассказать об увиденном. Бедивер спустился к воде, но не решился бросить меч в озеро. Когда он вернулся, Артур спросил его, что он видел. Бедивер ответил, что не случилось ничего, что могло бы предвещать несчастье. Артур понял, что Бедивер лжет, и повторил свое приказание. Бедивер снова отправился к озеру и опять не смог расстаться с чудесным мечом. Но на этот раз Артур сказал вернувшемуся Бедиверу, что жизнь его стремительно угасает и надо распорядиться мечом так, как он приказал.

Бедивер взял меч и снова отправился к озеру. Он обмотал его ремни вокруг рукояти и швырнул оружие далеко в воду. Лишь только меч оказался над поверхностью озера, из воды появилась рука. Она схватила меч, три раза взмахнула им в воздухе и скрылась с ним в глубине.

Смертный час Артура.
Экскалибур возвращается к Владычице озера.
Миниатюра из французского манускрипта. Около 1316 г.
Британская библиотека.

Возвратившись, Бедивер рассказал обо всем. Узнав, что меч возвращен Владычице Озера, Артур велел перенести себя к воде, где его ожидала лодка, в которой сидело много прекрасных дам. Три королевы взяли на себя заботу об умирающем короле. Одна из них положила его голову к себе на колени, и лодка заскользила по воде, удаляясь от берега. Когда она исчезла из виду, Бедивер оплакал кончину короля и отправился в лес. Однако говорят, что Артур на самом деле не умер, и в один прекрасный день, когда его страна будет нуждаться в нем, он, Король Былого и Грядущего, вернется...

Эту версию легенд об Артуре я слышал ребенком. Замечательная сказка о человеческих страстях. Но есть ли во всем этом хотя бы малая доля правды? Существовал ли Артур в реальности?

Почти столько же, сколько существует легенда об Артуре, люди ищут человека, который стоял за этим мифом. Но, по-видимому, Артуру и Мерлину, Гвиневере, Ланселоту, Камелоту и даже Святому Граалю не нашлось места в анналах истории. Большинство ученых прослеживали события легенд об Артуре вплоть до кельтского прошлого, примерно до времен падения Римской империи на рубеже V и VI веков. Тем не менее, не найдено ни одного письменного упоминания об Артуре ни в те времена, когда предположительно он должен был править, ни несколькими столетиями позже. Первое весьма ненадежное упоминание церковным летописцем встречается в IX веке. При этом Артура он называет не королем, а военачальником. В этом же источнике о нем говорится как о мифической фигуре: рассказывается, будто он убил своего сына в битве, а его охотничья собака оставила отпечаток своей лапы на знаменитом камне[10].

Смерть Артура.
Художник Дж.М. Смит.
Изразец. Ок. 1875.

Многие из ранних упоминаний об Артуре являются письменным изложением изустных фольклорных произведений — баллад, хвалебных песен или эпи-

ческой поэзии. Эти записи сделаны несколькими веками позднее того времени, в котором мог бы жить Артур, но нередко подчеркивается, что уже тогда Артур был героем мифов и легенд. Картина остается попрежнему весьма туманной: могущественный король или военачальник, иногда жестокий тиран, победитель во многих сражениях, хотя неизвестно, где именно и против кого он воевал. «Могучая тень» ускользает от нас снова.

Существуют два возможных объяснения отсутствию достоверных сведений об историческом существовании Артура. Первое: такого человека не существовало вовсе. Второе связано с периодом его предполагаемой жизни, когда не только Британия, но и вся Европа и даже территория далее на восток, к центру Азии были охвачены колоссальными потрясениями. В такие времена не много времени оставалось для упражнений в письме, но зато открывались широкие возможности для уничтожения любых документов. Время Артура попадает в середину огромнейшей черной дыры, образовавшейся в письменной истории.

После того как римляне были вытеснены из Британии в начале V века, в стране воцарилась анархия [11]. Коренные бритты, говорящие на кельтском языке, с севера подвергались грабительским набегам пиктов и каледонцев, с запада — ирландцев (ошибочно называемых скоттами), а с востока — англов, саксов и ютов. В континентальной Европе Римская империя приходила в упадок от нескончаемых нашествий. Вторгшихся врагов римляне называли варварами, повторив за греками прозвище тех, кто говорил на непонятных им языках [12]. Римская империя в течение

долгого времени была вынуждена сдерживать варварские нашествия на своих границах. Эту борьбу Рим в конце концов проиграл. С тех пор народы Европы жили в страхе перед дикими ордами с Востока.

Мощные потрясения уничтожили цивилизацию римлян. Классические идеалы «цивилизованного» поведения канули в небытие вместе с римским общественным устройством, когда хаос Раннего Средневековья охватил Европу. Тем не менее за относительно короткий период времени из тьмы возникли новый порядок и идеология. За нравственную основу был принят рыцарский кодекс чести, появился культ коня. Умением сражаться верхом на коне определялась боеспособность рыцаря, а женщины были вознесены до уровня божества. Приверженцы рыцарского кодекса чести искали благосклонности дам, что и являлось основной целью рыцарского похода или турнира. Эти представления находят блестящее отражение в средневековых легендах о короле Артуре, рыцарях Круглого Стола, странствиях в поисках Святого Грааля.

Чтобы усилить значение рыцарского кодекса чести, стали применять магические символы. Изображения грозных хищников, как реально существовавших, так и вымышленных, — львов, медведей, орлов, кабанов, грифонов, единорогов, драконов — были приняты рыцарями, кланами и династиями как символы их могущества, что подготовило почву для развития геральдики.

Легенды об Артуре насыщены множеством эпизодов, описывающих мистические события с участием сверхъестественных существ. По установившейся практике их относят к языческой кельто-бриттской культуре, но

в ней можно найти далеко не все персонажи. Значит, нельзя утверждать, что истоки легенды об Артуре следует искать в ранней кельтской Британии.

Так откуда же пришла эта новая идеология? Без всякого сомнения, не из Рима. Римляне относились к женщинам в лучшем случае как к гражданам второго сорта и не имели развитой культуры верховой езды. За пределами Колизея они не проявляли интереса к военному единоборству и полагались в основном на свою способность к быстрому передвижению, снабжению войск и особому порядку выстраивания своей пехоты в главных военных столкновениях[13]. В Древнем Риме, там, где императоры придумывали военные победы, чтобы славить себя в триумфальных парадах вдали от полей жестоких сражений, героизм был предметом политических манипуляций. Несмотря на то, что имперский орел простирал свои крылья над головами легионеров, римляне слабо верили в мистическую силу волшебных существ. Поэтому в пепле Римской империи невозможно найти признаки рыцарства.

Не остается места общепринятым представлениям, связывающим появление нового порядка с воскрешением традиций кельтских народов доримского периода, замаскированным тонким слоем идеологии христианства. Такое представление является отправной точкой для ученых, пытающихся отыскать следы реального Артура в скудных исторических записях и археологических находках или найти подтверждение подлинности его существования в более поздних письменных памятниках XI–XV веков, обессмертивших Артура.

Очевидно, есть веские причины принять эту точку зрения. Если Артур действительно жил в Британии в

V–VI веках, тогда он, безусловно, был бриттом, говорящим на кельтском языке[14]. Как король или военачальник (большинство ученых склоняется к последнему) и как представитель постримской знати, он обязательно должен был ощутить на себе влияние римского господства, под гнетом которого его страна находилась всего лишь за несколько поколений до его рождения.

Но мы располагаем свидетельствами, пусть и скупыми, которые вполне ясно подтверждают, что в Британии постримского периода было не так уж много тяжеловооруженных рыцарей, готовых верхом на лошадях отправляться в поход во славу своих дам. Начало истории о короле Артуре, без сомнения, было положено в постримской кельто-британской культуре, и моим первым шагом в попытке разгадать эту величайшую загадку стало изучение древней культуры Британии. Но с самого начала следует учесть, что легенды об Артуре никогда не были точным отражением ситуации в Британии V–VI веков. В них много элементов, которые не могут быть отнесены к тем временам. В этом мы не раз убедимся.

Где же искать недостающие элементы? Западнее Ирландии на 3000 миль простирается океан; на северо-востоке находится Скандинавия, но народ этих стран не играл существенной роли в истории Британии до нашествия викингов и датчан, имевшего место столетия спустя после времени Артура; восточнее лежит материковая Европа, которая в конце V века только начала выбираться из хаоса. Угроза исходила в основном из Северо-Восточной Европы, а затем и из Центральной Азии — от ее конных воинов с огромными

развевающимися и шуршащими на ветру боевыми шелковыми штандартами в виде драконов.

С точки зрения римлян эти люди были варварами — низшими существами, угрозой цивилизованному миру. Такое представление преобладает и сегодня. Мы считаем степных кочевников, а вместе с ними и могущественную армию Чингисхана[15] «Ураганом с Востока», ордами варваров, нацеленных на грабеж, мародерство, насилие и уничтожение цивилизованного мира. Они нам представляются беспощадными разрушителями, несущими с собой хаос и анархию.

Археологические и исторические документы из Греции и Китая решительно опровергают эту характеристику. Около 1000 года до н.э. кочевники Центральной Азии впервые оседлали лошадей, их цивилизации переживали культурный взрыв. Здесь сформировались мощные, сложные по своей структуре общества. В археологических раскопках находят удивительные по красоте предметы из золота, шелка, бронзы и железа. Уже к 300 году до н.э. эти племена могли выставить в сражении 50 тысяч и более вооруженных воинов, они одержали столько значительных побед над китайцами, что те воздвигли Великую Китайскую стену, чтобы оградить свои земли от набегов. Их вооружение и тактика ведения боевых действий были самыми передовыми в мире.

Лошадь и величайшее искусство верховой езды существенно повлияли на формирование культуры этих племен, предоставив им свободу передвижения по необъятным просторам. Конные воины приобретали большое превосходство над пешими — конница могла наносить молниеносные удары по врагу и отрываться от преследователей при отступлении. Обретя

такую свободу передвижения, племена снимались с обжитых мест, они жили в круглых шатрах, скарб и детей перевозили в повозках; женщины тоже были отличными наездницами, некоторые из них брались за оружие и становились воинами, настоящими «амазонками».

Обитатели Центральной Азии — номады — издавна слыли меткими стрелками из лука, умеющими поразить врага на скаку. Ко времени Римской империи они создали конницу, вооруженную копьями и длинными сокрушительной силы мечами и одетую в чешуйчатые доспехи. Их знали как бесстрашных воинов, сами же они считали себя непревзойденными. Их традиции и обычаи не позаимствовали у классических обществ Европы ничего. У них были свои собственные боги и духи, священнослужители и пророки. Самым могущественным богом они считали бога войны, принявшего облик чудесного меча. Наивысшей честью для них было умереть в бою, а те, кому это не удалось, иногда изменяли свой пол, одевались как женщины и становились прорицателями-транссексуалами [16].

В первом тысячелетии до н.э. один вид сомкнутого боевого клина этих бесстрашных конных воинов, устремляющихся на битву, внушал ужас почти всем цивилизованным народам от Ассирии и Палестины до границ Древнего Египта, от центра Азии до зарождающейся Китайской империи на Дальнем Востоке.

Римляне быстро разглядели в этих варварах грозного противника и стали искать пути приближения их к себе. Они давали им пристанище и даже нанимали на службу. При этом использовались разные способы — от прямых контрактов с наемными подразделениями конницы кочевников до насильственного

переселения пленных и требования у побежденных вождей-кочевников предоставить воинов в качестве дани. Такая политика способствовала рассеиванию варваров с Востока по всей Римской империи, охватывая территории Испании, Северной Африки, Северной Франции (области, населенной бретонцами и известной как Арморика) и даже до северных границ римской провинции Британия.

Итак, восточные варвары были привлечены к управлению другими покоренными Римской империей варварами даже на самой ее западной оконечности — в Британии. Они прибыли тяжеловооруженными, верхом на лошадях. И наверняка принесли с собой обычаи, верования, легенды и мечты, которые выковали новый мировой порядок и дали направление формированию мира после того, как осела пыль на руинах Римской империи. И разве не могли представления этих варваров воплотиться в легендах о великом короле Артуре?

Мы видим разницу между цивилизованным поведением и поведением варвара. Мы легко отличаем дикость гунна Аттилы [17], Чингисхана от благовоспитанности людей античной Греции и Рима, эпохи Ренессанса, от демократических цивилизаций второй половины XX века. Не требует доказательств то, что *мы* цивилизованны, а *они* — варвары. И это больше чем простое умозаключение — это вопрос веры и убежденности.

На самом деле в данной идее мало объективной исторической правды. На протяжении двух тысячелетий существовали представления, что наш мир неоднократно подвергался угрозам со стороны ужасных и жестоких, не похожих на нас «других» народов, за-

частую приходящих с Востока. Артур — защитник нашей западной веры и этой убежденности, типично героическая фигура, сражавшаяся против сил зла и хаоса, что является одной из самых привлекательных его черт. В связанных с ним легендах «варварами» являются саксы, темные силы, вторгающиеся с Востока и грозящие погубить все его королевство. Но на самом деле сам Артур в глазах римлян выглядел бы чистейшим варваром.

Между тем саксы — злодеи из легенд об Артуре — скорее могут претендовать на роль наших предков, чем какой-либо кельто-бриттский полководец или король. В конце концов, мы до сих пор говорим на их языке, используем их имена, живем в их деревнях и городах. И точное определение, кто цивилизован, а кто варвар, зависит в большой степени от того, с какой исторической позиции мы на это смотрим. На протяжении всей истории существует множество свидетельств цивилизованного поведения варваров, можно привести столько же примеров варварского поведения так называемых цивилизованных людей. С моей точки зрения, эти искусственно создаваемые различия препятствуют пониманию того, каким образом складывался средневековый мир, но они же, вероятно, и породили легенды о короле Артуре.

Итак, если мы собираемся добраться до истины, нам придется преодолеть близорукость «цивилизованных» людей, противостоявших «варварам», чтобы оценить по заслугам актеров на сцене раннего средневековья. Отправным пунктом в поисках Артура станет для нас «варварская» страна, в которой, по преданиям, он жил, — кельтоязычная Британия.

Глава 2

КЕЛЬТСКАЯ БРИТАНИЯ — МИР АРТУРА

До прихода римлян, примерно с 700 года до н.э., бритты, которых иногда называли островными кельтами, держали под своей властью большую часть Британии. Когда римляне покинули остров, около 410 года, власть бриттов была восстановлена. На протяжении всего предполагаемого периода правления Артура (конец V — начало VI века) власть принадлежала бриттам, хотя и постоянно подвергалась опасности из-за набегов германских племен — англов, саксов и ютов, вторгавшихся из континентальной Европы.

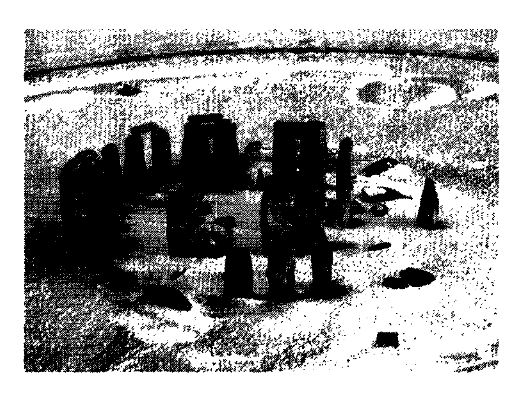
Будучи ребенком, я думал, что Артур говорил по-английски, да и на каком же языке говорить основателю британской нации! По нашему недавно купленному черно-белому телевизору я видел, как он

говорил по-английски, и слышал его в радиопостановках. И поэтому я никогда не задумывался о том, что если Артур жил в те времена, которые ему приписывались, он должен был говорить на гэльском или кельтском языках. Английский же был языком его смертельных врагов — саксов. Саксы оттеснили бриттов к западным окраинам острова, обеспечив господствующее положение своего языка и придав ему достаточную силу, чтобы ассимилировать сперва носителей скандинавских наречий (датчан и викингов), а затем и франкоязычных норманов. И все это происходило до того, как этот язык стал языком Чосера и Кэкстона, первого издателя артурианских легенд. Но 2000 лет назад язык, на котором говорили бритты, безусловно, был одним из кельтских наречий, родственным языкам близлежащей Галлии (современная Франция), Иберии (Испания) и Эйре (Ирландия).

В Британии не осталось практически ничего в том виде, как было 2000 лет назад, будь то природные объекты или созданные руками человека. Наше воздействие на ландшафт было настолько велико, что лишь немногие скалистые утесы и горные вершины, небольшая часть неровных участков береговой линии и, возможно, небольшая часть лесистой местности остались такими, какими они были во времена Христа. Но процесс изменения ландшафта начался за много тысяч лет до нашей эры. Первые земледельцы стали расчищать земли приблизительно на рубеже V–IV тыс. до н.э., и к началу нашей эры около половины лесистой части Британии было расчищено под пастбища или пашню. В те времена климат был немного мягче, чем сейчас, что позволяло деревьям расти гораздо выше

по склонам холмов, лето было чуть длиннее и жарче, а зимы немного теплее, чем в наши дни.

Древние жители Британии активно преобразовывали свое жизненное пространство: они не только расчищали и заселяли свои земли, но создавали выдающиеся памятники. Каменные круги, святилища и курганы были разбросаны по всей территории, указывая на религиозные верования, познания в астрономии и почитание умерших. Глубокие рвы и земляные насыпи — убежища и оборонительные сооружения на случай войны — обнаруживаются на вершинах многих из расчищенных холмов. Поселения людей были связаны узкими и широкими тропами, что говорит о том, что между племенами уже тогда существовали общение и натуральный обмен. Там были даже непостижимо таинственные сооружения, такие как Стоунхендж, Эйвбери[18] и огромная округлая ступенчатая пирамида Силбери-Хилл[19], построенная около 2600 года до н.э., то есть именно тогда, когда древние египтяне только начинали возводить ступенчатые пирамиды значительно меньшего масштаба. Эти поразительные рукотворные сооружения — древние и таинственные — безусловно должны были занять свое место в мифах и легендах кельтов, которые примерно с 700 года до н.э. ко-

Стоунхендж

Силбери-Хилл

лонизировали Британию. И, естественно, спустя 2000 лет эти сооружения нашли отражение в письменных повестях о короле Артуре.

Если кельты Британии действительно были народом Артура, жившим в его эпоху, тогда мы должны возвратиться в этот мир, чтобы найти истоки рассказывающих о нем преданий. Сделать это непросто. До прихода римлян кельты Британии не имели письменности. Римляне не только записывали свои наблюдения за бриттами, но и обучали их грамоте. Но со времен Британии римского периода сохранилось очень мало ценных свидетельств, написанных на латыни руками бриттов, а то, что уцелело, обычно отражало предубеждения римлян. В конце концов только бритты, попавшие под сильное влияние римлян, могли научиться читать и писать на латыни. Свидетельства археологии этого периода многочисленны и информативны, но предположения, основанные только на материалах археологических раскопок и не содержащие какой-либо исторической, зафиксированной в летописях информации, недостаточно надежны для интерпретации.

Мы полностью полагаемся на описания жизни галлов и бриттов, сделанные римлянами, в связи с чем главной становится проблема необъективности этих описаний. Юлий Цезарь писал много и проницательно о своих противниках в галльских войнах. Самое образное и известное его изречение о покорении Бри-

тании — *Veni, vidi, vici* — «Пришел, увидел, победил»[20], — однако еще целых сто лет после 55 года до н.э. ни ему, ни другим римлянам не удавалось покорить Британию.

Около 96 года римский историк Тацит опубликовал рассказ своего тестя о пребывании в Британии — «Агрикола», содержащий подробное описание подданных римского консула — бриттов. В то же самое время Тацит публикует свою «Германию», где описывает германские племена, живущие к северу от римской границы, проходившей по линии естественных преград — рек Рейна и Дуная. Этот труд, как и более поздние сочинения Аммиана Марцеллина, содержит сведения о кельтских племенах европейского континента. Многие классические авторы, от Цицерона до Ливия, находили удовольствие в провозглашении своего превосходства над галлами-варварами, и почти каждый император и правительство оставляли записи о том, как они управляли галльскими землями и народами, включая Британию. Эти записи дают возможность составить достаточно ясное представление как об укладе жизни кельтов, так и об их традициях на заре новой эры, хотя необходимо помнить, что римские оценки не беспристрастны и представляют взгляд со стороны.

Кельты добились заметного положения в Европе еще до расцвета Римской империи. Являясь, очевидно, выходцами с территории современной Южной

Австрии, кельты затем распространились по всей Европе. Они создавали колонии вплоть до Черного моря на востоке Европы и на некоторое время оккупировали значительную часть Северной Италии. Кельты массово расселялись в западном направлении, захватив Францию, большую часть Иберийского полуострова и почти все Британские острова. К 390 году до н.э. они стали столь сильны в военном отношении, что даже сожгли и разграбили большую часть Вечного города, хотя по-настоящему они никогда не покоряли римлян. В конечном итоге, именно это и предопределило наступление продолжительного периода упадка кельтской культуры.

Кельты были земледельцами, они выращивали злаковые культуры и овощи, разводили домашних животных — овец, гусей, свиней, рогатый скот и лошадей. Как и все другие народы в те времена, они умели охотиться и рыбачить, хотя эти занятия не всегда были важными для их существования. Искусные ремесленники, они, вступив в железный век, создали декоративно-художественный стиль, процветавший на протяжении тысячи лет, который известен и сегодня. Животные обеспечивали их мясом, шкурами, костью, молоком, шерстью и использовались как тягловая сила для плуга, повозки и колесницы. Кельты были хорошими наездниками, вероятно, переняв мастерство верховой езды от степных народов и народов Восточной Европы. Их малорослые лошади были выносливыми. Среди всей живности наиболее ценным и необходимым был крупный рогатый скот, служивший мерилом богатства и зачастую становившийся основной целью набегов.

Кельты имели представление о строительстве лодок и плотов, на которых они передвигались по рекам и даже выходили в море. Они регулярно пересекали проливы между Британией, континентальной Европой и Ирландией. Почти такая же ситуация существовала до и после римского завоевания, во времена Артура, хотя в канонической артурианской традиции мало внимания уделялось основным сторонам жизни кельтов.

Основное население было сосредоточено в деревнях. Жилища кельтов того времени — это хижины из лозы или камня, крытые соломой. Поселения обыкновенно имели внешнюю оборонительную стену, ров или частокол. Хотя у них, конечно же, были святые места, они не строили основательных церквей или храмов и не возводили каменных укреплений. Основной предмет кельтской одежды — длинный плащ, скрепленный на шее брошью или булавкой. Богатые мужчины, занимавшие высокое положение в обществе, носили облегающие льняные рубашки и штаны. Женщины под плащами носили свободные юбки и блузы. Мы знаем мало об их кулинарном искусстве, хотя определенно известно, что из зерна они делали хлеб и жидкую кашу, жарили и варили мясо и были неравнодушны к медовухе — хмельному напитку из сброженного меда.

Климат большей части равнинной Британии достаточно мягкий, поэтому земледельческий образ жизни обеспечивал обитателей этих местностей едой на протяжении всего года. Собранный урожай закладывался на хранение, а животных забивали к концу кельтского года — 31 октября (сегодняшний канун дня Всех Святых, Хэллоуин). Но в гористой части и в

более северных районах Британских островов климат был холоднее, сезон, когда возможно выращивание сельскохозяйственных культур, короче, и земледелие было едва возможно. Чересчур дождливая весна или осень могли уничтожить урожай, оставляя людей под угрозой голода. Вероятно, именно из-за неблагоприятных климатических условий и гористого рельефа римляне никогда не ставили перед собой цель завоевать Шотландию и Уэльс [21]. Вероятно, по этой же причине бритты не делали попыток вытеснить своих враждебных северных соседей — пиктов и каледонцев [22]. Их земли представляли незначительный интерес. Экономическая уязвимость, постоянная зависимость от погоды определяли мировоззрение представителей этих племен: возможно, под влиянием обстоятельств пикты и каледонцы стали смелыми и воинственными, будучи вынуждены в голодные времена совершать набеги на более южные территории. Они пользовались благоприятными для себя обстоятельствами, неизменно нападая во время политических и военных потрясений на территорию, позднее ставшую Англией. В любом случае, эти племена являлись головной болью и для бриттов, и для римлян.

Тем не менее мир кельтов Британии не был ограничен исключительно этими островами. Я уже упоминал, что бритты доплывали до материковой Европы и Ирландии, и они, безусловно, поддерживали торговые отношения со своими кельтскими сородичами на континенте. Благодаря этому они стали частью торговой системы, объединявшей всю Европу: от Скандинавии через Венгерскую равнину до Центральной Азии, от Черного моря через Балканы до Южных Альп, через Францию и далее на запад в Иберию,

где одно только название Португалии («порт галлов») выдает продолжительное присутствие кельтов.

На крайних точках этих торговых путей кельтоязычные народы Европы напрямую соприкасались с Римом и Грецией, а через них — с Древним Египтом, Ближним Востоком и Северной Африкой. На востоке самые отдаленные колонии кельтов соприкасались с номадами Центральной Азии, а на севере, то враждуя, то примиряясь, — с народами, говорившими на германских языках и занимавшими земли современных Германии, Польши, Венгрии и Скандинавии. По торговым путям перемещались не только собственно товары — они были проводниками идей, изобретений, основой культурного взаимопроникновения народов. Вот два ярких примера: при раскопках Лондона доримского периода в иле реки Темзы была обнаружена статуя египетской богини Изиды, а из торфяного болота в Дании был извлечен Гундеструпский котел[23], вероятно, наиболее значительное произведение искусства всей эпохи кельтов. Скорее всего, этот котел был изготовлен кельтами или даками[24], жившими возле Черного моря, около 200 года до н.э.

Думается, тесные связи между людьми, которых мы сейчас называем бретонцами, жителями современной Бретани, и островными британцами сложились очень-очень давно. Такая близость существовала на протяжении тысячелетий и, безусловно, была важным фактором в сложении и распространении различных версий легенд об Артуре в Средние века. Во времена Рима Бретань была известна как Арморика.

Наивысший расцвет кельтской культуры пришелся на IV век до н.э., и ее центр находился во Франции, где по мере развития специализированных ремесел

создавались и расширялись оседлые поселения. Кельты были великолепными мастерами по металлу, освоили бронзовое литье, изготовляли изделия из железа, серебра, золота. Их кузнецы составляли элиту общества и гордились своей работой. Они ввели клеймо мастера, которое ставилось на их лучшие изделия, особенно мечи.

Кельтские ремесленники добились также большого мастерства в работе по дереву — в строительстве домов, ограждений, в изготовлении плугов, повозок и даже изящных легких деревянных колесниц. Чтобы обеспечить свои потребности в древесине, они, вырубая леса, видоизменяли природный ландшафт Северо-Западной Европы. С одной стороны, кельты сохраняли большие деревья твердых пород, таких как дуб, для использования в кораблестроении и для сооружения домов, а с другой стороны, развили систему лесопосадок для периодической вырубки молодых деревьев, которая обеспечивала их материалом для изготовления древков оружия, изгородей, плетеных изделий и сооружения стен хижин-мазанок.

У кельтов было достаточно времени и мастерства, чтобы украшать свое оружие, инструменты и ювелирные изделия характерным орнаментом, напоминающим закрученную спираль, который знаком нам сегодня. Как подтверждают археологические находки, их умения и мастерство широко перенимались всем кельтским миром, включая Британию, несмотря на то, что в разные времена в разных частях кельтской Европы появлялось огромное количество своих собственных, местных традиций и обычаев.

У кельтов не только были развиты сельское хозяйство и ремесла, их социальное устройство также

было сложным. Кельтское общество было разделено на три сословия — первое составляла знать, включающая верховных вождей, военачальников и королей; второе составляли свободные простолюдины, к третьей принадлежали рабы. Цезарь называл кельтскую знать, или аристократов, термином *equites* (всадники), это название вызывает понятный резонанс при рассмотрении вопроса об истоках рыцарства и легенд об Артуре. Нельзя отрицать тот факт, что мастерство верховой езды и гордость от владения им были достоинством кельтов, хотя этими навыками в основном обладали иберийские кельты.

Свободные люди, как правило, были земледельцами или ремесленниками, которые составляли пехоту кельтского войска. Сословие рабов пополнялось захваченными воинами противника, также рабов покупали и продавали. Они использовались для выполнения черных работ, но следует отметить, что, в отличие от роли рабов в Римской империи, здесь их труд не имел решающего экономического значения. Рабам отводилась и важная роль в некоторых наиболее жестоких ритуальных практиках кельтов [25]. Привилегированным положением пользовался определенный круг людей — маги, или друиды, барды, поэты, кузнецы, музыканты, толкователи законов и врачи [26].

Большинство ученых сомневается в том, что те, кого мы называем кельтами, имели представление о своей принадлежности к кельтам. Само слово «кельты» употреблялось чужеземцами для обозначения совокупности людей, имевших схожие язык, культуру и идеологию. Мы можем провести параллель с сегодняшним днем и сравнить, как европейцы, жившие в колониях, отзывались об африканцах или индусах. Последних устраивает

все, кроме термина, используемого для описания их отличительных черт и своеобразия.

Самосознание народа в период существования кельтской Европы не распространялось до масштабов всего огромного кельтского мира. Цезарь для определения этого использовал термин *civitas*[27], что обычно переводится как «племя». Но у меня есть много замечаний в отношении использования данного термина, так как, по нынешним воззрениям, он содержит намек на примитивность. Пожалуй, взяв за основу корень *civis*[28] в термине Цезаря, было бы правильнее переводить вышеуказанный термин как «нация» или, может быть, «общность» или «народ». Вот пример ошибочного употребления слова «племя» в данном контексте: Цезарь покорил «племя» гельветов, предков швейцарцев (они сами себя сейчас называют *Communes Helvetiques*), которых насчитывалось около 265 000 человек, и во главе которых был собственный король.

Политическая система работала таким образом, что каждое «племя» делилось на более мелкие группы, над которыми стояли владетель или аристократ — беспристрастные и справедливые. Могущественная и успешная знать господствовала над менее удачливыми представителями общества, точно так же как могущественные короли могли потребовать повиновения и преданности от нижестоящих правителей королевской крови. Вся система была связана воедино понятием патроната и клиентелы. Знатный патрон обеспечивал своему клиенту защиту и поддержку, наделял его землей, скотом, орудиями труда. Клиент оплачивал такую заботу патрона натуральным оброком, преданностью и военной службой. Чем больше

клиентов, тем могущественнее патрон, независимо от того, был ли он местным деревенским вождем или великим королем нескольких племен (*civitates*).

В теории это должно было создать стабильную модель социальной организации. На практике же все обстояло иначе. Поскольку кельты не придерживались строгих правил наследования, например права первородства, каждый раз, когда умирал знатный человек, его поместье обязательно кем-то захватывалось. Набеги, междоусобица и даже военные столкновения были обычным явлением, поскольку претенденты на власть не стеснялись в выборе средств борьбы со своими соперниками. Все это делало политическую систему чрезвычайно нестабильной, открытой для интриг и заговоров как изнутри, так и со стороны внешних врагов, образовывавших временные альянсы с какой-либо из сторон для победы над другой, чтобы вслед за тем обратиться против своих недавних союзников. Цезарь неоднократно подчеркивает, что галлы «легко склоняются к перемене замыслов и обычно приветствуют политические изменения».

С самого начала я должен сказать, что это была именно та политическая ситуация, которая, насколько мы знаем, существовала во всей кельтской Европе, особенно в Британии, до римского завоевания, во времена римлян и после их ухода, в дни Артура. Именно в такой обстановке и происходило действие первых частей артуровских легенд, записанных в XII—XV веках. Все артурианские легенды изображают его восхождение к власти как череду сражений и создания альянсов с соперничающими королями различных областей Британии.

Это ощущение напряженной нестабильности, нескончаемой борьбы за власть и ее сохранение в трясине быстро меняющихся политических и военных союзов придает драматический оттенок легендам об Артуре. Необходимо также отметить, что такой вид политической организации, породивший свои собственные исторические последствия, на самом деле очень распространен. По его подобию англичане создали свою империю, хитроумно эксплуатируя принцип «разделяй и властвуй» в Индии, Африке и Азии. Подобный подход был и остается основной частью политики практически каждой нации, не имеющей централизованной системы управляемия. Присмотритесь к тому, какими методами и способами решали и до сих пор решают политические вопросы, к примеру, туареги в Сахаре, или пуштуны в Афганистане и их индоиранские предки, и вы увидите сегодня ту же модель поведения, что существовала и две тысячи лет назад. На мой взгляд, если мы детально разберем политические игры в артурианских легендах, то сможем выделить более отчетливые элементы в действиях фигурирующих персонажей, которые, возможно, и не происходят напрямую от модели политического поведения кельтов.

Роль женщин в кельтском обществе, хотя они и были в целом подчинены воле мужчин, все же не была настолько строго предопределена, чтобы исключить с их стороны всякую инициативу. Например,

королева бриттского племени иценов Боудикка после того, как ее дочери были изнасилованы, а ее саму римляне подвергли бичеванию, подняла восстание и собрала под свои знамена тысячи воинов [29]. У бригантов, могущественного и мятежного народа, живущего на территории нынешних Йоркшира и Нортумберленда, тоже была королева, ее звали Картимандуя [30]. В те времена роль женщины в британском обществе была намного многограннее, чем в римском обществе, где к женщинам редко относились лучше, чем к гражданам второго сорта.

Однако, отметив все это, нельзя утверждать, что пьедестал, на который была вознесена женщина в соответствии с рыцарским кодексом чести и представлениями о куртуазной любви, превалирующими в легендах об Артуре, имеет свои основания в кельтской культуре. Но можно сказать, что культура кельтов Британии была достаточно гибкой и давала возможность добиться высокого положения всем тем, кто стремился к нему и был способен подняться наверх — будь то мужчина или женщина. Социальный статус не был незыблем с рождения, и возможность возвыситься в социальном положении или потерять его была открыта для всех.

Одним из способов повысить свой статус в обществе было участие молодых людей в военных отрядах. Мужчинам запрещали жениться до тех пор, пока они не унаследуют землю, что означало постоянное наличие свободных молодых мужчин. Молодой человек мог очень сильно повысить свой авторитет, возглавив своих сверстников в удачном набеге за скотом, пленными или сокровищами. Тремя основными источ-

никами и мерилами богатства были рабыни, коровы и серебро, являвшиеся также своеобразной «валютой».

Накопление богатства в виде рабов, скота и сокровищ составляло цель кельтской политической системы. Если какой-либо человек обладал ювелирными изделиями, дорогими украшениями, оружием, он охотно демонстрировал их соплеменникам, дабы повысить свой социальный статус. Обычно все ценное имущество выставлялось напоказ во время торжеств и пиров, на которых гостей обслуживали рабыни и развлекали барды, поэты, сказители и музыканты. Пиры и развлечения играли важную роль в формировании и поддержании союзов, которые часто скреплялись браком. Однако такие пиры могли закончиться ссорами, драками, враждой. Если во время пира нарушался этикет, обстановка накалялась. Легенды об Артуре изобилуют подобными эпизодами.

Так как схваткам и военным столкновениям в легендах отведена важная роль, нам необходимо обратить внимание на исторические факты, свидетельствующие о том или ином поведении сторон во время военных действий. Большинство римских писателей, рассказывая о любви галлов к войне, подчеркивали то, как страшно было столкнуться с их армиями лицом к лицу. Хотя некоторые воины носили кольчуги, изобретение кельтов, многие шли в бой полностью обнаженными, но в своих украшениях и с оружием. Известно, что их абсолютная доблесть устрашала врагов.

Обычно массовые сражения начинались с вызова на поединок и со схватки один на один. Во время битв кельты издавали громкие крики, подбадривая друг друга. Сражения неизменно сопровождались сигна-

лами боевых труб и стуком оружия о щиты. Цезарь описывает боевые кличи галлов как «вой». В начале битвы римляне осыпали своих врагов градом тяжелых копий, в результате чего враг либо был пронзен копьем, либо ему приходилось глубоко вжаться в свой щит, что резко ограничивало свободу движений и возможность защитить себя. Кельтские щиты были больших размеров и обычно изготавливались из дерева, покрывались кожей, а иногда отделывались металлом. Хотя они и закрывали более половины тела, Цезарь не считал их достаточной защитой.

В конце первого тысячелетия до нашей эры знатный воин отправлялся на войну в колеснице, запряженной двумя лошадьми. Его сопровождали возница и слуга, которые должны были помочь своему господину скрыться, если тот будет ранен в бою. Целью первой атаки было разбить на части линию обороны противника. После этого колесница останавливалась, и знатный воин сходил с нее, чтобы продолжить битву пешим. К началу III века до н.э. на европейском континенте колесницы в основном были заменены конницей. В это время верховая езда и навыки конного боя у континентальных кельтов уже были широко распространены. Бритты, пытавшиеся дать Цезарю отпор, в 55 и 54 годах до н.э. все еще полагались на устаревшие колесницы, чему Цезарь был очень рад.

Кельтская монета с изображением боевой колесницы

За первой атакой следовала всеобщая рукопашная схватка, основной целью которой было обратить против-

ника в бегство. Если же это не удавалось, противоборствующие стороны продолжали биться до тех пор, пока одна из них не сдавалась. Так как битвы в основном велись на открытой местности, исход их редко представлял собой «организованное отступление». Чаще терпящая поражение сторона, расстроив ряды, пыталась найти укрытие в лесах, на возвышенностях или в болотистой местности. Победители неотступно преследовали их, убивая или беря в плен как можно больше врагов.

Эта модель ведения военных действий была всем хороша, но только тогда, когда кельты сражались с кельтами или против германцев. Когда же они столкнулись лицом к лицу с римскими легионами, превосходящими их в дисциплине и тактическом мастерстве командиров, шоковая тактика кельтов не всегда приносила успех. Римское оружие как нельзя лучше подходило для ближнего боя. У легионеров были большие щиты, и когда римляне смыкали их вместе, эти щиты представляли собой почти непроницаемую стену против града копий и стрел. Их длинные копья могли быть эффективно использованы против атакующей кавалерии или колесничных воинов. Головы, лица и торсы римских воинов были защищены доспехами. Их короткие мечи были предназначены для того, чтобы поразить врага в ближнем бою.

В отличие от римлян многие кельты и бритты совсем не носили доспехи; их мечи представляли собой длинное сокрушительное оружие с тупым концом, пригодное для поединков или для битвы на открытом месте, но таким мечом было невозможно пронзить противника, а их длина мешала сражаться на ограниченном пространстве.

Римляне быстро поняли, что, сочетая свое военное мастерство с тактической хитростью, могут побеждать пехоту кельтов. Со своей стороны кельты, казалось, были оскорблены дисциплиной и коварством своих врагов. Делегация кельтов гельветов [31] фактически сделала выговор Цезарю за ночную атаку на их соплеменников, когда те пытались пересечь реку:

Он неожиданно напал на один клан в тот момент, когда их товарищи, уже переправившиеся на другую сторону, не могли прийти им на помощь; но он не преувеличивает свою доблесть и не относится к ним свысока. Они научились от своих отцов и предков драться как отважные мужчины, а не полагаться на хитрости и уловки.

Несколько римских авторов отмечали психологическое воздействие колесничной атаки. Запряженная двумя могучими боевыми конями колесница производила своими колесами такой устрашающий грохот, что лишала пехоту присутствия духа. Но колесницы были и самыми неустойчивыми средствами передвижения; они легко опрокидывались на неровной земле. Из древности, от Ассирии до Китая, к нам дошло несчетное количество сведений о королях и знатных людях, которые были выброшены из своих колесниц, и о неуправляемых лошадях, несущихся во весь опор. Фактически невозможно было пускать стрелы или метать копья с движущихся колесниц, и единственная реальная польза от них заключалась в обеспечении мобильности на поле боя. Большинство из нас смотрели фильм «Бен-Гур» и могут подтвердить тот трепет, который испытываешь от вида несущихся колесниц. Возможно, это и есть ключ к разгадке в

сущности традиционной роли этого средства передвижения. Колесницы были идеальны для триумфальных процессий на Аппиевой дороге, грандиозных публичных демонстраций военной доблести, но их использование в качестве средств передвижения в военных действиях было очень ограничено.

Однако в те времена конница могла стать решающим фактором в сражениях, а кельты были, безусловно, хорошими всадниками. Греческий географ Страбон писал:

Все галльское племя до безумия воинственно. Хотя все они прирожденные воины, все же они более искусные всадники, чем пехотинцы.

Когда в 390 году до н.э. галлы двинулись на Рим[32], говорили, что у них насчитывалось 5 000 пехоты и 20 000 конницы. Римский легион на заре империи обычно насчитывал около 5 000 человек, из них было только 200 всадников. Несмотря на всю важность конницы, галлы и бритты, которые не знали стремян (стремена необходимы для того, чтобы, нанося таранный удар копьем на скаку, удержаться на лошади), в основном использовали всадников как стрелков в цепи и на флангах пехоты.

Во многих случаях, когда разворачивалась битва, всадники спешивались и вступали в бой. Испанские галлы даже прикрепляли к поводьям специальные колышки, которые они вбивали в землю, привязывая своих лошадей на время сражения. Но если события разворачивались в их пользу, они вскакивали в седло и, преследуя отступающих врагов, безжалостно истребляли их. Их способность настигать бегущую пехоту во много раз увеличивала число убитых в бою.

Очевиден и тот факт, что в течение столетий, предшествующих римскому завоеванию Галлии и Британии, конница не использовалась для фронтальных атак. Атака тяжелой кавалерии — основная форма ведения боя в сказаниях об Артуре — еще не была изобретена. Однако ситуация изменилась в период римского завоевания Британии.

Кроме открытого сражения на поле брани, бритты в оборонительных целях строили укрепления также на возвышенностях, следуя традиции, которая появилась еще до прихода кельтов в Британию. Хотя при пахотных работах на протяжении столетий большинство укреплений этого и последующих периодов были разрушены, часть из них все же сохранилась — огромные, в форме кольца, крепостные валы и рвы, окружающие вершины открытых холмов. Некоторые из этих земляных укреплений занимали такую большую территорию, что за ними размещались жилые строения и пастбища для скота и лошадей. Во время войн их, очевидно, использовали как укрытия, где большая часть местного населения могла собраться под защитой своих соплеменников. Выбираемые для этих целей холмы, как правило, имели крутые склоны со всех сторон, кроме одной. Именно на этой стороне сосредотачивались основные оборонительные силы, а труднодосягаемые подступы могли быть слабо защищены.

Галлы и бритты не просто копали рвы и насыпали землю, чтобы соорудить оборонительные валы. Они строили хорошо спроектированные каменные и деревянные заградительные стены с укреплениями и частоколами. Находившееся в таком укреплении население было хорошо защищено, хотя во многих случаях

способность противостоять осаде сильно зависела от наличия достаточного запаса воды. Многие из наиболее известных и сохранившихся укреплений такого рода были построены в Южной и Юго-Западной Британии на вершинах меловых холмов, где не было возможности копать водяные колодцы. Если разобраться, идея создания оборонительных позиций для того, чтобы выдерживать осаду, идет вразрез с представлением бриттов о ведении военных действий. У них были ограниченные знания о способах ведения осадной войны.

Цезарь описывает, как легионеры, образовав защитную «крышу» своими большими щитами, сомкнутыми над головой, строят земляные насыпи, чтобы по ним ворваться в укрепление бриттов. Другие сражения ясно показали, что у бриттов отсутствует римская изобретательность в организации осады с применением стенобитных таранов, катапульт для метания тяжелых камней и других орудий такого рода. Во время своей второй кампании Цезарь, который пишет о себе в третьем лице, пришел на взятие укрепления бриттов под командованием Кассивелауна. Вот как он описывает эти события:

Бритты называют «крепостью» всякое место в лесной чаще, укрепленное валом и рвом, где они укрываются от нападения вторгшихся врагов. Он направился с легионами к этому месту и обнаружил, что оно защищено естественными преградами и прекрасно укреплено, однако двинулся на штурм сразу с двух сторон. Вскоре враги оказались не в состоянии сдерживать яростный натиск легионов и бросились из крепости с другой ее стороны. Там оказалось большое

количество скота, и многие из бежавших были взяты в плен и перебиты.

Хотя я не сомневаюсь, что Цезарь чрезмерно преувеличил легкость, с которой он взял укрепление, существует много сведений о победах римлян при осадах укреплений. Основной причиной быстрого преодоления сопротивления галлов после начала римлянами штурма, по всей вероятности, была неспособность галлов создавать и удерживать хорошие оборонительные позиции.

Существуют археологические свидетельства, подтверждающие, что в постримской Британии в V веке бритты возобновили использование укреплений на холмах, сражаясь в междоусобных войнах и отражая набеги вторгающихся саксов. Но когда 600 лет спустя люди стали записывать легенды об Артуре, укрепления на холмах были полностью вытеснены каменными замками норманнов и их наследников.

В этих каменных замках с их отвесными из темного камня стенами, опускающимися решетками, заградительными рвами, наполненными водой, подъемными мостами и тому подобными атрибутами, происходило действие артурианских драм и типично средневековых конфликтов. Эти замки часто осаждают, но население и воины отважно обороняются, сопротивление длится долго, подтверждая историческую правду о том, что в Позднем Средневековье хорошо защищенные замки было очень трудно взять силой. Сочинители легенд об Артуре предприняли попытку несколько «приукрасить» Британию периода Темных Веков с укреплениями на холмах, предпочтя этому вымышленный готический Камелот с отвесными ка-

менными стенами, коническими башенками с зубцами, подъемными мостами, — тот самый Камелот, образ которого впоследствии позаимствовали Теннисон и Уолт Дисней. Сами по себе восхитительные и романтические замки являются принадлежностью средневековой Британии позднего периода и не имеют ничего общего с Темными Веками — эпохой Артура.

Изучая литературу о политике, дипломатии и войнах Рима с галлами и бриттами, я обратил внимание на то, что обе стороны прибегали к одному и тому же методу — взятию заложников. Для обеспечения длительных союзов от ненадежного партнера часто требовали, чтобы он передал свою жену, детей или даже всю семью под чье-то покровительство. Римляне часто требовали это от вождей и королей «варваров», которым не доверяли, но подобная практика также широко применялась среди вождей галлов и бриттов.

Интересно, что в артурианских легендах тема взятия заложников не является значимой, так как, похоже, эта практика канула в небытие, когда большая часть Британии была объединена под властью единого короля. Хотя союзы и цементировались браком (Гвиневера была королевой Летней Страны, Сомерсет), главным становилось подчинение нравственному (рыцарскому) кодексу и преданность своему господину, основанная на этом, а не на использовании заложников как гарантии такой верности. В ответ на это от вождя ожидалась щедрость по отношению к подданным, наделение их землями и богатством.

И, повторимся, Realpolitik[33] Позднего Средневековья отразилась в артурианских легендах с малой долей исторической достоверности. Я полагаю, что тема взятия

заложников не встречается в легендах вовсе не из-за отсутствия сведений об этой практике. Труд Цезаря «Записки о галльской войне», без сомнения, был доступен сочинителям этих легенд, которые гордились своей ученостью. Но, возможно, они исключили из своих работ тему взятия заложников по этическим соображениям. Если обстоятельства складываются не так, как было предусмотрено, то есть союзник, которому доверяют, переходит на сторону врага, у «покровителя» заложников имеется право безжалостно убить их. Без сомнения, это постоянно происходило в описываемое время, но героический ореол, который писатели старались придать Артуру, плохо сочетался бы с перерезанным горлом невинных младенцев и благородных женщин.

Другой обычай, также связанный с войной, который сочинители предпочли не упоминать — это человеческие жертвоприношения. В нашем распоряжении есть ужасающие свидетельства этой практики, представленные «болотными людьми» — жертвами казней, чьи тела были брошены в топь и хорошо сохранились в торфянике. Хотя такие жертвоприношения были более характерны для германских племен Скандинавии, Германии и Нидерландов, но останки «болотных людей» находили и в Северной Англии, и в Ирландии. Наиболее известен из них британский экспонат «Пит Марш» («Человек из Линдоу»[34]). Этого человека дважды ударили по голове, нанесли один удар в спину, затем удушили; после этого ему перерезали горло, — предположительно, таким образом совершился акт кровопускания. Данное «троекратное убийство» имеет характерные кельтские корни — как известно, у кель-

тов люди приносились в жертву и для того, чтобы предсказать исход военных действий, и в качестве дара богине плодородия.

К VI веку в Британии утвердилось христианство, хотя далеко не все восприняли его единодушно, а завоеватели-саксы все еще оставались язычниками. Этот тонкий налет христианства, под которым скрывались традиционные кельтские религиозные культы, с моей точки зрения, был довольно точно отражен в письменном артурианском каноне[35]. Все авторы стараются придать Артуру внешние признаки христианина, изображая его королем, молящимся по несколько раз в день и окруженным епископами, монастырями, монахами и подобными атрибутами. Хотя в самих текстах легенд очень мало христианского духа. Ближе всего к этому подходят сочинители в описаниях долгих и трудных странствий в поисках Святого Грааля.

Известно, что с незапамятных времен во многих частях Европы существовали сказания о священных чашах и питье человеческой крови. Представляется,

Гундеструпский котел. Общий вид и пластина с изображением сцены перерождения. Серебро, позолота. II–I вв. до н.э.

что наряду со многими артурианскими мотивами поиск Святого Грааля является христианской интерпретацией широко распространенного культа священной чаши. Как уже упоминалось ранее в этой главе, Гундеструпский котел, возможно, является наиболее известной чашей древности. Вероятно, он был сделан кельтскими мастерами, жившими в Причерноморье около 200 года до н.э. Этот великолепный предмет был аккуратно разобран его германскими владельцами (возможно, выходцами из племени кимвров) и опущен в торфяное болото в Дании в качестве приношения. На одной из составляющих его пластин изображен развернутый строй воинов. Следуя вдоль Древа Жизни, они проходят мимо собаки (символ смерти) и оказываются подхваченными огромной фигурой божества, которое осторожно опускает их в большой котел, а над ним изображены конные воины, удаляющиеся от этой сцены перерождения, заново возродившиеся в качестве всадников.

Из других источников нам известно, что кельты верили в перерождение. Цезарь рассматривал их безрассудную отвагу в битве как прямой результат презрительного отношения к смерти и веры в возрождение. А эта необычная сцена, изображенная на котле, похоже, олицетворяет пути достижения той новой жизни, которая должна быть качественно лучше прежней, именно поэтому пешие воины волшебным образом превращаются во всадников.

В сущности, в письменных легендах мы будем наталкиваться на такое множество примеров «языческих» мотивов, что возникает совершенно очевидная необходимость определить источник, из которого эти мотивы возникли, и выяснить, являются ли они

кельтскими по происхождению. Для этого необходимо остановиться на отличительных особенностях религиозной идеологии кельтской Британии.

Поскольку доримский кельтский мир был бесписьменным, мы располагаем очень незначительным количеством источников по этому вопросу, главным образом, когда дело касается особенностей верований бриттов. Римские авторы в основном фокусируют свое внимание не на мифологии или космологии, а на ритуальных практиках (которые они имели возможность наблюдать), хотя, безусловно, их записи дают нам важные сведения о кельтских представлениях, связанных со смертью и загробной жизнью.

Археологические находки свидетельствуют об образах кельтского пантеона, а также иллюстрируют некоторые ритуалы. Существуют еще два других важных источника, которые ученые используют, чтобы проникнуть в кельтский мир сверхъестественного. Такими источниками являются древние мифические циклы Уэльса и Ирландии. Эти эпические сказания дают великолепную возможность прочувствовать то, как древние кельты представляли себе потусторонний мир, его персонажей и происходящие в нем события. Но для решения поставленной нами задачи распоряжаться этой информацией необходимо с осторожностью.

Хотя в сказаниях упоминаются события, дающие основание предположить, что до этого они существовали в устной форме на протяжении нескольких столетий, они фактически были записаны приблизительно в то же самое время, что и легенды об Артуре в Англии и во Франции. Некоторые ирландские материалы восходят к VI и VII векам, но никак не к периоду, когда трудились классические авторы, и не

к периоду, когда, как считается, жил Артур. Несмотря на то что в одном из валлийских сказаний «Добыча из Аннувна» встречается наш герой Артур, отправляющийся в рыцарское странствие вместе со своим кузеном, эта легенда впервые легла на бумагу в XIII веке, столетием позже того, как валлиец Гальфрид Монмутский впервые привлек внимание английского просвещенного мира к Артуру.

Принимая во внимание эти замечания, мы можем в общих чертах наметить картину мира в мифологических представлениях кельтов. Как и у всех других народов той эпохи, у кельтов имелось стройное представление не только о мире живых, но и о потустороннем мире, в котором время остановилось. Это был дом предков, душ умерших и божеств, а также место возрождения. Однако мир живых не был абсолютно отделен от мира мертвых. Люди, обладающие высоким духовным знанием — друиды, живущие среди людей, мифические герои, духи и даже боги и богини — могли переходить из мира в мир, хотя делать это было рискованно.

Согласно ирландским мифологическим представлениям в потусторонний мир можно было попасть, если плыть на запад (в сторону Атлантики)[36]. У других народов типичными «вратами» в мир иной был ход вниз — в пещеры, туннели и шахты или под воду. Через родники, колодцы, озера, водопады, топи и торфяные болота можно было также попасть в потусторонний мир, в центр перерождения. Деревья также были связующим звеном между мирами — с их корнями, глубоко уходящими в подземный мир, стволами, находящимися в мире живых, и кронами, достигающими божественного неба, где был дом самого

могущественного из всех богов — Солнца. Деревья также обладали магическими свойствами умирания и возрождения. Осенью они «умирают», роняя свои листья и принимая вид скелета; весной они заново рождаются, одеваясь в листву; а поздним летом, в зените года, они приносят плоды — свое потомство. Конечной целью последнего путешествия Артура был волшебный остров Авалон, остров Яблоневых Садов[37].

Вода и водоемы, необходимые для существования всех форм жизни, не только служили «входом» в Иной мир, они были признаны святыми местами — местами плодородия. Тацит описывает, как на ежегодном великом празднике богиня плодородия Нерта была вынесена из воды, посажена в повозку и торжественно провезена по всей округе. Когда она находилась за пределами своего жилища, все военные действия должны были приостанавливаться, а все оружие прятаться. По окончании торжественного шествия богиня возвращалась в воды, а всех рабов, сопровождавших ее, тут же предавали смерти (топили). Несомненно, у кельтов и бриттов также была своя собственная «Дева Озера», и она ассоциировалась не только с плодородием, но и с оружием.

В землях германских и кельтских народов на всей территории Северо-Западной Европы был чрезвычайно распространен обычай хранить в воде ценные предметы. В ранние века от Дании до Швейцарии, по всей Франции, в Британии и Ирландии приношения по обету опускали в озера, реки, болота и торфяники. Эти приношения включали человеческие жертвы («болотные люди»), украшения, драгоценности, такие, например, как браслеты, знаменитый Гундеструпский котел, а также огромное количество оружия. Почти

все оружие намеренно приводилось в негодность, так как было принято считать, что предмет, подходящий богам, должен быть непригодным для живых.

Хотя ни в одном толковании артурианских легенд не упоминается о том, что Экскалибур был поврежден, возвращение волшебного меча водной богине находится в полном соответствии с представлениями и обычаями древних британцев. Однако мы должны помнить, что хотя идея бросать божественное оружие водным женским божествам полностью согласуется с древней британской космологией, но ни в одном из британских (или ирландских) мифов, записанных до сказаний об Артуре, примеров подобных событий *не* приводится.

Котлы и чаши являются своего рода миниатюрными версиями прудов, озер и родников. Являясь емкостями, в которых могла находиться вода, вино или человеческая кровь, они обладали способностью преображать любого, кто символически искупается в них, выпив их содержимое. В ирландской и валлийской мифологии известны «котлы возрождения», которые могут возвратить к жизни погибших воинов, если их варить в этих котлах всю ночь. Нет сомнения в том, что у древних бриттов были сходные представления; подобным образом поступало большое количество других народов и культур.

Несмотря на то, что ранние кельты и бритты не были великими строителями священных памятников (по крайней мере, они не соорудили ничего, что сохранилось бы до наших дней или привлекло внимание античных авторов), они чтили священные места. Как правило, они почитали священные рощи и деревья, располагающиеся вокруг водоемов. Здесь обычно

находился дом какой-нибудь «нимфы» или, возможно, богини, здесь же проходили священные церемонии. Растущие в этих местах деревья считались священными, представляли собой убежище или приют, являлись зримым проявлением циклов жизни — смерти и возрождения.

Рощи и поляны являются прототипом той обстановки, на фоне которой разворачивается большинство событий в легендах об Артуре. Время от времени кто-то из наших героев попадает на поляну, засыпает у ручья, пересекает реку, или с ним заговаривает враждебный рыцарь, который, как уже упоминалось, является одновременно и стражем этого места, и тюремщиком девицы. Происходит битва, от исхода которой зависит судьба и защитника, и бросившего вызов, и девицы-«нимфы». Я не вижу никакой другой альтернативы, кроме как напрямую приписать этот распространенный сценарий легенд об Артуре кельтобриттскому представлению о священной поляне или роще. Однако когда в четвертой главе мы подойдем к оценке событий, происходящих в этих священных местах, мы обнаружим, что там часто происходит все не так, как это могло быть в Британии в V веке.

Главенствовали в этих святых местах друиды. Цезарь утверждает, что они были бриттами по происхождению и их культы распространились отсюда к континентальным галлам. Он говорит, что обучение друидов могло длиться двадцать лет и включало в себя изучение всех видов древних сказаний, религиозных догматов и заклинаний, передаваемых из поколения в поколение. Несомненно, они были влиятельными людьми и благодаря своим способностям предсказывать будущее играли важную роль в политике. Сле-

дуя традициям, которые могли существовать еще до кельтов, использовался один важный способ гадания — человеческое жертвоприношение, когда человека закалывали или удушали и при этом наблюдали за предсмертными муками жертвы, а потом исследовали ее внутренности.

Разумеется, в легендах об Артуре эта мрачная роль друидов не связывалась с именем Мерлина, хотя в них и имеются примеры кровавого ритуального действа, например, отсечение головы. Иногда голова отрубалась в качестве трофея, для демонстрации личной победы на поле брани. Но еще задолго до кельтов отрубленные головы служили важными магическими объектами. Входы в стоящие на холмах древние укрепления иногда украшались человеческими головами, насаженными на пики, чтобы отвращать зло. В кельтские времена, вплоть до VII века, в Уэльсе отрубленные головы помещали в колодцы и источники в качестве вотивных приношений.

Таким образом, отрубленные головы являются важными символами в валлийской и ирландской мифологии. Бытовало представление, что эти головы обладали свойством исцелять раны. В одной ирландской легенде отрубленная голова как бы превратилась в Котел Возрождения: люди восстанавливают свою силу, выпив молоко, налитое в этот череп. Подобные события отмечаются в легендах об Артуре, хотя отсеченные головы в качестве мощного магического символа встречаются далеко за пределами мира кельтов.

Но вернемся к пантеону кельтских богов. Существует ряд свидетельств того, что солнце считалось верховным божеством. Это подтверждается тем, что многие знатные кельты были погребены в своих могилах

вместе с солярными дисками или колесами. Однако нам ближе версия о том, что солнце пересекает небесный свод в колеснице, которую везут божественные лошади. У кельтов была богиня-покровительница лошадей — Эпона, ее имя происходило от кельтского названия лошади — *epos*. Хотя ее не представляли в образе лошади, она считалась покровительницей всадников, богиней, способствующей разведению и плодовитости лошадей. Она всегда изображалась либо верхом, либо рядом с лошадьми. Возможно, из-за христианского приукрашивания в письменных источниках об Артуре, в христианские времена эта богиня нигде в них не упоминается.

Многим животным, не только лошадям, приписывались особые сверхъестественные силы. Олени, вепри, вороны, быки олицетворяли различных богов и богинь или являлись их живыми атрибутами. Имеются также свидетельства о животных, объединяющих черты разных видов, когда в магических целях «качества» двух или более представителей фауны соединены вместе. Считалось, что змеи с бараньими рогами отображают в символической форме плодородие и возрождение, а исключительно изящная бычья голова с головой орла между его рогов символизирует абсолютную власть. Но в доримские времена кельтские ремесленники еще не начали так причудливо изображать мифических животных, хотя в других культурах того времени это уже происходило. Бросается в глаза отсутствие в этом мифологическом зверинце драконов, грифонов, кентавров, сфинксов и прочих фантастических чудовищ. На это стоит обратить особое внимание, ведь всевозможные чудовища постоянно появляются в письменных повестях Артуровского цикла.

Невзирая на отсутствие каких-то особых мифических созданий, кельто-британская культура была сильной и сложной и являлась важной часть общеевропейской кельтской культуры, которая к IV веку до н.э. простиралась от берегов Северного моря до Венгрии и Малой Азии. Основываясь на устоявшейся традиции, устное народное творчество стало основным средством передачи элементов кельтской культуры из поколения в поколение. Поэты и барды создавали свои сказания в стихах, музыканты — в песнях; сказителей было в изобилии.

Кельты с удовольствием рассказывали предания и легенды, которые с давних времен стали основным выражением их этнической идентичности. В Ирландии, где традиции сохранились лучше всего, до сих пор есть известные сказители, живущие в области Гэлтахт на западной оконечности острова[38]. В 80-х годах мне посчастливилось познакомиться с доктором Шеймасом О'Кахонем, преподавателем кафедры ирландского фольклора Университетского колледжа в Дублине. Тот любезно познакомил меня с потрясающим богатством ирландского фольклора. Существует несколько больших мифических циклов на ирландском гэльском языке, и кафедра доктора Шеймаса О'Кахоня располагает примерно 800 вариантами каждой из основных легенд. Почти все деревни в Ирландии имеют свою собственную версию каждой из основных легенд.

Существует интересная сказка под названием «Человек, которому нечего было рассказать». В ней говорится об усталом и заблудившимся путешественнике, который постучался в крестьянский дом, умоляя дать ему воды, пищу и ночлег. Хозяин впустил путника и предложил ему все, что он просит, но при

условии, что вместо оплаты тот расскажет ему какую-нибудь историю. Путешественник не смог этого сделать, и вдруг он неожиданно обнаружил, что проваливается сквозь землю во мрак подземного царства. Затем с ним стала происходить череда несчастий, которая длилась до тех пор, пока, наконец, он не приобрел достаточного опыта, чтобы сочинить собственную историю. И, в конце концов, именно рассказанная им история спасла его.

Когда мы начнем рассматривать истинные корни артурианских легенд, очень важно обратить внимание на то наслаждение, которое испытывал рассказчик от самого процесса рассказывания, от возможности передать опыт от человека к человеку через живое слово. Многие элементы этих легенд изустно проходили сквозь множество поколений, пока благодаря письменности не оказались зафиксированными на пергаменте.

Есть что-то особенное в кельтском искусстве владения словом, такое же мгновенно узнаваемое и характерное, как их декоративное искусство. И это «что-то» — назовем его частицей кельтского сердца — является настолько мощным и настоящим, что пережило все удары и суету двух тысячелетий, подарив нам только в этом веке таких мастеров слова, как Йейтс, Джойс, Синдж, Дилан Томас и Шеймас Хейни, не считая многих других. Легенды об Артуре, где большую часть текста занимают приказания Артура разным рыцарям отправиться в странствие и на поиски приключений, предоставляют нам прекрасную возможность насладиться этим искусством. Когда рыцари в конце концов возвращаются ко двору, Артур неизменно приказывает им перечислить все, что с ними произошло, и рассказать свои истории. Он прекрасно

понимает, что мы учимся через опыт, и через обмен опытом мы становимся мудрее.

Истории об Артуре имеют глубокие корни в кельтской традиции сказительства, в этом не приходится сомневаться. Но возникает вопрос, до какой степени содержание легенд является воспроизведением кельто-британской культуры Темных Веков или даже предшествующего периода? На этот вопрос я собирался ответить в данной главе, и теперь подошло время свести собранные сведения воедино.

Во-первых, если начать с самого простого, легенды, изложенные на бумаге, представляют собой смесь исторических реалий Раннего Средневековья и событий тех времен, когда были записаны эти легенды. Мы рассмотрим это более пристально в третьей главе, в которой прослеживаются изменения, происходившие с нашими сказаниями между 1136 годом, когда Гальфрид Монмутский написал «Историю бриттов», и годом 1485, когда Кэкстон [39] опубликовал «Смерть Артура» Мэлори [40].

Эти изменения точно отражают эволюцию культур, представителями которых были авторы на протяжении 350-летнего периода европейской истории. Но, глядя на эти события из сегодняшнего дня, становится очевидным, что многие детали перенесенных на бумагу легенд прямо взяты авторами из своего повседневного опыта, а не из знания ими ранней (или даже поздней) кельтской культуры и истории. В частности,

описание окружающего мира — двора, ежедневных христианских религиозных обрядов, ристалищ, кодекса рыцарской чести и куртуазной любви — напрямую отражает особенности XII–XV веков, но никак не реалии VI века. Военные аспекты легенд имеют тот же уклон — абсолютное преобладание конницы и равнодушие к пехоте более соответствует летописям Позднего Средневековья, а не Темных Веков Британии.

Что касается костюма и платья, то письменные источники неоднократно и детально описывают средневековые одежды мужчин и женщин. Мужчины в этих летописях — бородатые, тогда как Цезарь отмечает, что галлы брили свое тело полностью, кроме головы и верхней губы. На художественных изображениях кельтские мужчины предстают или с усами, или с бородой. Оружие, доспехи, сбруя и украшения для лошадей, встречаемые в письменных источниках, также явно родом из Средневековья, хотя надо отметить, что существует некая неразрывная связь между кельтским периодом и временем авторов сочинений. У кельтов были длинные мечи, кольчуги и искусно сделанные шлемы, но всадники не могли использовать тяжелые копья, так как у них не было стремян. Удары копьем на полном скаку и рыцарские турниры были невозможны, пока в Британии не появилось стремя.

При том что римляне широко использовали военную атрибутику, мне не встретилось ни одного свидетельства ее применения кельтами: у них не было ни знамен, ни флагов, а украшали они только свои щиты и шлемы. Однако в артурианских легендах приводится много упоминаний о том, что свои штандарты и прочие предметы военной доблести кельты

украшали изображениями и реальных животных, таких как вепрь, орел, и мифических зверей, в особенности дракона. Сообщения об этих символах на зубцах и башнях, венчавших каменные стены замков, часто встречаются в письменных источниках и являются еще одним отражением средневековой культуры, бритты же и до и после римского завоевания полагались в основном на земляные фортификационные сооружения.

Взаимоотношения между королями и королевствами, королями и их вассалами, военными предводителями и их подданными, возможно, наиболее исторически достоверно отображены в письменных источниках, хотя элементы системы феодальной вассальной зависимости также привнесены в большинство легенд из позднейших времен. Однако теме рабства в этих источниках уделено незначительное внимание, возможно в силу того, что к тому времени прямое владение людьми как собственностью в широком масштабе было заменено договорными системами, закрепляющими сервов и вилланов за их сюзереном. Также в письменных источниках редко упоминается об использовании заложников, возможно, потому, что эта форма политического давления стала менее значимой в обретших большую стабильность централизованно управляемых монархиях средневековой Европы. Но роль хозяина на пирах и торжествах, где можно было продемонстрировать бросающееся в глаза богатство и утвердить политический престиж, все еще считалась важной частью «большой игры» в Средневековье, так же, как это было в Темные Века.

Вот что удивительно: прослеживается определенное единообразие в изложении мистических и вол-

шебных событий в книжной традиции артурианского цикла и в кельтских представлениях в сфере мистики и волшебства. Странствия в поисках Грааля имеют только поверхностный налет христианства. Гораздо лучше он заметен в традиционных представлениях о вечной жизни, покоящейся в Котле Возрождения. По аналогии центральная роль святой воды и священных полян, а также их ассоциация с целомудренными девами в белых одеждах (имя королевы Гвиневеры переводится как «белая женщина»[41]) несомненно являются прямым отголоском кельтского прошлого. Такие мотивы, как отсеченные головы, кровь, исцеляющая сила отсеченной головы, также имеют кельтские корни. Хотя мы увидим, что эти глубокие мистические представления были распространены далеко за пределы кельтского мира.

Поразительно, что такое множество этих крайне мрачных мотивов вошло в сочинения людей, принадлежавших к народу, который исповедовал христианство на протяжении нескольких столетий до того как они прикоснулись пером к бумаге. Для меня это является свидетельством недоказуемого — того, что мистическая эзотерика язычества была пронесена через столетия в устной традиции. Я уже говорил, насколько значимым и важным для бриттов и их кельтских родственников было пересказывание мифов. Мы знаем из великолепного «Беовульфа»[42] и скандинавских саг о том, что саксы, а позже викинги, тоже очень почитали традиции своего устного народного творчества. Мы также знаем о том, что держать горящим факел мифического героизма «Золотого Века» считалось священным, если не христианским, долгом. Эти волшебные сказания подразумевают наличие свя-

зующих нитей со сверхъестественным прошлым, преемственность наследия, которое христианство — чуждая и агрессивно обращающая в свою веру догма — не могло никогда полностью подавить. Пожалуй, единственно безопасным способом сохранить этот волшебный мир живым в обществе, где доминировала враждебная доктрина, была возможность рассказывать предания старины шепотом на ухо, передавая их из поколения в поколение, из уст в уста.

Как мы увидим в третьей главе этой книги, языческая мифология была в известном смысле отодвинута на задний план вплоть до тех времен, когда стало политически выгодно вернуть ее миру в новой светской форме — в виде легенд об Артуре. Язычникам-бриттам, верящим в цикл жизни, смерти и возрождения, казалось совершенно естественным то, что их величайший король никогда не умрет, а превратится в «Короля Былого и Грядущего».

Итак, существует достаточно много соответствий между Темными Веками Британии и ее средневековыми хрониками, что дает возможность для существования устойчивой тенденции изображать далекое прошлое в современном ключе. Нам также необходимо полностью изменить эту формулу и обратить внимание на те свидетельства, которые мы *не* можем отыскать в письменных источниках кельтской Британии. В этом и заключается вся проблема.

Если вы спросите людей, что они знают о короле Артуре, они обязательно ответят: «меч в камне... рыцари Круглого Стола... Экскалибур... Камелот...» Возможно, они смогут продолжить перечень и вспомнят также Владычицу Озера, Мерлина, Гвиневеру и Ланселота.

Итак, откуда пришли центральные персонажи, перед которыми все преклоняются, откуда взялись символы, придавшие легенде об Артуре жизнеспособность? Собственно, эти составляющие напрочь отсутствуют в кельто-британском мире. Например, абсолютно достоверно то, что не было никакого бога-меча; сама идея волшебных мечей появилась только в поздней кельтской мифологии, в сказаниях, которые, очевидно, относятся к периоду после короля Артура. Нигде нет какого-либо упоминания о вытаскивании меча из камня, несмотря на то, что это очень эффектная метафора для процесса производства металла. Нигде также в нашем британском прошлом не обнаружено следа круглых столов, и хотя по всем британским островам выдвигаются соперничающие друг с другом притязания, ни одно из них не подтвердило тождественность какого-то определенного места Камелоту.

Более того, хотя кельты были, безусловно, хорошими конниками, нет ни одного свидетельства, подтверждающего то, что они развивали и оттачивали свое военное искусство верховой езды так, как, по легендам, это делали Артур и его рыцари. Вескими фактами подтверждается: за исключением редких атак, кельты не часто сражались верхом, и у них не было соответствующих условий, чтобы формировать отряды тяжелой конницы, способной вести бой, сидя в седле. Также нет ни одного свидетельства того, что древние бритты стояли у истоков искусства верховой езды и применения его в военных целях. Однако представить Артура спешившимся перед вступлением в битву весьма проблематично.

Рыцарство — кодекс конного воина с его понятиями о чести, справедливости и куртуазной учтивости не является частью кельтского канона, так же как и кельтские традиции не возносят прекрасный пол до уровня обожания; и, несомненно, такой взгляд был чужд и римлянам. Как уже говорилось, римлян мало заботили вопросы чести и галантности, еще меньше они считались со своими женщинами. Римлян также мало волновали мечи в камне или кавалерийское искусство — они охотнее предпочитали платить за службу иноплеменной коннице, чем развивать свое собственное мастерство. Итак, коль скоро ни римляне, ни бритты не могут дать нам ключ к раскрытию происхождения наиболее известных сюжетов легенд об Артуре, нам придется дать нашему поиску другое направление.

Одно вероятное место поиска находится среди наемных конных когорт Рима, действовавших в Западной Европе. Одна такая группа, отряд под командованием римского полководца с примечательным именем Луций Арторий Каст, была отправлена в Британию в конце II века. С боевых штандартов дышали огнем свирепые драконы, воины облачались в чешуйчатые доспехи и были вооружены длинными мечами. Они знали истории о легендарном короле, который обладал волшебным мечом. Но прежде чем ближе познакомиться с этими людьми, изучим веские доказательства существования короля или военачальника по имени Артур, — как это изложено в письменных источниках или определяется по археологическим свидетельствам.

Глава 3

АРТУР: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ ИЛИ ГЕРОЙ ЛЕГЕНД?

Примерно с начала VIII века ученые стали задаваться вопросом о существовании реальной исторической фигуры по имени Артур. В среде ученых было достигнуто согласие, отводящее место Артуру в общей хронологии Британии периода Темных Веков. Следуя псевдоисторическим свидетельствам жизни и деяний Артура, ученые определили, что он жил в конце V — начале VI веков. Однако его идентификация не основывается на каких-либо письменных свидетельствах, а в качестве доказательства приводятся примерно такие аргументы: мы знаем, что он не существовал в это время, потому что в то время правил другой человек, но мы знаем, что такой-то король правил позднее, следовательно, Артур, должно быть, царствовал

Король Артур в доспехах. Миниатюра из "Хроники Англии". Начало XIV в. Британская библиотека.

между ними. Или же говорят: мы знаем, что продвижение саксов было остановлено примерно в этот период, и сказания об Артуре свидетельствуют, что именно он нанес саксам поражение. Поэтому он, по-видимому, должен был править Британией в те времена, когда были остановлены саксы... Имеющиеся в нашем распоряжении подобные исключительно косвенные свидетельства приводят некоторых ученых к выводу о том, что Артур «по-видимому существовал». Неопровержимого свидетельства существования Артура нет.

Ученые, которые не считают Артура исторической фигурой, конечно же, отвергают эту версию по той веской причине, что свидетельств их оппонентов недостаточно. В действительности существующие аргументы настолько слабы, что с самого начала вызывают вопросы. Первое, о чем необходимо спросить, существовал ли Артур вообще?

Я далеко не первый человек, которому интересно, был ли Артур кем-нибудь еще, кроме как «могучей тенью». Именно об этом пришлось сказать Уильяму Кэкстону в 1485 году в своем предисловии к сочинению сэра Томаса Мэлори «Смерть Артура»:

Помянутые же благородные джентльмены потребовали от меня безотлагательно запечатлеть историю об этом благородном короле и завоевателе — короле Артуре и его рыцарях, а также историю Священной Чаши Грааль и гибели упомянутого Артура, утверждая, что надлежит мне скорее запечатлеть его деяния и благородные подвиги... поелику был он рожден в пределах этого королевства и здесь был королем и императором, и что на французском языке есть много благородных томов о его подвигах, а равно и о подвигах его рыцарей.

Я же им отвечал, что многие люди придерживаются мнения, будто не было такого Артура, а все книги, о нем составленные, это лишь вымыслы и басни, ибо есть хроники, где о нем вовсе не упоминается, прямо или косвенно, равно же ни о рыцарях его.

*На что они мне отвечали, и один в особенности на том стоял, что ежели кто скажет и помыслит, будто не было на свете такого короля Артура, — в том человеке можно видеть великое неразумие и слепоту, ибо существует, по его словам, немало доказательств противному...**

Из разъяснения Кэкстона следует, что практически с момента появления первых письменных упоминаний об Артуре они были объявлены вымышленными сочинениями, в то время как другие принимали их за некое откровение, раскрытие долго скрываемой, но подлинной тайной истории. Вернемся к тому времени, когда, как считается, жил Артур, и выясним наличие каких-либо доказательств его существования.

---

* Томас Мэлори «Смерть Артура». Изд.подг. И.М. Бернштейн и др.

Первая попытка дать полное описание жизни Артура и его правления приводится в «Истории бриттов», труде Гальфрида Монмутского, завершенном в 1136 году. Несмотря на то, что автор очень неконкретен в отношении дат, его труд содержит изложение событий, начиная с колонизации Альбиона троянцем Брутом и его людьми, которые стали основателями британской нации. Гальфрид прослеживает их историю во времена римского завоевания и в последовавший затем период хаоса, и, в конце концов, подходит к апогею своей «истории» — рассказу об Артуре.

В соответствии с хронологией Гальфрида правление Артура приходится приблизительно на период между 480 и 520 годами. Несмотря на то, что достоверность его сведений подвергалась сомнению с момента публикации, идея о том, что Артур жил примерно в эти годы, жива до сих пор. Отметим, однако, что это утверждение не основывается на каких-либо фактах. Нет никаких доказательств, что Артур правил именно в то время, а также того, что у него был чудесный меч, или что его воспитывал друид Мерлин. Тем не менее ряд соображений базируется на более достоверной общей истории этого периода, поэтому они и получили устойчивую поддержку.

Римляне оставили Британию в начале V века. Во время своего правления они фактически контролировали всю территорию сегодняшней Англии, а также часть территории Уэльса и Шотландии. Властвуя над бриттами, Рим не стремился к полному уничтожению их традиционного социального уклада. Знать, вожди, даже короли тех или иных бриттских областей были оставлены на своих местах, и они часто вводи-

лись в состав римской администрации. Многие представители местной знати настолько разбогатели, что стали строить собственные виллы, особенно в Южной Британии. Местное население вступало во вспомогательные войска римской армии; за это не только хорошо платили, — по окончании службы ветераны получали полноправное римское гражданство.

Так продолжалось до тех пор, пока в конце IV века дела римлян в континентальной Европе не ухудшились. Римским легионам в полном составе, включая их вспомогательные (британские) войска, было приказано отправиться на континент, чтобы противостоять волнам вторжений варваров, которые теснили Империю с востока и северо-востока. Когда в 410 году римляне в конце концов оставили Британию, страна была очень слаба в военном отношении, в ней также отсутствовала централизованная система политического управления [43].

Тем временем континентальная Европа вступала в период грандиозного хаоса: наступила эпоха Великого переселения народов. Целые народы пришли в движение, испытывая свою храбрость на друзьях и соседях, а также на своих традиционных врагах и соперниках. Любые группы людей, которые не были хорошо организованы и скоординированы, становились уязвимыми, и это, конечно же, относилось к бриттам, недавно оставленным римлянами.

После неожиданной утраты централизованного управления своими территориями бритты вернулись к политической системе, существовавшей у них до римского завоевания. Местные короли провозгласили себя сюзеренами и соперничали друг с другом за еще большую власть и политический контроль [44]. Союзы

внезапно возникали и столь же внезапно распадались со смертью ключевой фигуры или из-за перехода какой-либо группировки в другой лагерь. Проживавшие в непокоренной Шотландии пикты, бывшие давними врагами британских кельтов, узнав о смуте на юге, стали совершать непрерывные набеги и нападения с суши и с моря.

Согласно преданию, один из бриттских вождей, Вортигерн (в переводе с бриттского — «Верховный правитель», бриттский эквивалент римского *Dux Bellorum*) совершил роковую ошибку, призвав свирепых саксов на помощь в качестве наемников в борьбе против пиктов [45]. Как только саксы ступили на землю Британии, они быстро поняли слабость бриттов и стали захватывать их земли как колонисты-завоеватели.

Независимо от того, является ли реальным или вымышленным факт участия Вортигерна в этих событиях, археологические данные свидетельствуют о том, что на протяжении V века саксы, англы, юты и фризы появлялись и расселялись на территории всей Восточной Англии — от Кента [46] до Нортумбрии [47]. Оттуда они постоянно продвигались на запад, хотя и археологические свидетельства, и скудные письменные источники указывают на то, что им приходилось сражаться за свою добычу. Эти же источники сообщают, что приблизительно в конце V века наступление саксов было успешно приостановлено на период от тридцати до шестидесяти лет. Принято считать, что заслуга в сдерживании натиска саксов принадлежит Артуру.

Однако неудача саксов была лишь временной. К концу VI века англосаксы захватили всю территорию современной Англии. За прошедшее столетие

многие завоеватели приняли христианство, а некоторые обучились грамоте [48]. Большая часть письменных свидетельств, связанных с историей этого бурного столетия, когда бритты были загнаны в горные крепости Уэльса и Шотландии, принадлежит англосаксонским авторам. Не приходится удивляться тому, что эти авторы стремились принизить роль бриттского военного вождя, доставлявшего им постоянные хлопоты. Англосаксонские летописцы вряд ли стали бы превозносить вражеского короля, который неоднократно побеждал их. Таков общепринятый аргумент, объясняющий отсутствие упоминаний об Артуре в хрониках того времени.

Принимая этот сугубо пропагандистский взгляд на историю, согласно которому люди фиксируют только те события, которые представляют в выгодном свете их самих, можно многое объяснить. Поскольку Артур в течение определенного периода громил саксов, они просто вычеркнули его из истории. И действительно, в истории существует множество примеров такого рода. Однако есть не меньше примеров и обратного, когда победители признают подвиги побежденных, ведь куда благороднее одолеть могучего и доблестного врага, чем учинить расправу над немощным противником. Некоторые из наиболее обоснованных свидетельств в пользу существования Артура сообщают, что он одержал не менее десяти побед над врагами, но почему-то об этих победах нет ни единой записи в саксонских источниках. О них не упоминается в англосаксонской поэзии и эпосе.

Ситуацию не меняет тот факт, что единственное датированное свидетельство об этом периоде, кото-

рым мы располагаем, было записано не саксом, а британским монахом по имени Гильдас[49]. Около 540 года Гильдас написал исторический очерк о своем времени — «О погибели Британии» (*De Excidio et conquestu Britanniae*)[50]. Несмотря на то, что он писал свой труд всего лишь через 20 лет после предполагаемого царствования Артура, и писал именно об этом периоде истории, он ни разу не упоминает об Артуре ни как о короле, ни как о военном вожде.

Сам Гильдас говорит, что этой работой он преследовал свои личные цели. Не будучи сторонником саксов, он был настроен против бриттов. Будучи клириком, он горячо верил в то, что вторжение саксов было Божией карой обленившимся и разложившимся бриттам за их грехи. По меткой оценке, данной Алистером Моффатом в его работе «Артур и потерянные королевства», книга Гильдаса — это рассказ «скудный в отношении имен и фактов, и пространный в том, что касается обвинений и жалоб». Гильдас, безусловно, знал, как нарисовать апокалиптическую картину судьбы бриттов:

*Стены всех городов были повержены ударами таранов, их обитатели вместе с предстоятелями церкви, священники вместе с народом повергались наземь, в то время как повсюду сверкали мечи и трещало пламя. Печальное зрелище! Повсюду на улицах, среди камней поверженных башен, стен и святых алтарей лежали тела, покрытые запекшейся красной кровью, словно их раздавил некий чудовищный пресс, и не было для них иных гробниц, кроме развалин домов или внутренностей диких зверей и птиц небесных.**

* Пер. В.В. Эрлихмана.

Далее Гильдас говорит о другом британском вожде, Амброзии Аврелиане, который перед лицом яростного натиска саксов вернул людям чувство национальной гордости. Гильдас сообщает, что Амброзий был храбрым солдатом, более искусным в сражениях верхом, нежели пешим, и упоминает о великой битве, в которой саксы потерпели поражение. Это событие, ставшее впоследствии известным как битва у горы Бадон, он датирует 500 годом, но опять никоим образом не упоминает об Артуре в качестве победителя[51].

Гибель Вортигерна. Миниатюра из английского манускрипта начала XIV в. Британская библиотека.

Справедливости ради необходимо признать, что Гильдас был весьма желчным человеком, который приберег свою злобу для королей Британии:

Есть в Британии цари, но тираны; есть судьи, но неправедные. Они защищают и покровительствуют, но они — сутяги и разбойники. Они имеют огромное количество жен, но их жены — потаскухи и изменницы. Они часто клянутся, но становятся клятвопреступниками; они дают обеты, но почти постоянно при этом лгут... Презирают безобидных и смиренных, а кровавых, гордых, отцеубийц, своих соратников, прелюбодеев, враждебных Богу (унес бы, как говорится, жребий тех, кого с самим их именем определенно сле-

*довало бы уничтожить!), как только могут, возносят к звездам.**

Едва ли вышеприведенные характеристики соответствуют образу нашего доблестного рыцарственного героя Артура. И учитывая отношение Гильдаса к бриттским королям в целом, Гильдас, возможно, никак не выделяет Артура для особого осуждения. Если рассуждать здраво, то даже с учетом исключительной неприязни Гильдаса к королям и его ненависти к бриттским вождям, все же кажется неправдоподобным, что он нигде даже не упомянул о знаменитом военачальнике спустя всего лишь 20 лет после его смерти. Мог ли даже очень раздражительный старый клирик, описывая в 60-х годах XX века Британию и Вторую Мировую войну, не упомянуть Уинстона Черчилля? Тот факт, что Гильдас не упоминает об Артуре, является для меня главным доказательством того, что Артур *не* существовал, а если и существовал, то, по крайней мере, не в то время.

Сходная проблема возникает в 731 году, когда монах из монастыря Ярроу в королевстве Нортумбрия на севере Англии, известный как Беда Достопочтенный, завершил свою «Церковную историю народа англов»[52]. Поскольку он жил в Северной Англии, ясно, что основной задачей его труда было описать завоевание Англии англами и саксами. В изложении событий V века Беда в основном полагался на Гильдаса, а весь VI век он просто «пропустил». Но, в отличие от Гильдаса, Беда известен как одаренный и в целом точный в описаниях историк. Поэтому пол-

* Гильда Премудрый «О погибели Британии». Пер. Н.Ю. Чехонадской.

ное отсутствие у него упоминаний об Артуре как о короле или военном вожде снова вызывает сомнения в существовании Артура в V—VI веках[53].

Куда более интересно сообщение валлийского монаха по имени Ненний (начало IX века), который первым упоминает Артура и приводит некоторые факты его жизни[54]. Однако признание этого монаха относительно своих источников смущает:

Я же собрал все, что нашел, как из анналов римлян, так и из сочинений святых отцов... равно как и из анналов скоттов и саксов, а также из изустного предания наших предков... *

Таким образом, он признает, что его труд является компиляцией ряда различных источников — от исторических сведений до вымышленных легенд, искусно сплетенных друг с другом в хронологическом порядке. Но по крайней мере у Ненния появляется Артур, сражающийся против вторгшихся саксов.

Ненний является первым автором, кто изображает Артура не как короля (он приводит свой собственный список королей), но как полководца *Dux Bellorum*, направляющего ход битв, в которых сражались короли бриттов. Он также вводит в образ Артура элемент магии, без сомнения почерпнутый из легенд, которые, по его признанию, он использовал. Так, в одном эпизоде он описывает, как пес «Артура-воина», преследуя вепря, оставил след своей лапы на камне, и как впоследствии Артур сложил на этом месте пирамиду из камней, чтобы отметить место, где произо-

* Гальфрид Монмутский. История бриттов; Жизнь Мерлина / пер. А.С.Бобовича.

шло это чудо. В другом случае Ненний сам пишет о своем посещении могилы некоего Анира, который был сыном Артура-воина. Эта могила волшебным образом изменяет свои размеры каждый раз, когда ее измеряют [55]. Но самым важным местом из того, что сообщает Ненний, является рассказ о борьбе Артура против саксов. Это настолько значимый отрывок, что лучше привести его полностью.

В те дни сражался с ними (саксами) военачальник Артур совместно с королями бриттов. Он же был главою войска.

Первая битва произошла в устье реки, которая называется Глейн.

Вторая, третья и четвертая, равно как и пятая, — у другой реки, носящей название Дубглас и находящейся в области Аиннуис.

Шестая — у реки, именуемой Бассас.

Седьмая битва произошла в Келидонском лесу, иначе Кат Койт Келидон.

Восьмая битва состоялась у стен замка Гвиннион, и в ней Артур носил на своих плечах изображение святой непорочной Девы Марии; в этот день язычники были обращены в бегство и по изволению Господа нашего Иисуса Христа и святой Девы Марии, Его родительницы, великое множество их здесь было истреблено.

Девятая битва разразилась в Городе Легиона.

Десятую битву Артур провел на берегу реки, что зовется Трибруит.

Одиннадцатая была на горе, которая называется Агнед.

Двенадцатая произошла на горе Бадонской; в ней от руки Артура пало в один день девятьсот шестьдесят вражеских воинов, и поразил их не кто иной, как единолично Артур.

*Во всех упомянутых битвах он одержал верх. А саксы, так как во всех этих битвах были повержены, запрашивая из Германии помощь, непрерывно возрастали в числе...**

Для тех, кто ищет подтверждение существованию Артура, эти строки Henния — дар небес, путеводная нить, дающая возможность проследить его военную карьеру. Однако и эти сведения не столь надежны, как это могло бы показаться. Из перечисленных 12 мест сражений только одно имеет определенное расположение — Каледонский лес в Южной Шотландии, который сейчас называется Иттрикским, простирающийся к западу от города Селкирк. Он по-прежнему покрывает прекрасную долину, посреди которой несет свои воды бурная река, хотя большая часть древнего леса была либо сведена под овечьи пастбища, либо замещена посадками хвойных пород. Говорят, что полторы тысячи лет назад этот лес был ареной славной битвы Артура, и по нему бродил обезумевший Мерлин [56].

Кроме Келедона Ненний особо упоминает Карлион, «Город Легионов» [57], известное, возможно, связанное с Артуром место, находящееся неподалеку от Ньюпорта в Южном Уэльсе, как раз выше того места, где река Аск впадает в эстуарий Северна. Однако многие ученые считают, что Ненний, сам будучи валлийцем, вставил это указание на конкретный Город Легионов, в то время как настоящим Городом Легионов в равной степени могла быть любая из баз легионеров в Британии.

* Ненний. История бриттов / пер. А.С.Бобовича.

Что касается других мест, невозможно определить, где они находятся и как называются, либо их названия можно толковать по-разному. Существуют, например, две реки Глен (Глейн): одна в Линкольншире, а другая — в Нортумберленде. Приводились аргументы в пользу каждой из этих рек, претендующих на звание артурианских. Еще сложнее проблема с рекой Дубглас (Дуглас). Ее название означает просто «темная вода» или «черное болото» на кельтском языке, но в Британии есть несколько рек с таким названием. Одна из них находится в Шотландии, другая — в Ланкашире, недалеко от главного римского гарнизона в Рибчестере. И снова приводятся доводы в пользу каждой из этих рек. К сожалению, никто, похоже, не связал ни одну из них с упомянутой областью «Линнуис»[58].

Есть несколько рек, претендующих на отождествление с рекой Трибуит, но это по сути догадки. Никто точно не знает, идет ли речь об устье реки Северн или об эстуарии реки Риббл в Ланкашире. Отождествление замка Гвиннион опять-таки представляется чьим-то предположением. Не установлено достоверно даже местонахождение горы Бадон, о битве близ которой упоминается у Гильдаса, Беды, Ненния и в «Анналах Камбрии». Большинство

Древнее земляное укрепление на холме Бэдбери Рингз, отождествляемом с горой Маунт Бадон. Аэрофотосъемка.

помещает ее около Бата — недавние раскопки в определенной степени подкрепляют эту точку зрения, хотя неясно, говорим ли мы о невысоких холмах около города Бат или о древнем укреплении на холме Бэдбери Рингз близ Суиндона. Ко всему прочему, было бы нелегко с чистой совестью назвать какое-либо место в Юго-Западной Англии горой, а не холмом.

Таким образом, Ненний, несмотря на исключительно подробные сведения, на самом деле никак не приближает нас к правде о том, кто был Артур или что и где он совершил.

«Анналы Камбрии», свод записей значительных событий в хронологической последовательности, датируются концом IX — началом X веков, то есть они появились спустя 400 лет после описываемых событий [59]. Этот источник сообщает о битве при горе Бадон, датируя ее 516 годом. В «Анналах» также впервые упоминается о битве, в которой погибает Артур и его сын Мордред. Самая древняя версия «Анналов» не проясняет, погибли ли они, сражаясь друг против друга (как говорится в более поздних легендах), или же плечом к плечу. Однако более поздняя версия не оставляет места для сомнений:

Битва при Камламе, в которой прославленный король бриттов Артур и Мордред, изменник, пали от ран, нанесенных друг другу.

За несколько десятилетий до появления «Анналов Камбрии» англосаксы создали свою собственную хронику, целью которой было, как и у Беды Достопочтенного, запечатлеть успехи саксонского завоевания Британии. «Анналы Камбрии» являются наиболее

обстоятельным «историческим» документом всей той эпохи. Датированная 870 годом, эта хроника также не упоминает Артура как военачальника или короля. Большинство ученых, как уже отмечалось, видят в этом пример замалчивания раздражающе удачливого противника, и я уже приводил доводы относительно сомнительности подобных утверждений.

Следующее появление Артура происходит спустя несколько десятилетий, около 950 года, в легенде о Куллохе и Олуэн из свода валлийских сказаний, известного как «Мабиногион»[60]. Здесь отсутствует попытка представить Артура реальным историческим персонажем — мы всецело находимся в мире мифологии. Некто Куллох просит Артура помочь ему получить руку Олуэн, дочери Исбададена, Повелителя Великанов. Мы впервые встречаемся с тремя рыцарями Артура — Каем, Бедивером и Гавейном. Артур приказывает им и другим рыцарям отправиться в путь, чтобы помочь Куллоху заполучить его великаншу; последующие события предвосхищают появление многих эпизодов в более поздних романах в такой же фантастической форме.

Возможно, значимость этого раннего сказания состоит в том, что оно дает нам некоторое представление о всем богатстве устной традиции, сложившейся вокруг фигуры героя по имени Артур. Большинство тех фрагментов, что есть в нашем распоряжении, предполагают, что к этому времени Артур был фигурой хорошо известной и рассказчику, и слушателю волшебных повестей, и так же, как и сегодня, нет необходимости представлять его, потому что в любом случае все его знали.

С начала XI века Артур появляется в целой серии составленных валлийскими клириками жизнеописаний святых. Их отношение к Артуру зачастую неоднозначно, однако некоторые из них недвусмысленно изображают его как светского, иногда распущенного правителя. Это может быть объяснено неприязнью Гильдаса к бриттским королям. Житие святого Гоэзновия, написанное в первые десятилетия нового тысячелетия, около 1020 года[61], дает лаконичный, основанный на трактовке Гильдаса, очерк ранней британской истории, за которым следует вполне прозаическое описание Артура. Впрочем, здесь на портрете Артура появляется отблеск бессмертия:

Гордыня саксов была позже обуздана великим Артуром, королем бриттов, и они были оттеснены с большей части страны и обращены в рабство. Когда же, однако, после многих блестящих побед, одержанных им в разных частях Британии и Галлии, упомянутый Артур был отозван, наконец, от своих земных дел, то для саксов, которые оставались на острове, путь был вновь открыт. Великое угнетение пало на Британию, и Святая Церковь подверглась гонениям.

Спустя полстолетия, около 1075 года, теперь уже другой валлийский клирик, Ливрис Лланкарванский, вводит Артура в свое «Житие святого Кадока»[62]. Однако в своем произведении Ливрис, кажется, твердо решил запятнать репутацию Артура. Сначала у него Артур замышляет похитить и обесчестить дочь побежденного соседа-короля. Позднее святой и Артур затевают спор по поводу компенсации, которую Артур требует за убийство трех из его рыцарей. Когда коровы, предложенные в качестве компенсации, были доставлены, святой, демонстрируя свою божественную

силу, превращает их в связки папоротника. Однако тогда Артур, отнюдь не обескураженный увиденным, начинает охаживать святого чудотворца хлыстом. Затем он отправляет святого в изгнание на семь лет, семь месяцев и семь дней, прежде чем соглашается с его указанием по урегулированию спора.

Это первая трактовка темы, которая повторяется несколько раз в церковной литературе того периода. Здесь благочестивый святой уводит «упорствующего короля» от тирании и наставляет его на праведный путь. Это явно нравоучительные притчи, написанные клириками с политическими амбициями, людьми, стремящимися доказать нравственное превосходство духовных лидеров над мирскими правителями. Клирики действительно обратили в свою веру многих жестоких военных предводителей во времена Темных Веков, хотя о таком обращении бриттского короля Артура известно только с их слов.

Около 1100 года Артур впервые вступает в схватку с драконом на страницах «Жития святого Караннога»[63]. Любопытно, однако, что вовсе не могучий Артур побеждает чудовище. Святой, придя во владения Артура на берегах реки Северн, спрашивает короля, не нуждается ли тот в какой-нибудь услуге. Артур рассказывает святому о драконе, опустошающем его поля. Тогда святой спешно пускается в путь, усмиряет дракона, приводит его в крепость Артура и кормит его на глазах у изумленной толпы. Люди, естественно, пытаются убить дракона, но святой не позволяет им этого сделать, говоря, что дракон был послан Богом истребить грешников в этом королевстве. Завоевав таким образом высокий нравственный авторитет, благочестивый святой ведет укрощенного дракона к город-

ским воротам и отсылает его прочь, наказав не возвращаться обратно; дракон поспешно убирается прочь. Артур настолько потрясен всем случившимся, что вручает святому ключи от города и позднее жалует ему земли. Налицо явный пример благочестивой духовной пропаганды, которую по обыкновению вела Церковь, но вряд ли этот пример поможет нам в поиске исторического Артура.

Намного более интересные сведения появляются около 1125 года в «Деяниях английских королей» Вильяма Мальмсберийского[64]. Он заимствует у Нenния описание битвы при горе Бадон, хотя полагает, что Артур был полководцем Амвросием (которого обычно считают дядей Артура, а не королем). Но его обличительные комментарии показывают, каким был образ Артура в народной памяти в XII столетии:

Они (бритты) были бы полностью уничтожены, если бы не Амвросий, обуздавший надменные орды варваров благодаря прославленным завоеваниям воинственного Артура.

Об этом Артуре бритты и поныне рассказывают всякие наивные сказки. Без сомнения, этот человек более заслуживает быть возвеличенным в достоверных повествованиях как вождь, который спас свою гибнущую родину и воодушевил на бой своих мятущихся соотечественников, нежели стать воображаемым персонажем вымышленных преданий.

В следующем упоминании о народных преданиях Вильям затрагивает тему «Короля Былого и Грядущего»:

Могила Артура нигде не найдена, оттого-то древние легенды утверждают, что он еще возвратится.

Несмотря на краткость этих упоминаний, они предельно ясны и подтверждают то, что Артур был важной легендарной фигурой, память о которой сохранялась еще в XII веке, по крайней мере, среди британцев.

Позднее в том же столетии Карадок Лланкарванский задался целью написать биографию своего великого героя — и не кого-нибудь, а самого святого Гильдаса, который за 500 лет до этого не упомянул об Артуре [65]. Вычислив, что Гильдас и Артур должны были быть современниками, Карадок с удивительным самодовольством сообщает читателям, что старшим братом Гильдаса был некий воитель по имени Юэль. Вот что произошло:

*Старший из них (братьев Гильдаса), Юэль, был усердным и воинственным, и знаменитейшим воином, и ни одному королю не повиновался, даже Артуру. Он нападал на него, и они сражались друг с другом с величайшей яростью. Он очень часто приходил из Шотландии, устраивал пожары и уносил добычу с победой и славой. Поэтому король всей Британии, услыхав, что отважный юноша делал такое и такое же делает, преследовал победоносного юношу и наилучшего, как говорили и надеялись местные, будущего короля. В преследовании же враждебном и военном столкновении на острове Мэн [66] он убил юношу-расхитителя.**

Карадок распустил слух о том, что Гильдас исключил Артура из своего повествования за то, что король-воин убил его брата. Эта идея быстро рас-

*Карадок из Нанткарвана. Второе житие Гильды / пер. Н.Ю. Чехонадской.

пространилась в весьма интересное время — время, когда самое подробное описание жизни Артура было восторженно встречено и привлекло всеобщее внимание. В 1136 году Гальфрид Монмутский, еще один валлийский клирик, отмел прочь всю напраслину, возведенную на Артура валлийскими церковниками, и провозгласил его благороднейшим забытым героем и истинным основателем британской нации. У Гальфрида были веские политические причины поступить таким образом, но чтобы в них разобраться, нам придется сначала пройтись по событиям рассматриваемого нами исторического периода за предшествующие 300 лет.

Несмотря на все усилия, бритты к концу VII века потеряли контроль над большей частью Англии. Это не означает, что они были уничтожены, но, без сомнения, находясь под господством англосаксов, они постепенно ассимилировались ими. Свободные бритты, говорившие на кельтском языке, жили в пределах Уэльса, Корнуолла и некоторых областей Шотландии. Они, конечно, поддерживали связь с кельтоязычными общинами Ирландии и Бретани. На протяжении последующих столетий поселения саксов в Восточной Англии подвергались постоянным набегам датчан и норвежцев, которые осели на Британских островах и были поглощены англосаксонской социальной системой. Несмотря на то, что скандинавское влияние прослеживается в древнеанглийском языке, очевидно, что этот язык остался в своей основе англосаксонским. К началу XI века люди считали себя англичанами, несмотря на то, что бритты и многие иноземцы называли их саксами.

Вильгельм Завоеватель[67], высадившийся в Британии в 1066 году, был незаконнорожденным сыном герцога Нормандии — скандинава или викинга по происхождению, осевшего в Северной Франции. «Норманн» — это упрощенная форма от *Norse-man* («человек с севера»). Будучи всего лишь герцогом, Вильгельм являлся вассалом короля Франции и мог претендовать на английский престол только от имени французского короля. Однако Вильгельм утверждал, что его мать была бретонкой и на самом деле происходила по прямой линии от великого короля Артура. Вильгельм таким образом использовал «королевское» происхождение своей матери в качестве основания для своих притязаний на британский трон.

Норманны подавляли англосаксонское население Англии с исключительной жестокостью, однако, их целью было господство над саксами, а не полное их истребление. Им нужны были саксы в качестве крепостных, для того чтобы возделывать землю, строить для них замки и церкви, сражаться в войнах. Они быстро уничтожили саксонскую аристократию и распределили земли между своими сородичами, но им так и не удалось заменить английский язык французским, который они ранее сами заимствовали. Французский был языком двора и всей властной верхушки на протяжении более 200 лет, многое из него проникло в местный язык, но народ упорно отказывался его принимать.

Возможно, к началу XII века правящая элита, осознав, что навязать свой язык и культуру саксам ей никогда не удастся, пошла по другому пути — принижению саксонской культуры и возвышению своей собственной. С публикацией Гальфридом Монмутским

повествования об Артуре у высшей знати появилась новая возможность доказывать законность своих притязаний на престол по родословной Вильгельма. В этой истории героями были предки Вильгельма, а злодеями, конечно же, саксы.

Я подозреваю, что у Гальфрида не было намерения сделать из своей книги нечто большее, чем просто пересказ предания, сохранявшегося на протяжении нескольких столетий, главным образом, в устной традиции Уэльса. Однако в контексте политических устремлений правящей элиты, которым она полностью соответствовала, книга гарантированно должна была стать «бестселлером».

Возможно, я чересчур снисходителен к Гальфриду. Он был, конечно, старым хитрым лисом. С самого начала его история касается незаконнорожденного сына (Артур), который становится героем-победителем и королем, точно так же, как и Вильгельм Завоеватель (тоже бастард). А кому Гальфрид посвящает эту книгу? Да конечно же Роберту, графу Глостерскому, незаконнорожденному сыну короля Генриха I[68]. И он очень искусно снимает с себя ответственность за достоверность изложенных фактов, сообщая нам во втором параграфе предисловия, что:

...Архидиакон Оксенфордский Вальтер[69]*, муж отменно сведущий в искусстве красноречия и в иноземной истории, предложил не некую весьма древнюю книгу на языке бриттов, в которой без каких-либо пробелов и по порядку повествовалось о правлении всех наших властителей, начиная с Брута, первого короля бриттов, и кончая Кадваладром, сыном Кадваллона. Поддавшись его увещеванию и не собирая в чужих садах сладкозвучных слов, но, довольствуясь деревенским слогом*

*и собственным пером, я постарался перевести сочинение это на латинский язык.**

Источника, на который ссылается Гальфрид, и в природе не было, как не существует и других упоминаний об истории королей Британии, написанных на языке бриттов. Это такой манускрипт, который в нужный момент таинственным образом появляется, а затем так же непостижимо исчезает по воле своего «переводчика». Мы не можем доказать, что этот важный источник вообще не существовал, точно так же мы не располагаем и каким-либо свидетельством о его существовании.

Каковы бы ни были источники, использованные при написании «Истории бриттов», повествование Гальфрида об Артуре качественно отличается от всех более ранних источников в том, что оно является очень пространной и всеобъемлющей, как его называет сам Гальфрид, «историей». В этом смысле книга Гальфрида справедливо считается краеугольным камнем множества последовавших после него повествований об Артуре, которые составляют канон Артурианы, достигнув своей высшей точки в «Цикле Вульгаты» [70] во Франции и в «Смерти Артура» Мэлори в Англии. Как работа, претендующая на историчность, она была раскритикована даже современниками Гальфрида. Спустя сорок лет после его смерти хронист Вильям Ньюбургский вынес книге суровый приговор:

Вполне очевидно, что все написанное этим человеком об Артуре и его преемниках, или в равной степени его предшественниках, начиная с Вортигерна и далее, было придумано частично им самим и частично другими

* Гальфрид Монмутский. История бриттов / пер. А.С. Бобовича.

или из необузданного пристрастия ко лжи, или из желания угодить бриттам.

Однако не следует только обвинять Гальфрида, ибо о значимости его работы было бы правильнее судить с учетом его центральной роли в создании артурианского цикла. Льюис Торп выбрал верный тон в своем предисловии к сочинению Гальфрида:

Какие бы любопытные элементы истины эта книга ни содержала, «История бриттов» Гальфрида Монмутского была, как мы видим, подвергнута суровой критике более ортодоксальными историками, которые писали в то же столетие, что и автор. С другой стороны, как романтизированная история, как письменный первоисточник, вдохновивший других авторов, как источник вдохновения для создания произведений поэзии, драмы и художественной прозы на протяжении многих веков эта книга имеет мало, если имеет вообще, себе равных во всей истории европейской литературы.

Роль Гальфрида в зарождении артурианской романтической литературы является неопровержимым фактом, но есть ли в его повествовании достоверные крупицы правды — это уже более проблематичный вопрос. Чтобы придать своим историям больше убедительности, Гальфрид помещает свои персонажи и события в знакомый пейзаж Британских островов и некоторых частей Европы. Подобным образом он выстраивает ряд «артурианских ассоциаций», которые прекрасно сохранились и по сей день. Нередко под влиянием этих ассоциаций в некоторых местах, бывших ареной главных событий повествования, проводились археологические исследования с целью отыскать присутствие хоть доли истины в рассказах Гальфрида.

По утверждению Гальфрида, Артур был зачат в королевском замке Тинтагель, на северном побережье Корнуолла [71]. Мерлин на время придает внешность Горлоя, герцога Корнуолла, отцу Артура, Утеру Пендрагону, который обманом, под видом законного супруга овладевает Ингерной, женой герцога. Уловка удалась, и таким образом был зачат Артур. Несомненно, это красочное и подходящее начало для королевской легенды, но едва ли оно является отголоском исторической правды. Тем не менее, это место стало ассоциироваться с Артуром, чему отчасти, должно быть, способствовала мистическая красота природы Тинтагеля. Живописная бухта глубоко врезается в зубчатые утесы. Узкая полоска суши природным мостом соединяет остров с большой землей. Волны непрерывно разбиваются о береговую линию, наполняя воздух шумом прибоя и солеными брызгами. Когда море проникает глубоко в пещеры, включая ту, что известна как пещера Мерлина, в них раздается таинственное эхо. Некоторые пещеры промыты волнами и простираются под мысом от бухты до бухты.

Если отвести взгляд от туристов, разбредшихся по вершине утеса, то можно почувствовать, что это место окружено магическим кольцом. Если на перешейке соорудить укрепления, остров стал бы фактически неприступным, а занимаемая им площадь намного больше, чем об этом можно судить по привычным аэрофотоснимкам. Так что там наверняка было достаточно места для жилищ и выпаса скота, а обеспечив безопасное и стабильное водоснабжение острова, можно было выдерживать осаду почти неограниченное время.

Во времена Гальфрида там не было замка, но уже тогда это место было известно как резиденция

знатной особы, может быть, даже короля. Подтвердили это предположение недавние раскопки, выявившие, что это место было заселено в римские и постримские времена и выступало важным центром международной торговли. Раскопанные культурные слои, относящиеся к V и VI векам, то есть ко времени Артура, содержат огромное количество фрагментов привозной керамики, в основном сосудов для вина и масла, из Восточного Средиземноморья. Недавние раскопки выявили там таких фрагментов больше, чем их было найдено во всей остальной Британии и Ирландии. Другие находки указывают на существование в V веке прямых торговых связей между Испанией и Британией; и такие находки однозначно подтвердили значимость Тинтагеля как крупного торгового города, специализировавшегося на предметах роскоши, поставляемых ко дворам аристократических и королевских семей.

Хотя бухта достаточно хорошо укрыта и встать в ней на якорь было относительно легко, все же Тинтагель нельзя назвать идеальной гаванью. На юго-западе есть много мест, лучше подходящих для этой цели; в этом плане эстуарий Фалмута является лишь одним из очевидных примеров. Создается впечатление, что для торговли именно в этом месте имелись свои причины, одной из весьма вероятных было присутствие там могущественных и знатных покупателей.

Тинтагель попал на первые полосы газет в августе 1998 года, когда работавшая там группа археологов сообщила о находке сланцевой крышки водостока с нацарапанным на ней словом, похожим на «Артур». Водосточная крышка относилась как раз к рассматриваемому периоду и на самом деле была в

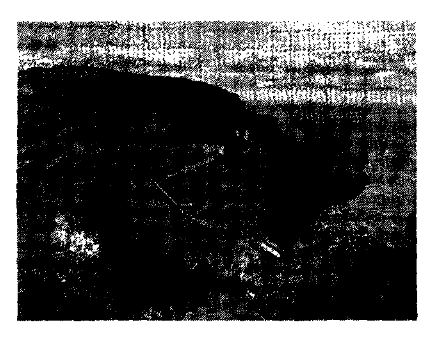
свое время чем-то вроде вмурованной в стену декоративной плитки, прежде чем она была разбита и помещена над водостоком. На ней имеются две надписи, из которых одна, более разборчивая, читается, как PATER/COLI AVI FICIT/ARTOGNOV, что, очевидно, означает «Артогно, отец потомка Кола, это сделал/построил/воздвиг».

Пресса, разумеется, сразу клюнула на это «подтверждение» пребывания Артура в Тинтагеле. Энтузиасты также поспешили увязать имя Кола с Коэлом Хеном (известным по историческим документам королем Северной Британии[72], который мог быть также военным вождем. К счастью, руководитель этих раскопок, Крис Моррис из университета Глазго, не тот человек, на мнение которого могут повлиять средства массовой информации. Согласившись, что первая часть имени «Арт» содержит кельтский элемент *artos* — «медведь», он категоричен в том, что вторая часть не относится к Артуру. Вот как это излагает Моррис:

В средствах массовой информации было много разных спекуляций об этой надписи, но достаточно сказать, что она не *читается как «Артур». Мы должны оставить любую мысль о том, что имя на этом камне как-то связано с тем легендарным литературным персонажем.*

Остается действительно сожалеть об этом, так как эта находка больше, чем что-либо другое, могла бы подтвердить существование Артура.

Некоторые акты описываемых Гальфридом событий разворачиваются в укреплении Димилиок, которое находится всего в пяти милях от Тинтагеля. Это древнее укрепление, состоящее из земляного вала со

Тинтагель.

Холм Гластонбери.

рвом, но мы не располагаем сведениями о нем в связи с рассматриваемым периодом. Роковая последняя битва Артура, согласно Гальфриду, произошла на реке Камблам у городка Камелфорд, рядом с Тинтагелем. И в этом случае повествование Гальфрида пересекается с местным фольклором: мост через реку Камса носит название «Мост Резни». Но конкретных свидетельств о какой-либо битве, происшедшей на том месте в послеримский период, не существует.

Гальфрид также приводит названия ряда римских поселений в Британии: Йорк, один из нескольких Городов Легионов, а также Карлион в Южном Уэльсе, еще один важный римский военный центр. Бат, с его целебными римскими термами, является местом битвы у горы Бадон [73], при этом также упоминается Линкольн. Как и другие источники, Гальфрид помещает Каледонский лес в Шотландию, в Шотландии разворачиваются и другие события, описываемые в повествовании. Некоторые действия происходят в Сомерсете, и Гальфрид, первый автор, отправляющий умирающего Артура на остров Авалон, который многие считают холмом Гластонбери, возвышавшимся над

болотистыми озерами Сомерсетской равнины, пока они не были осушены.

Здесь находится родина еще одной интригующей мистификации, связанной с Артуром. Начиная с VII века Гластонбери являлся религиозным центром и местом паломничества, но в 1174 году пожар уничтожил часть аббатства и многие святые реликвии, привлекавшие в эти места паломников. Король Генрих II прислал деньги для восстановления здания, но престижу аббатства и его доходам был нанесен сильный ущерб. Тогда в 1191 году монахи объявили о чудесном «открытии». По их словам, копая могилу для своего собрата-монаха, они наткнулись на склеп, в котором находились три гроба. Обнаруженный ими крест с древней латинской надписью сообщал, что здесь покоится тело знаменитого короля Артура, погребенного на острове Авалон.

Крест короля Артура из древнего захоронения в аббатстве Гластонбери

Сначала монахи объявили о том, что эти тела принадлежали Артуру, Гвиневере и Мордреду, но скоро изменили свой рассказ, убрав из него Мордреда, так как сама мысль о том, что Артур мог быть погребен вместе с предавшим его сыном, выглядела смехотворной. Что касается креста, то он исчез в XVII столетии, впрочем, до его исчезновения антиквар Уильям Кэмден сделал с него рисунок. Несмотря на предпринятую попытку придать надписи достоверный вид, ее орфография никоим образом не соответствует VI веку, как и тот факт, что Артур упоминается в

качестве короля. За пределами священных стен Гластонберийского аббатства эта шарада долго воспринималась как мошенничество в духе старой монашеской традиции «обнаруживать» святые реликвии.

Подобным образом говорилось, что знаменитый Круглый Стол Артура висел на стене Большого зала в Винчестере «с незапамятных времен», но поскольку стол был изготовлен из дерева, его возраст было легко определить с помощью радиоуглеродного анализа — метода, разработанного в 40-х годах XX века. Увы, стол был сработан всего лишь в XIII веке. Так была выявлена еще одна не относящаяся к Артуру подделка, сотворенная на сей раз добрыми людьми из Винчестера.

По мере развития легенд об Артуре география артурианской Британии постоянно обогащалась новыми местами и персонажами, как реальными, так и вымышленными. Около 1177 года великий французский сочинитель рыцарских романов Кретьен де Труа [74] представил обществу самого лучшего (французского) рыцаря всего христианского мира Ланселота из Камелота, хотя он и не сообщает нам, где Камелот находится. К тому времени, когда Кэкстон готовил предисловие к сочинению Мэлори «Смерть Артура» (1485 г.), в список попали Гластонбери (могила Артура), могила Эдуарда Исповедника в Вестминстерском аббатстве (оттиск с Артуровой печати на красном воске), Дуврский замок (череп Гавейна), Винчестер (Круглый Стол), город Камелот в Уэльсе (огромные камни и великолепные изделия из железа, лежащие в земле), и «иные места», где можно было найти меч Ланселота и многие другие реликвии [75]. В самом же тексте Мэлори утверждает, будто Стоунхендж был построен

из камней, которые Мерлин привез из Ирландии и сам же установил на равнине Солсбери. Любопытные идеи, но ни одна из них не подтверждается археологическими данными.

Игра в поиск артуровских мест продолжается на протяжении столетий и в настоящее время принимает угрожающие размеры. За последние восемь лет появилось по крайней мере шесть книг, рассказывающих историю жизни «настоящего» Артура. Все они строят свои утверждения главным образом на топонимике, прослеживая связи жизнеописаний Артура с названиями местностей. Три из этих книг обнаруживают Артура, Камелот и места его битв в Уэльсе. Четвертая свидетельствует об их нахождении частью в Западном Мидленде, частью — в Центральном Уэльсе. В пятой книге автор, следуя традиционным и менее убедительным путем, находит Артура в Юго-Западной Англии. Шестая книга является наиболее правдоподобной и изображает его сражающимся против пиктов и вторгшихся саксов на пограничных с Шотландией землях со своей опорной базы, известной в наше время как замок Роксборо.

Не следует особенно удивляться тому, что большинство этих авторов находят Артура в своих родных местах — валлийцы в Уэльсе, шотландцы — на границе с Англией, англичане — в Мидленде и на юго-западе Англии. Мне говорят, что этот феномен «местного Артура» распространен даже шире. Очевидно, существуют местные артурианские исторические общества, разбросанные по всей стране, которые создали свои собственные «карты приключений Артура», по большей части таким же образом, каким Алистер

Моффат обнаружил его в Шотландии, а Алан Уильсон и Бэрэм Блэкет нашли его в Уэльсе.

Я не считаю подобное явление удивительным. Даже из этого краткого обзора исторических источников совершенно ясно, что легенды об Артуре были широко распространены на протяжении столетий, но в них весьма туманно сообщалось о точных датах и местах событий. Такова сущность мифологии, а если это не так, то это уже история. Проявляется также тенденция к «одомашниванию» мифов: сказители любят привязывать свои повествования к местным ландшафтам.

На своем опыте я столкнулся с синдромом подобных «мифических карт», когда работал в лесах Амазонии с людьми, не владеющими грамотой. Там я обнаружил, что как только мне удавалось узнать какой-нибудь миф, стоило проехать 50 или 100 миль от этого места — и можно было услышать точно такую же историю, но с совершенно другой географической привязкой. Так, например, если в одной деревне рассказывали о Старике-Громе, который жил под высоким водопадом Каруру, то согласно другому сказителю — живущему около водопадов Ягуара — тот же самый Старик-Гром жил около водопадов Ягуара, и так далее.

Ничего нет приятнее для устной традиции, чем слиться с местным пейзажем, давая рассказчикам и слушателям жутковатое ощущение того, что «однажды и давным-давно» эти поразительные вещи на самом деле происходили прямо у них под носом. Поступая так, мы привносим в рассказы и в местный пейзаж долю мистики, которая вызывает у нас мурашки по всему телу при одной мысли, что здесь когда-то действительно были... драконы!

Без сомнения, такой подход к Артуру характерен для большей части Британии. Существуют многочисленные претенденты почти на все основные места действия артуровских легенд; в целом насчитывается более 2000 существующих в настоящее время топонимов, которые, как считается, имеют отношение к артуриане. С моей точки зрения, обнаруженные «соответствия» между местными географическими названиями и событиями, описываемыми в повествованиях, являются мифическими картами, а вовсе не историческими.

В общем и целом мне кажется, что доказательства в пользу существования в конце V и начале VI веков исторической фигуры по имени Артур являются чрезвычайно неубедительными. Бесчисленные авторы нашли там Артура только потому, что хотели это сделать, а *не* потому, что существуют свидетельства, подтверждающие их правоту. Если бы Артур не воспринимался с давних времен как ключевая фигура в формировании британской национальной идентичности, сомнительно, что кто-нибудь придал бы какое-то значение утверждениям Ненния. Полное отсутствие подтверждения его существования археологическими данными еще более усугубляет мои подозрения в том, что Артур, по сути, является таинственным и мифическим персонажем.

Надеюсь, из представленных в данной главе свидетельств становится очевидным тот факт, что при создании артурианы «было вымысла в избытке». Нен-

ний не только достаточно честен, признавая, что работает по незначительным обрывкам и фрагментам, но и достаточно умен, чтобы понимать, что, если у него Артур сражается в качестве военачальника при королях Англии, то не следует вступать в противоречие с установленными списками королей VI века, которые, разумеется, не упоминают короля Артура.

На самом деле даже имя «Артур» достаточно редко встречается во времена, о которых идет речь. Несколько авторов утверждают, что во второй половине VI века это имя стало более распространенным среди знати и королевских фамилий. Из этого они делают вывод: имена отпрыскам давались в честь некого Артура, бывшего, очевидно, великим человеком того времени. (Тот же феномен наблюдаем мы и сегодня: мода на «Диан» появилась сразу же вслед за браком покойной принцессы Уэльской.) Но и это вряд ли доказывает существование короля Артура.

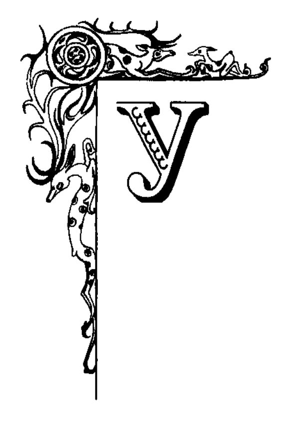
Однако к тому времени, когда легенды об Артуре со всеми подробностями начинают появляться в печатном виде — спустя почти 500 лет — к «могучей тени» относятся как к чему-то знакомому и надежному, свято веря в историческую достоверность существования Артура. При этом с самого начала легенды об Артуре были перегружены многочисленными подробностями о поведении и культуре главных героев, которые не вписываются в контекст британской истории VI века.

Итак, прежде чем мы попытаемся проследить происхождение всех этих необычайных идей и событий, нам потребуется более детально рассмотреть артурианскую литературу, складывавшуюся главным образом в Англии и Франции между 1136 и 1485 годами.

Глава 4

СНЫ АРТУРА

Утверждение Гальфрида Монмутского о том, что его труд — первое связное жизнеописание короля Артура — был исторически точен, не вполне соответствует действительности. Тем не менее, именно его книга создала повествовательную базу, ставшую основой практически всех последующих произведений об Артуре на протяжении более чем 350 лет.

Этот обширный пласт средневековой литературы появлялся на свет тремя путями. Во-первых, сказания или какие-либо их отдельные части были развитием основных идей и мотивов Гальфрида и его предшественников. Во-вторых, в более ранние фольклорные произведения включались артурианские персонажи и выстраивалась общая схема событий артурианского цикла. Этим, по-видимому, объясняется

появление большого количества произведений, рассказывающих о поисках Святого Грааля, не упомянутых Гальфридом и его предшественниками. В них Артур предстает второстепенным персонажем, не принимающим участия в основных событиях. В-третьих, некоторые средневековые произведения об Артуре могли быть чистым вымыслом, продуктом воображения того или иного автора.

В большинстве случаев для создания нового произведения авторы творчески объединяли два или три источника. Например, мотив меча в камне (отсутствующий у Гальфрида), по всей видимости, был заимствован Мэлори из различных произведений фольклора и включен в артурианский канон. Однако этот сюжет не отличается исторической достоверностью: наше исследование средневековой литературы неизменно приводит нас в область романтической фантазии, хотя и приукрашенной историческим налетом.

Переработка сказаний об Артуре имела место также во Франции в XII–XIII веках. В частности, образ Ланселота и его греховное обожание Гвиневеры, которое мы находим в работах Кретьена де Труа, имеет французское происхождение. Повествование о поисках Грааля также идет от Кретьена, он знакомит нас со многими новыми рыцарями, предпринимающими эти странствия. То, что французу Галахаду, сыну Ланселота, в конце концов удается найти Чашу, наводит на мысль о том, что подобное развитие сюжета сознательно уделяет французу значительную часть произведения, преувеличивая его роль, и низводит Артура до роли обманутого мужа и бездарного правителя.

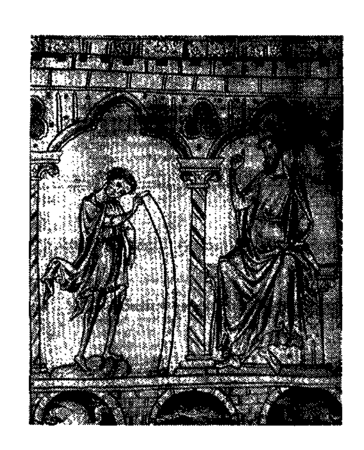
Как уже было сказано в третьей главе, французские версии артурианского цикла достигают кульминации в последней книге «Цикла Вульгаты», которая называется «Смерть Артура». В центре повествования оказывается история роковой любви Ланселота к Гвиневере, а вовсе не доблестные подвиги короля Артура.

Возможно, такое преднамеренное замалчивание британского героя французскими сочинителями романов привело к тому, что Мэлори и Кэкстон создали окончательную средневековую форму артурианских повествований. Назвав свое произведение "Le Morte Darthur" (*фр.*), они подчеркнули его французское происхождение, но в версии, изданной в 1485 году, слегка изменив текст, отвели Артуру должное место, признавая заслуги короля.

В том же самом году произошла битва при Босворте, на британский престол взошла династия Тюдоров [76], наметился конец эпохи Средневековья в Британии. За весь этот период в литературе не было создано ничего более существенного, чем легенды об Артуре, тщательно отшлифованные Кэкстоном и Мэлори. Сюжет легенд частично обогащался в середине и в конце Средневековья: в легенды вводились новые действующие лица и события. Эти «новые» аспекты рассказов были в большинстве случаев позаимствованы из других народных сказаний и изустных преданий. Очевидно, что в течение этого длительного эволюционного периода не прибавилось ничего, что было бы основано на подлинных фактах или явилось бы результатом открытий.

В этом отношении «История бриттов» Гальфрида Монмутского (1136 год) выглядит наиболее достоверно, главным образом потому, что она была написана до наступления времен «высокого» рыцарства, повлиявшего на содержание книг более позднего периода. Это произведение не перегружено рассказами о бесконечных рыцарских походах и поединках во славу прекрасных дам. Вместо этого на передний план выходит борьба за формирование и сохранение союзов и достижение победы в битве. Общепризнанная «историческая» направленность повествования Гальфрида заключается в том, чтобы осветить героические победы Артура на европейской и британской сцене, поведать о деяниях прославленного короля, не увязнув при этом в пересказе придворных сплетен об интригах, изменах и лжи.

Юный Мерлин пророчествует перед Вортигерном о подземном водоеме и двух драконах, которые показаны в нижней части изображения. Миниатюра из «Пророчеств Мерлина» Гальфрида Монмутского. Англия, около 1250 г. Британская библиотека.

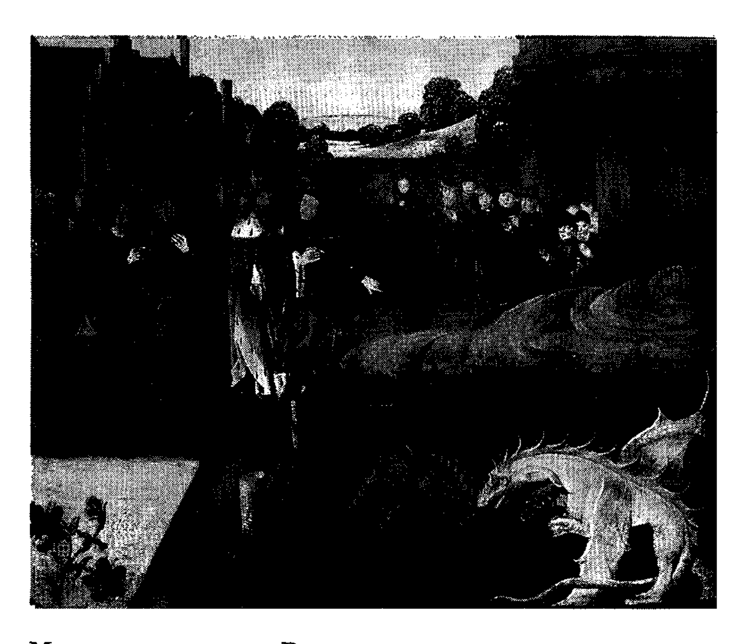
Без сомнения, работа Гальфрида знакомит нас с основными фактами биографии Артура. Но его книга так же интересна тем, *что* в ней есть, как и тем, *что* в ней отсутствует. А отсут-

ствуют, к примеру, многие ключевые элементы — Камелот, меч в камне и Ланселот — и это только три из них. Если вы прочитаете книгу в таком контексте, то увидите, что отправная точка рассказа явно требует уточнения.

Интересно, что Гальфрид Монмутский собирался написать полную и подлинную историю *всех* королей Британии. Он начинает артурианский цикл с описания более ранних событий, чем те, что мы встречаем у других писателей. Он представляет читателю Мерлина задолго до появления на сцене Артура. Его Мерлин — ребенок, которого Вортигерн (вождь бриттов, первым пригласивший саксов) собирается принести в жертву. Мальчик должен умереть, чтобы освятить своей смертью место, где Вортигерн безуспешно пытается построить замок. Всякий раз, как он возводит стены, они начинают трястись и рушиться. Бесстрашный мальчик Мерлин говорит, что он знает в чем причина и может помочь. Он велит людям Вортигерна выкопать на этом месте большую яму, предсказывая, что на дне ее они найдут водоем с двумя камнями. В этих камнях, сказал он, заключены спящие драконы.

Яму выкопали, водоем полностью осушили. Вортигерн в ожидании садится у края водоема. Вскоре появляются два дракона — белый и красный. Увидев друг друга, они сразу начинают схватку, изрыгая огонь. Белый дракон теснит красного к самому краю водоема. Красный, в свою очередь, пытается оттолкнуть белого дракона к центру. В самый разгар битвы Вортигерн просит мальчика-чародея объяснить смысл происходящего. Войдя в пророческий транс, Мерлин открывает ему, что красный дракон символизирует бриттов (отсюда изображение на национальном фла-

ге Уэльса), а белый — саксов. Он предсказывает, что белый дракон одолеет красного и будет теснить его все дальше и дальше. Далее следует долгий перечень апокалиптических пророчеств, предсказывающих гибель и падение британского государства. (Гальфрид, очевидно, так увлекался пророчествами Мерлина, что даже издал их отдельной книгой[77].)

Мерлин показывает Вортигерну сражающихся драконов. Миниатюра из английского манускрипта XV в. Коллекция Ламбетского дворца, Лондон.

Затем в небе появился огненный дракон. На этот раз Мерлина призывает к себе Утер, брат правящего короля. Мерлин истолковывает появление дракона таким образом, что король (находящийся где-то в другом месте) умер, и что огненный небесный дракон явля-

ется предзнаменованием того, что Утер станет великим правителем. Именно по этой причине, по мнению Гальфрида, Утера стали называть *Пендрагоном*, что значит «Утер Драконья голова». Мерлин указывает также на ослепительный луч света, исходящий от дракона, и говорит, что он обозначает еще не рожденного сына Утера, который не будет иметь себе равных по силе и могуществу.

Чуть позже читатель становится свидетелем сюжета, предваряющего не только появление артурианы, но и появление самого Артура. Утер Пендрагон одержим страстью к жене герцога Корнуоллского и уговаривает Мерлина помочь ему обманом овладеть ею. По версии Гальфрида, обманутого герцога затем убивают, а его жену Ингерну берет себе Утер. У них рождается двое детей: Артур и Анна, воспитываемые при дворе. В более поздних версиях Мерлин требует, чтобы Утер отдал ему маленького Артура на воспитание вплоть до той поры, когда тому придет время взойти на трон.

Далее, как рассказывает Гальфрид, Утер Пендрагон постепенно стареет и после победы над саксами умирает. Его незаконнорожденный сын Артур восходит на трон в возрасте пятнадцати лет. Все это не сопровождается никакими волшебными событиями: ни меча в камне, ни неожиданного появления под крылом Мерлина, ни толпы завистливых британских лордов и королей, устраивающих заговоры, чтобы помешать ему взойти на престол. Вместо этого Артур собирает своих сторонников и вступает в сражение с саксами на берегу реки Дубглас, а затем осаждает врага в Йорке (как излагает Ненний в своей истории сраже-

ния). Затем следует ряд битв (в соответствии с описаниями Ненния), последняя из которых — битва у горы Бадон.

Этому предшествовало несколько интересных моментов. Гальфрид так описывает вооружение Артура:

*Сам Артур, облаченный в достойную столь могущественного короля кольчугу, надевает на голову золотой шлем с изваянным на нем драконом, на плечи вешает щит, именуемый Придвеном, с изображенным на нем ликом Богоматери Девы Марии, который постоянно его призывал ни на мгновение не забывать о Ней. Еще он препоясывает себя Калибурном, отличным мечом, изготовленным на острове Аваллона, и берет в десницу свое копье, которое называлось Рон — копье это было длинным и широким, удобным в схватках.**

Во время битвы Артур изменяет ход событий, повергая большое количество врагов. Гальфрид приписывает ему только 470 жертв, тогда как Ненний утверждает, что их число достигло 960.

После усмирения скоттов и пиктов в Шотландии Артур женится на Гвиневере (упомянутой Гальфридом впервые). Как можно было ожидать, она — самая прекрасная женщина в стране, отпрыск знатной римской семьи, воспитанница герцога Корнуоллского, а вовсе не независимая королева Летней Страны.

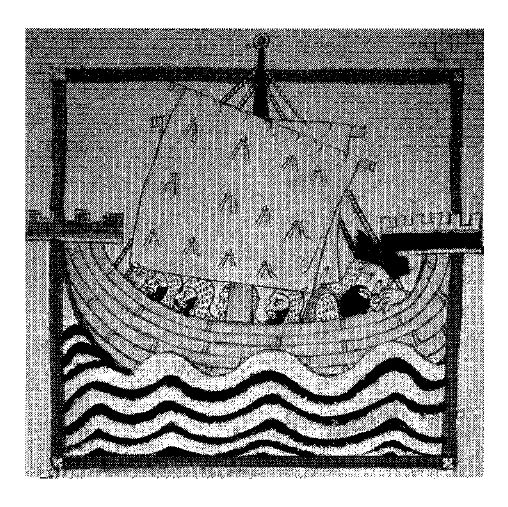
Затем, почти сразу после этого, Артур отправляется в поход с целью заключения военных союзов и завоевания всей Северо-Западной Европы от Франции до Исландии и далее до Норвегии и Дании.

---

* Гальфрид Монмутский. История бриттов / пер. А.С. Бобовича.

Прибыв в Галлию, Артур вступает в поединок с римским трибуном Фроллоном. Поединок проходит в традициях классического рыцарского турнира: сначала атака на лошадях с копьями, затем, спешившись, на мечах. Артур с блеском одерживает победу. Как только Галлия покорена и установлена власть закона, Артур отдает провинцию Нормандия своему кравчему Бедиверу, а Анжу — своему сенешалю Каю.

Возвратившись в Британию, Артур решает провести пышную церемонию коронации в Городе Легионов (Карлионе), в Южном Уэльсе. Знатные гости со всех концов света по-королевски щедро одарены Артуром. Пышная церемония завершается проведением традиционных игр, в ходе которых происходят «ристалища на лошадях... без каких-либо проявлений враждебности». Неожиданно в конце празднования прибывает гонец с письмом от римского императора, который требует дани. Артур и его гости решают не спускать такой дерзости и объявляют Риму войну. Собирается огромная армия, конницу в которой главным образом составляют бритты, а пехоту — народы других островов.

Сон Артура на корабле. Миниатюра. Англия, середина XIV в. Британская библиотека.

На корабле, по пути в материковую Европу, куда Артур

направляется за победой, король видит сон. В этом видении ему предстают летящий в небе медведь и приближающийся с запада ужасный дракон, который озаряет все вокруг ослепительным светом, исходящим из его глаз. Дракон и медведь затевают битву, дракон выходит победителем.

Когда Артур проснулся и рассказал свой сон, его спутники поняли, что он видел во сне свою собственную победу. Примечательно, что хотя первый слог «Арт» в имени «Артур» по-кельтски означает «медведь»[78], Гальфрид — носитель валлийского наречия — именно дракона делает мистическим олицетворением Артура.

Далее следует любопытный эпизод. Артур задумывает уничтожить великана, который насильно похитил прекрасную деву и удерживает ее в Мон-Сен-Мишель в Бретани [79]. После титанической борьбы Артур поражает его своим мечом Калибурном, а затем приказывает Бедиверу отрубить голову великана и выставить ее в лагере для всеобщего обозрения. Артур вспоминает, что с тех пор, как он победил великана Ритона, у него никогда не было такого могучего противника:

Ритон сшил себе одеяние из бород убитых им королей...

Убив великана, Артур берет себе в качестве трофея то самое одеяние, сшитое из бород поверженных врагов, и добавляет к нему бороду великана. Теперь у него свой собственный плащ из бород.

Далее Гальфрид перемещает Артура на сцену решающего сражения с римскими легионами, располагая действие неподалеку от реки Об в окрестностях со-

временного города Труа. Начинается грандиозная битва, в которой Артур командует войсками под своим королевским штандартом с золотым драконом, римляне же выступают под императорским штандартом с золотым орлом. Артур вдохновляет своих людей на победу и обещает им, что после битвы:

...мы сможем отправиться на Рим... Когда мы им овладеем... вашими будут его золото, серебро, дворцы, башни, замки, города и все другие богатства побежденных!

Битва начинается при явном численном превосходстве римской пехоты, выстроенной в боевом порядке в виде клина против смешанных сил бриттско-галльской конницы и пехоты. Конница постоянно набрасывается на боевые линии римлян, чтобы пробить в них бреши, и преследует убегающего противника, смертельно разя его своим оружием. Но Бедивер убит, и Кай смертельно ранен мидянами[80] (персами) и ливийцами, сражающимися на стороне римлян. Кай прорывается с телом Бедивера к королевскому штандарту Артура. Племянник Бедивера, Хирельгас, потрясенный гибелью дяди, врывается своим конным клином прямо в шеренги мидян, «...как дикий вепрь прорывается сквозь свору гончих», и, убив мндийского царя, приносит его тело, кладет рядом с телом дяди, а затем разрубает его на куски.

Кровопролитная битва продолжается. Стороны несут большие потери. Кажется, что преимущество переходит на сторону римлян, но так происходит только до тех пор, пока Артур, обнаживший свой меч, не пускается в сражение и не увлекает за собой свою личную гвардию.

Гальфрид не скупится на прославление воинской отваги своего героя:

*...Он наскочил на врагов, валя их наземь, поражая насмерть, и кто бы ни попадался ему навстречу, того или его коня он убивал с одного удара. И враги бежали от него, как дикие животные от свирепого льва, которого яростный голод заставляет пожирать все живое, что бы ему ни доставил случай. Доспехи неприятельских воинов были им ни к чему, ибо Калибурн, подъятый десницею столь доблестного короля, сражал их насмерть. Двух царей, Серторию — Ливии и Политета — Вифинии, он отправил, на их несчастье, срубив им головы, в Тартар.**

Повсюду королю Артуру сопутствует победа. Весь остаток года он посвятил укреплению своих позиций во Франции. Следующим летом он уже собирался пойти на Рим, когда до него долетела весть о том, что британский трон узурпирован его собственным племянником Мордредом (в более поздних версиях Мордред представлен как сын Артура, родившийся от кровосмесительной связи с сестрой) и что

этот вероломный тиран живет в преступной связи с Гвиневерой, поправшей клятвы своего первого брака.

В этом месте Гальфрид стыдливо прерывает повествование, понимая всю сложность положения, когда речь идет о королевском прелюбодеянии и, тем более, об инцесте. Далее он непосредственно обращается к своему (также незаконнорожденному) венценосному повелителю:

* Гальфрид Монмутский. История бриттов / пер. А.С. Бобовича.

*Высокородный властитель! Гальфрид Монмутский на этом не остановится, но вкратце расскажет, хоть и низменным слогом, все то, что нашел в упомянутом, написанном на бриттском языке сочинении, а также слышал во многих беседах от Вальтера, Оксенфордского архидиакона, мужа ученейшего, о сражениях, в которых прославленный этот король, возвратившись после одержанной им победы в Британию, бился с племянником.**

Еще раз предусмотрительно уверив нас в достоверности своего повествования и возложив ответственность за написанное на Вальтера Оксфордского, Гальфрид оканчивает свою повесть описанием битвы, в которой при высадке воинов Артура в Англии был убит Гавейн. Он пишет о находчивости Артура, когда тот преследовал Мордреда, о заключительной битве при Камблане (отмеченной в «Анналах Камбрии», хотя и под другой датой), той самой, в которой убивают «мерзкого предателя» Мордреда.

*Смертельную рану получил и сам прославленный король Артур, который, будучи переправлен для лечения на остров Аваллона, оставил после себя корону Британии Константину, своему родичу и сыну наместника Корнубии (Корнуолла) Кадора. Случилось же это в пятьсот сорок втором году от воплощения Господа.**

Этими словами заканчивается рассказ Гальфрида, в котором так и не сказано определенно о кончине и погребении Артура. Не упоминается в нем ни о каких девах озера, ни о руке, крепко сжимающей Кали-

* Гальфрид Монмутский. История бриттов / пер. А.С. Бобовича.

бурн, ни о золотых лодках с тремя королевами. Говорится только, и то достаточно неопределенно, об Артуре, которого привезли на остров Авалон, чтобы позаботиться о его ранах, намекая при этом на то, что он — «Король Былого и Грядущего».

Подводя итог сказанному, мы должны прежде всего отметить, что все это произведение содержит не больше исторической правды, чем сочинения Ненния. События, описываемые Гальфридом, — военные победы Артура над римлянами, образование им огромной империи от Исландии до Италии, его битвы с предавшим его то ли сыном, то ли племянником и так далее, — либо абсолютно ничем не подтверждены, либо просто вымышлены. Ни археологические свидетельства, ни письменные источники не дают нам информации о следах британских вторжений хотя бы в одно из вышеупомянутых в повествовании мест. Короли, римские трибуны и императоры, которых называет Гальфрид Монмутский, или не существовали вообще, или жили в другое время. Как я уже говорил, достоверность знаменитых битв с саксами, сведения о которых почерпнуты непосредственно у Ненния, весьма сомнительна. Это исторический вымысел, а не факт.

Но это *исторический* вымысел (или, возможно, лучше сказать, что это произведение художественно-исторического плана). Гениальность Гальфрида заключается в том, что его рассказ по большей части настолько хорошо написан, что кажется правдоподобным. Здесь мы находим героическую фигуру Артура, поднявшегося на головокружительные высоты и сохранившего свое положение благодаря доблести и

воинскому мастерству, сталкивающегося с кажущимися непреодолимыми обстоятельствами и одерживающего над ними победу. Этот персонаж в финале переживает сокрушительное падение, свой трагический и загадочный конец. История в целом настолько красива, что она остается без изменений в течение 350 лет. Версия Мэлори, изложенная в двадцать одной книге, использует практически все данные, содержащиеся в работе Гальфрида, хотя в этих книгах почти все из описываемых событий по-своему приукрашены. Автор включил в них много дополнительного материала.

Гальфрид не только придает своему повествованию «летописный» стиль изложения, но также вводит в сюжет причудливые мистические повороты событий. Без сомнения, существует описание ряда событий, уходящих корнями в фольклор и устную традицию и несущих достаточно мощный мифический «заряд». Гальфрид включает эти описания в свое произведение, несмотря на всю их очевидную абсурдность в тексте строгого исторического повествования. Мы должны помнить, что Гальфрид писал в 1136 году о древней для него истории точно так же, как я пишу о древней истории сегодня. Он осознавал, что пишет о весьма далеких временах, приоткрывая завесу забытых истин тех дней, когда по земле бродили драконы и великаны. Я нахожу очень интересным то, что последующие писатели гораздо больше приукрашивали именно этот мистический аспект его рассказов, а не псевдоисторическую сюжетную линию.

Первое из этих мистических событий происходит, когда выбранный для принесения в жертву мальчик Мерлин говорит Вортигерну о сражающихся волшеб-

ных драконах. Затем в небе появляется огненный дракон, из-за которого отцу Артура дают прозвище Пендрагон, и предвещает ему появление сына. В ранней мировой литературе можно найти много упоминаний о грозных огненных чудовищах, летающих по небу, поэтому можно смело предположить, что в основе этих упоминаний лежат кометы или метеоритные дожди. Тем не менее, интересно, что как доисторические земные, так и небесные драконы прочно ассоциируются с пророчествами — способностью предсказывать будущее.

Однако в кельтской традиции античного и постримского периодов драконы изображались совсем по-другому. В устном народном творчестве драконы изображались весьма опасными существами, которых должны были одолеть герои-победители, такие как Артур или святой Георгий. Отсутствуют и доказательства того, что в бриттской или галльской фольклорных традициях драконы могли считаться позитивной доброжелательной силой в отношении людей, наделенных властью и могуществом. Очевидно также и то, что к тому времени, когда Гальфрид писал свой труд, образ дракона уже претерпел трансформацию в народном сознании. В XI веке дракон олицетворял не только валлийцев — коренное, население Уэльса, но и шотландскую нацию. Он оставался главным национальным символом вплоть до XVI столетия, когда он был сохранен как часть королевского герба, подчеркивая валлийские корни Генриха Тюдора.

Чтобы сбылось пророчество дракона, Мерлин применяет волшебное снадобье. С его помощью он на время превращает Утера в герцога Корнуоллского. Эта

способность превращать один предмет в другой или одного человека в другого с древних времен является частью арсенала волшебников. Мы не раз встретимся с этим в более поздних произведениях об Артуре.

Магия идет в ход и там, где речь заходит о вооружении Артура. Ему явно пришелся по душе образ золотого дракона, и он помещает его на свой шлем и боевой штандарт. Его меч, Калибурн, обладает волшебными свойствами и происходит с райского острова Авалон, места перерождения, символически изображаемого в виде яблоневых садов. Для большей безопасности Гальфрид вслед за Неннием дает Артуру щит с изображенным на нем христианским символом, а также вооружает его волшебным копьем с несколько несуразным названием «Рон».

Гальфрид нисколько не проясняет сверхъестественного происхождения такого вооружения, и более поздние писатели превосходят самих себя в развитии этой темы и ее варьировании. У Мэлори есть уже два описания, связанные с мечами в камне, это мечи Артура и Галахада. У Артура было два разных меча — первый не волшебный, который был вынут из камня, и знаменитый Экскалибур, подаренный ему Владычицей Озера. Экскалибур играет важную роль, так как делает своего владельца непобедимым, но Мерлин предупреждает Артура, что ножны меча еще важнее, так как тот, кто их носит, не потеряет ни капли крови, будучи изранен. В книгах Мэлори многие события вращаются вокруг похищения и меча и ножен. Возвращение Экскалибура Владычице Озера становится кульминационным моментом финала Артурианы. Однако очевидно, что это уже дополнение авторов, писавших после Гальфрида.

Сновидение как средство доступа к потусторонним знаниям, как пророчество, выраженное в символической форме, встречается у Гальфрида только однажды, хотя в более поздних версиях используется неоднократно. Я уже упоминал о некоторой странности, когда Артур видит во сне битву между драконом (им самим) и медведем (олицетворением Рима, а также символом корня его имени). Мэлори искусно обходит упоминание о сне, в котором Артуру снится сражение между драконом (им самим) и диким кабаном (популярным символом саксов).

Вскоре после сновидения, приснившегося ему на борту корабля, направляющегося во Францию, Артур побеждает великана в Мон-Сен-Мишель. Это мистическое, хотя и довольно-таки обычное событие в сюжетах легенд: библейская, античная, ирландская, валлийская, скандинавская и практически любая мифология изобилует героями, повергающими великанов. Отрубить им головы, чтобы продемонстрировать свою отвагу — также вполне обычное занятие для героев. В конце концов, намного почетнее одержать верх над громадным человеком, чем над простым смерт-

Король Артур и великан. Миниатюра из манускрипта. Середина XIV в. Британская библиотека.

ным. Но этот эпизод интересен тем, о чем он напоминает Артуру. Это сюжет об одеянии из бород поверженных противников, который Артур завоевывает в битве. Этот сюжет не повторяется у Мэлори, но трансформируется в другое сказание, слегка измененное.

Мэлори пишет: король Уэльса и Ирландии Риенс победил 11 королей и в знак подтверждения их преданности ему получил их сбритые бороды, которые он использовал для украшения своей мантии (т.е. отделал одежду воротником из бород). На его мантии осталось место еще для одной бороды, и он требует, чтобы Артур срезал свою бороду и прислал ему в качестве дани, иначе «он войдет в его земли, сожжет и уничтожит все, и не уйдет до тех пор, пока не заполучит его бороду вместе с головой». Артур называет это «самым оскорбительным и непристойным предложением, сделанным королю, какое когда-либо слышал человек» и предупреждает, что хотя его борода «слишком короткая, чтобы отделать ею мантию», он сам снесет голову Риенсу, если тот не воздаст дань уважения *ему*, Артуру.

Очевидно, что отрезание бороды — это способ унижения, заменяющий отрубание головы. Однако странно видеть этот обычай отнесенным ко временам Артура. В те дни римляне были чисто выбриты, а галлы и бритты, как сообщалось, только щеголяли усами (по крайней мере, при Цезаре). Другой интересный эпизод, связанный с волосами, встречается в книге Мэлори «Смерть Артура». Когда Ланселот отправился в странствие на поиски Святого Грааля, в одном из мест ему посоветовали снять волосы с почившего святого и приложить их к своей коже, чтобы обеспе-

чить себе сверхъестественную защиту. Он так и поступает, и тем самым защищает себя в последующей схватке со злом.

Последний мистический эпизод у Гальфрида — возвращение умирающего Артура на остров Авалон — покрывает мраком неизвестности судьбу Артура. И это снова дало последующим писателям пищу для развития темы. Они щедро дополнили ее возвращением Экскалибура в озеро, прибытием королевской лодки и исчезновением Артура в тумане времени.

В сущности, работа Гальфрида породила две сюжетные линии: псевдоисторическую и чисто мифологическую, которые более поздние писатели приукрасили всяк на свой лад. К псевдоисторической линии они добавили внушительный ряд новых персонажей, главным образом, рыцарей Круглого Стола — от Ланселота до Галахада, а также мистических женщин, таких как сестра Артура фея Моргана. Мифологическую линию они щедро украсили событиями метафизического характера. Образ Владычицы Озера, отсутствующий у Гальфрида, вероятно, является развитием образа кельтской богини плодородия Нерты, в священные воды которой приносятся жертвы в виде оружия, а иногда даже людей. Хотя странно, что оба мотива — меча в камне и Владычицы Озера, дарующей меч и забирающей его обратно, возникают из более поздних версий легенды, а не из версии Гальфрида, основанной на валлийских преданиях.

Тема странствия в поисках Святого Грааля, также отсутствующая у Гальфрида, в более поздних романах становится едва ли не самой главной. Хотя этой Чаше придается строго христианское значение, мотив поиска

чаши или кубка, обладающих целительными и восстанавливающими свойствами, часто встречается во многих языческих культурах того периода. В артурианском каноне также присутствуют много менее известных мистических мотивов и событий, следы которых невозможно найти в британском кельтском фольклоре.

Многие из них соединены в сценарии, который повторяется в нескольких вариантах. В его основе лежит некое святое место — обычно это источник или родник, расположенный в роще, хотя это может быть и брод, и перекресток дорог, мост или ворота. Эта «священная роща» с буйной растительностью резко контрастирует с пустынными и истощенными землями вокруг нее. Здесь живет прекрасная и благочестивая девушка или дама, образ которой ассоциируется с луной, белым цветом и водой — все это символы духовной чистоты. Она — полубожественное существо.

Кроме того, в этом месте может находиться палатка или круглый шатер с конусообразной крышей. Шатер изображается как место убежища и приюта. Охраняет прекрасную даму и священную рощу свирепый защитник, который вызывает на бой любого ступившего на эту землю. Роль женщины в этом непонятна. Она может считать себя пленницей своего защитника и подстрекать пришельца на битву с ним. Если пришелец побеждает, она может отдаться ему в шатре. Также она может потребовать голову своего прежнего защитника, которую она берет и привешивает к своему седлу. Считалось, что кровь человека, который пожертвовал собой, защищая свою божественную женщину, имеет целительную силу.

О таком эпизоде с Артуром рассказывается в романе «Возвышенная повесть о Святом Граале» (*Perles*-

Ланселот в зачарованном лесу. Миниатюра из предположительно французского манускрипта начала XIV в. Британская библиотека.

vaus) [81], в котором Гвиневера направляет Артура в опасный поход. Он приходит к проходу, ведущему в живописный уголок леса, расчищенный под пашню, в глубине которого стоит огромное дерево, под ним сидит прекрасная девица. Она указывает путь к часовне, которую он ищет, но предупреждает о предстоящем ему поединке. Внезапно появляется черный рыцарь на коне и бросает огненное копье, впивающееся в руку Артура. Кровь Артура гасит огонь, и он убивает черного рыцаря. Затем из леса выходят двадцать рыцарей и изрубают тело черного рыцаря на куски. Девица просит Артура принести ей голову рыцаря, что он и делает, а затем она смазывает рану Артура кровью из отрубленной головы, немедленно исцеляя его. Потом она объясняет, что сможет с помощью головы вернуть себе замок, который у нее вероломно отобрали, и уходит, унося голову с собой. В следующем эпизоде девица прибывает в повозке, запряженной оленями, ко двору короля Артура, привезя не менее 152 отрубленных голов.

Некоторые специалисты видят в этих событиях отзвуки очень древних языческих религиозных обычаев, где отважные мужчины бьются, чтобы завладеть женским божеством. В случае поражения их приносят в жертву во имя богини. Эта по сути дарвиновская теория отбора сильнейших в их правах на женщин также усматривается в основе куртуазной любви. И конечно же, эта тема постоянно обыгрывается ключевыми фигурами в сказаниях об Артуре.

В этом сценарии мы встречаем намного более распространенное (и дольше существующее) представление, согласно которому сила и жизнеспособность нации напрямую зависит от здоровья и мужской силы правителя. Как только силы правителя слабеют, возникает необходимость его замены, даже путем насилия, если потребуется. Правитель представляет собой некий микрокосм государства, жизнеспособность двух неразрывно переплетенных между собой составляющих. Это, конечно, извечная тема — шекспировские драмы пронизаны ею — от «Короля Лира» до «Ричарда II» и многих других его исторических хроник и трагедий. Подобный сюжет не теряет актуальности по сей день: современная пресса постоянно выставляет на всеобщее обозрение личную, духовную и интимную жизнь наследников британского трона, косвенно связывая их с девальвацией моральных ценностей нации.

В этих эпизодах шатры важны как места, дающие женщинам кров и удовольствие, и в «Возвышенной повести о Святом Граале» присутствует даже «Королева Шатров». Она беседует с Девой Повозок, и кажется, что между женщинами, повозками и шатрами существует прямая связь. В некоторых сказа-

ниях Дева Повозок является важной фигурой, поскольку она действует как носитель Святого Грааля. Когда она привозит Артуру отрубленные головы, ее повозка, как упоминалось, запряжена оленями. Эта связь женщин и оленей прослеживается и в античной мифологии, где Диана, богиня охоты, выезжает в колеснице, запряженной оленями. Во многих легендах олень-самец (иногда белый, и поэтому даже более мистический) является символом благородной жертвы, и это животное часто ассоциируется с чем-то магическим. В одном из сказаний Мерлин покрывает себя волосами и на какое-то время превращается в оленя.

Женщины ассоциируются также со змеями. В одной легенде змея превращается в прекрасную девицу. Гвиневера тоже уподобляется коронованной змее, религиозному символу «сарацинов» древних обитателей Британии, которые жили там до прихода Артура.

Кроме мистических связей со змеями, отрубленными головами, шатрами, повозками и оленями, эти полубожественные дамы постоянно советуют, предупреждают об опасности и наставляют воинов-мужчин. Некоторые из них, как, например, Владычица Озера, воспитывают знаменитых воинов, обучают их воинскому искусству и снабжают оружием. Ланселот, Галахад и Персиваль воспитаны и обучены женщинами со сверхъестественными возможностями; Ланселот и Артур получают от них свои мечи.

Подготовленные и вооруженные, эти молодые воины отправляются на поиски приключений, испытаний и героических подвигов. Как уже говорилось, чаще всего это заканчивается вызовом на битву других рыца-

рей, которые обычно охраняют или держат в неволе пригожих девиц либо преграждают кому-то путь у перекрестка или брода.

Более драматичные столкновения происходят со сверхъестественными существами — великанами, драконами и другими чудовищами. Цель таких столкновений часто остается непонятной. Но там, где об этом говорится, это чаще всего освобождение заложников и пленников либо поиски сокровищ. Превыше всего рыцарей интересуют сами приключения и те доблестные истории, которые они смогут рассказать по возвращении ко двору короля Артура. При этом неважно, о чем будет идти речь. Артур всегда требует от всех, кто приходит к его двору, подробного рассказа.

Примечательно, что оружие воинов, используемое в этих походах, может приобретать сверхъестественные свойства, такие как непобедимость и сверхпрочность. Оно также может испускать пламя, как в случае с черным рыцарем, ранившим Артура своим огненным копьем. В других случаях мечи ассоциируются с ударами молнии, и в этом смысле есть некая связь между волшебными мечами и небесными драконами, — и те и другие могут поражать огнем. Огненное оружие иногда ассоциируется также с оскоплением.

Наиболее известным и загадочным из рыцарских странствий является, конечно, поиск Святого Грааля, или, как его называет Мэлори, Священной чаши Грааль [82] — кубка крови. Во французском повествовании «Цикл Вульгаты» рассказывается, что Иосиф Аримафейский, человек, который, как говорят, привез Чашу Грааль в Британию, был ранен в ноги

ангелом «с лицом, ярким как молния». Эта история повторяется во многих вариантах в рассказах о том, как короли, охраняющие Грааль, получают увечья от огненного оружия.

В более позднем эпизоде «Цикла Вульгаты» отмечается, что чаша Грааль была привезена в Уэльс Аленом Толстым, племянником Иосифа Аримафейского, который искал свободную землю, чтобы обосноваться на ней. Здесь он находит землю, занятую немногочисленным народом, который ничего не умеет, кроме как пахать и сеять. Этим народом правит прокаженный король, которого Ален исцеляет с помощью Чаши. В благодарность король построил замок для людей Чаши и предложил руку своей дочери брату Алена Жозе *. Они поженились в тот же день и стали коронованными королем и королевой этой земли (*Terre Foraine*). Подданные принесли им присягу, и этой же ночью они зачали сына и наследника. В ту же самую ночь старый король подходит слишком близко к Святому Граалю, тем самым вынуждая некоего огненного человека поразить его копьем, которое ранит короля в чресла, калеча его. И таким образом с помощью Грааля происходит мирный переход власти в руки новой династии и восстанавливается плодородие земли в результате передачи престола старым бесплодным королем своему преемнику.

Огонь играет важную роль и в другом ключевом эпизоде, относящемся к чаше Грааль, когда Галахаду удается погасить огонь, который все время горит в могиле. То, что Галахад может погасить этот вечный

* Жозе (Josue) – французская форма библейского имени Иошуа, (полная форма – Иегошуа).

огонь, сигнализирует всем, что именно он является тем рыцарем, который достигнет Грааля.

Уже давно признано, что поиск Грааля тесно связан с культами плодородия, ассоциируемыми с кубками и котлами. Считается, что налитая в них кровь играет важную роль в исцелении, возрождении и омоложении. Из походов в поисках Чаши и таких эпизодов, как поединки Артура с черным рыцарем, также очевидно, что женщины играют важную роль в обряде исцеления кровью. Реже вспоминают о том, что в связи с Чашей постоянно упоминаются определенные имена. Так, Ален Толстый — первый из множества Аланов, Аленов и Элейнов, упоминающихся в связи с Граалем. Будучи племянником Иосифа, он становится первым хранителем Священной чаши в Британии. Его имя связывается также с особым озером, где он совершает ритуальную рыбную ловлю, заслужив, таким образом, титул Богатого Рыбака или Короля Рыбаков. Ален Толстый фактически умирает в то же время, что и прокаженный король, передавая свою миссию и титул брату Жозе.

Кроме Алена упоминаются Элейн Белый, герой Святого Грааля, и Илиан, принц Ирландии, который занял место Ланселота за Круглым Столом после того, как тот сбежал с Гвиневерой. Женские варианты имени «Элейн» также часто встречаются в важных эпизодах, например, Владычицу Озера, которая опекает Ланселота Озерного, зовут Элейн; мать Галахада, носительницу Чаши, которая хитростью добивается от Ланселота того, что зачинает от него ребенка, тоже зовут Элейн. Она появляется в «Возвышенной повести о Святом Граале» как Дева Повозки. Пеллинор находит отрубленную голову своей дочери Элейн у

источника и относит ее ко двору Артура. Еще одна Элейн — прекрасная девушка, которая в последней части «Цикла Вульгаты» умирает от любви к Ланселоту, является центральной трагической фигурой, позднее увековеченной Теннисоном[83] как «Владычица из Шалотта». Жену короля Бана и мать Ланселота тоже зовут Элейн. Еще несколько Элейн появляются в легендах, связанных с рыцарями, которые искали Святой Грааль, хотя нигде не объясняется, почему их так звали.

Блуждая в лабиринтах запутанных, менее известных сюжетов артурианских легенд, я обнаружил ряд деталей, упомянутых выше и кратко охарактеризованных ниже, которые нельзя представить просто как отражение ранних кельто-британских верований или как смесь элементов христианской и античной римской культуры. Мои находки имеют определенно языческое, но не обязательно кельтское происхождение. Проще всего было бы отнести все эти россказни о короле рыбаков Алане, который получил увечья, когда пил кровь из волшебных кубков, которые ему подносили прекрасные дамы, к области средневековой фантазии. Но я это трактую *не так*. В моем представлении то, как эти сказания возникали, повторялись и видоизменялись, переходя от одного рассказчика к другому, связано с мифологией, а не с фантазией.

Мифология подразумевает наличие неких истин, лежащих в основе заурядных фактов, за пределами

обычных событий; эти истины люди считают достаточно важными для того, чтобы запомнить, сохранить и передать в повествовательной форме следующему поколению. К ним как раз относятся легенды о короле Артуре, составившие известнейший фольклорный цикл в мире, и поныне представляющие интерес для читателей и исследователей. Эти легенды несут определенные послания. Трудно сказать, откуда эти послания пришли, происхождение их туманно. Взятые по отдельности, они кажутся фрагментарными, но если их рассмотреть в совокупности, они складываются в довольно-таки продуманную конструкцию — культуру со своим особым взглядом на мир. Все это хорошо видно в рыцарских романах.

Для общества эпохи Артура лошадь имела важнейшее значение. Даже в названии рыцарства и его кодексе чести (*Chivalry*) присутствует тот же корень, что и в слове «кавалерия». Все главные герои являются воинами, обладающими исключительной мобильностью. Их самым высокоценимым искусством было военное, и их ратные подвиги верхом на коне рассматривались как путь к героизму и славе. Из оружия они наиболее высоко ценили длинные, сокрушительные, иногда волшебные мечи. Чтобы утвердить свою доблесть, они совершают рискованные предприятия, в которых присутствуют ритуальные и реальные сражения с участием как отдельных воинов, так и боевых отрядов. Эти действия, как правило, инициируются женщинами и обычно направлены на спасение заложников или пленников, а также поиски богатства и сокровищ. Победа в бою вознаграждается жалованием земель, их получатель становится вла-

детелем местного крестьянства (используемого в качестве пехоты во время войн).

Мир, через который двигались наши герои, представлял собой пустыни, бросовые земли с «оазисами» рощ и источниками воды. Эти острова плодородия были королевствами женщин, многие из которых обладали сверхъестественной силой и жили в шатрах или повозках. Это также и места, где в бою льется кровь, рубятся головы и срезаются бороды. Кровь обладает силой исцеления и физического возрождения, в то время как кубок, в который она налита, способен калечить, жечь, оскоплять и убивать. Это мир огненных драконов, молний и волшебных мечей, где мужчины умеют обращаться с оружием, а женщины, которые могут быть как целомудренными, светлыми и жительницами вод, так и змееподобными демонами, жаждущими человеческих голов и крови, обладают сверхъестественными способностями.

Этот темный, но совершенно отчетливо описанный мир восходит к древним кельтам, и не только к ним. Ясно, что этот мир имеет мало общего с миром Римской империи, хотя в нем и присутствуют некоторые отзвуки античной мифологии. Однако мы знаем, что существовала другая, совсем особая культура, процветавшая на восточных границах Римской империи, культура, которую считали варварской до тех пор, пока она не проникла, а затем и не подчинила себе Западную Европу.

Я уже говорил, что эти люди впервые появились в Англии довольно рано — примерно в 170 году, из них состояла тяжелая конница, и их командира звали Арторий. Их было много: около 5500 человек было поставлено охранять Адрианов вал и северные оборони-

тельные укрепления Британии. Мы знаем, что они несли драконов в качестве своих штандартов, и что в IV веке римляне заимствовали этот символ, дав своей коннице название драконариев, которое сохранилось в британской армии до наших дней в виде слова «драгун».

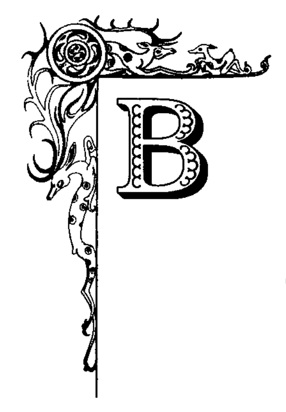
Известно, что после завершения военной службы эти воины остались в Британии, осев, главным образом, в форте ветеранов, который теперь известен как Рибчестер в Ланкашире. Эти люди с их культурой, связанной с лошадьми и драконами, и сходством имени их предводителя с именем Артур представляют особый интерес в наших поисках источников легенд об Артуре. Но особенно важным для нас является то, *что* происходило в их головах: являлись ли они просто варварами, как утверждали римляне, или были гораздо более «цивилизованны», чем ранее предполагалось?

Они не имели письменности, поэтому здесь мы сталкиваемся с обычными проблемами интерпретации сведений об этих людях, полученных не из первых рук, и можем только строить предположения об их идеологии и устремлениях. Эти степные кочевники существенно отличаются от кельто-британских претендентов на то, чтобы считаться предками Артура, в одном очень важном аспекте. Они обладают богатым и хорошо документированным наследием, представляющим собой захватывающую страницу в развитии цивилизаций Старого Света. Их достаточно хорошо изученная история начинается за полторы тысячи лет до правления Артура. Чтобы выяснить, кем они были *в действительности*, мы должны сделать гигантский шаг назад во времени, примерно к рубежу VIII–VI веков до н.э. — к тем дням, когда люди только начинали объезжать лошадей...

Глава 5

КОННЫЕ ВОИТЕЛИ

Верховая езда была настолько неотъемлемой частью мира времен Артура, что с ней связано и происхождение понятия «рыцарство». Однако народы, первыми сделавшие лошадь основой своего жизненного уклада, не были ни кельтами, ни римлянами. Они были потомками первых в мире всадников.

Никто точно не знает, где и когда человек впервые начал ездить верхом, но на рубеже II–I тыс. до н.э. неожиданно распространились культуры народов-всадников, имевших небывалую свободу передвижения. У людей вдруг появилась невиданная ранее возможность легко и быстро покрывать огромные расстояния. Это событие коренным образом изменило цивилизационную ситуацию и привело к возникновению новых форм культуры. Поразительно, но процесс быстрой культурной трансформации повторился

почти в том же виде спустя 2500 лет, когда испанцы завезли лошадей в Северную и Южную Америку. За какие-то 100 лет у американских индейцев в прериях на севере и в пампе на юге сложился совершенно новый, высокоподвижный образ жизни.

То, как это происходило, противоречит представлению многих народов о путях развития человеческого общества. Мы склонны полагать, что древние люди сначала были кочевыми охотниками-собирателями, которые в дальнейшем научились приручать животных и превратились в кочевых скотоводов. Лишь гораздо позднее освоение земледелия позволило людям покончить с кочевым образом жизни и поселиться в местах постоянного обитания. Оседлый образ жизни рассматривается как основная предпосылка к развитию сначала деревенского уклада, затем городского общества, а впоследствии и городских в своей основе древних цивилизаций, что в итоге привело к возникновению современного мира. Именно так представляли себе эволюцию общества древние римляне и другие древние цивилизации на Востоке и на Западе. Очевидно, что это ошибочное представление.

Хотя споры на тему «кто сделал, что и когда?» до сих пор продолжаются, мы достоверно знаем, что в Древнем мире охота и собирательство постепенно уступили место окультуриванию съедобных растений. В это же время, примерно 10–12 тысяч лет назад, люди начали одомашнивать собак. Позднее, на рубеже IX–VIII тыс. до н.э., стали домашними животными овцы и козы. А спустя тысячу лет был одомашнен и крупный рогатый скот. Однако остается неясным, когда люди приручили лошадей и как эти

отношения развивались. Самое раннее одомашнивание лошади могло произойти где-то в V—IV тыс. до н.э., принято считать, что люди, по-видимому, первоначально использовали лошадей в качестве вьючных и тягловых животных, а также как источник мяса, молока и кожи.

Абсолютно очевидно, однако, что на протяжении всего этого периода одомашнивания животных и культивирования растений люди жили в постоянных поселениях относительно оседло, ухаживая за своими посевами и скотом. У них попросту не было возможности вести кочевой образ жизни. Первые свидетельства использования быков как тягловых животных, чтобы тащить плуг, относятся к середине V тыс. до н.э., а примерно 1000 лет спустя стали появляться первые крытые повозки и телеги с запряженными в них быками. Начало использования животных как тягловой силы дало возможность людям переезжать со всем своим имуществом с места на место. Повозки и телеги были с готовностью восприняты индоевропейцами, одной из появившихся языковых групп. Как степные кочевники, так и кельты говорили на индоевропейских языках.

С некой исторической прародины, местонахождения которой до сих пор вызывает споры среди ученых — она находилась либо на Ближнем Востоке, либо в степях, — индоевропейские племена, начиная с V—VI тыс. до н.э., постепенно продвигались в разных направлениях, заняв территории Западной и Центральной Азии вплоть до Северной Индии и границ Китая; они проникли также в Средиземноморье и Северо-Западную Европу. Процесс расселения ин-

доевропейцев длился столетия и тысячелетия, а не недели, месяцы и годы. Даже появление примерно к II тыс. до н.э. быстрой и легкой колесницы не привело к резкому увеличению мобильности, вероятно, из-за недостаточной устойчивости этого транспортного средства.

Но ситуация стала быстро меняться, когда люди освоили искусство верховой езды. Человек, едущий верхом и ведущий в поводу одну или двух сменных лошадей, мог с легкостью покрывать за день расстояние в 50 километров и передвигаться в таком темпе почти бесконечно. Так, всадник мог за месяц проехать до 1500 километров, за два месяца можно было покрыть расстояние от Черного моря до Сибири. Но более важным фактором было то, что большая дальность перемещения, которую обеспечивала езда верхом, означала, что люди могли теперь осваивать недоступные прежде территории. Так открылась возможность пересекать засушливые области — степи, пустыни, — переходя от одного источника воды к другому, подниматься высоко на горные пастбища, которые были недоступны для пеших пастухов. Теперь же пастух мог перегонять свое стадо на большие расстояния в зависимости от времени года и состояния пастбищ — уходить в зоны с более умеренным и мягким климатом в разгар лета или зимы, если было слишком жарко, слишком холодно или слишком сухо.

Конные народы вскоре обнаружили, что появившаяся возможность быстро передвигаться становится большим преимуществом в случае конфликтов. Такие понятия, как «атака» и «отступление» с высоты кон-

ского седла выглядели совершенно по-другому. Таким образом, как только люди научились ездить верхом, кочевой образ жизни, от которого тысячи лет назад отказались наши предки — охотники и собиратели, вновь предоставил очевидные преимущества тем, кто выбрал этот путь. В этом переходе к кочевому скотоводству не было ничего «регрессивного», «примитивного» или «варварского». Это был большой шаг вперед в социальном отношении, эволюционное движение к новой форме общества и культуры.

Эти изменения произошли, вероятнее всего, в степях Западной и Центральной Азии, где в изобилии водились табуны выносливых диких лошадей, на которых люди охотились по крайней мере с конца ледникового периода. В этих районах находились также в изобилии пастбищные земли, которые были труднодоступны, пока люди не научились ездить верхом. Таким образом, повышая свою мобильность, жители степей получали огромные преимущества.

Однако мы имеем лишь скудные археологические данные о том, когда и где люди начали ездить на лошадях верхом. Об этом мы можем судить по предметам конской упряжи, найденным в могильниках, случайным находкам лошадиных зубов, истертых удилами. Но с последним доказательством возникает небольшая проблема: на предметах изобразительного искусства, датируемых примерно 1300 годом до н.э., показаны лошади с удилами, запряженные в колесницы, так что наличие у них удил или истертость зубов еще не являются свидетельствами того, что люди ездили на лошадях *верхом*. Тем не менее, это не такая уж и неразрешимая проблема, так как верхо-

вая езда оставляет различные следы на костной и мышечной ткани как коня, так и всадника. Последующие тщательные исследования костных останков должны помочь установить приблизительное время появления первых всадников.

К тому времени, когда появились первые всадники, уже было сделано другое изобретение, играющее важнейшую роль в нашем повествовании об Артуре. Во многих частях света люди научились писать, и они стали записывать события по мере того, как те происходили. Конные народы степей не имели письменности, но она была у многих их соседей к востоку, югу и западу.

Впервые мы узнаем об этих народах из письменных источников ассирийцев и мидян, живших в государствах, находившихся на территории современных Ирана и Ирака. Они рассказывают о народе, который называют киммерийцами — конных кочевниках, говоривших на языке иранской группы индоевропейской языковой семьи. В письменных источниках киммерийцы впервые упоминаются как народ, живущий в степях к северу от Кавказа [84]. Их территория простиралась на запад до северного побережья Черного моря. Но даже в те далекие времена, вероятно, уже в XIV–XIII веках до н.э., киммерийцы не были единственными жителями степей. Их, по-видимому, вытесняла из степей еще более могущественная группа конных воинов — скифы. Последние, в свою очередь, испытывали давление со стороны третьего могущественного конного народа — массагетов, и все они, видимо, двигались к западу или на юг.

Что же происходило? Был ли тут какой-то невидимый механизм, толкающий этих людей на запад,

или их притягивали, как магнит, богатые земли и культуры Ближнего Востока и Европы?

Непросто ответить на эти вопросы. С одной стороны, переход к кочевому скотоводству давал очевидные преимущества. Ученые подсчитали, что с освоением верховой езды поголовье скота этих племен могло увеличиться по меньшей мере в пять раз. Это давало «прибавочный продукт» — в результате излишки мяса, молочных продуктов, шерсти, кожи и скота стали использоваться для торговли и обмена.

Во-вторых, кочевой образ жизни всегда был более здоровым, чем оседлый, потому что людям не приходилось сталкиваться с проблемой отходов. Ранние земледельческие общины страдали от болезней просто потому, что люди жили среди собственных отходов, являвшихся причиной многих заболеваний. Кочевники же просто оставляли отходы, переходя на новое место, более того, они стремились уйти как можно дальше и рассеяться, когда слышали о появлении эпидемий. Оседлые земледельцы не могли этого сделать. Поэтому общий уровень здоровья и выживания среди детей кочевников был высоким, и население по этой причине увеличивалось. Это означало, что для того чтобы выжить, эти люди должны были расширять свои территории, либо используя пустующие земли, либо вытесняя с освоенных земель их прежних владельцев.

С другой стороны, жизнь кочевых скотоводов всецело зависела от постоянного наличия двух природных факторов — пастбищ и воды. Если некоторые растительные культуры могут неделями обходиться без дождя, то животные могут прожить без воды только несколько дней. Начиная с IX века до н.э. климат в

степях становился более холодным и засушливым. Поэтому кочевники, вероятно, двигались в западном направлении в поисках лучших пастбищ и достаточного количества воды, так как условия обитания на засушливых и довольно холодных территориях в Центральной Азии становились все менее гостеприимными для кочевников, лошадей и скота. Когда в V веке до н.э. климат стал более теплым и влажным, кочевники смогли занять бесплодные прежде южнорусские степи.

Третий фактор был связан не столько с ростом населения и изменением климата, сколько с «притяжением» культур народов, живших вдоль границ территорий, занятых кочевниками. Если бы вы, подобно этим кочевникам, двигались в западном направлении от границ Южной Сибири, то мало что могло бы привлечь ваше внимание на обширных равнинах Центральной Азии. Но если бы вы (как делали это кочевники) повернули на юг, к западному побережью Каспийского моря, и обошли бы с востока Кавказские горы, то могли бы неожиданно оказаться в Персии, в землях, в те дни принадлежавших мидянам, ассирийцам и вавилонянам с их могущественными и воинственными государствами, письменностью, великолепными постройками, произведениями искусства и сокровищами. Если бы вам пришлось пройти через эти земли (что некоторые кочевники, собственно, и делали), то вы подошли бы к Сирии, Палестине и границам самой сложной и развитой цивилизации мира — империи египетских фараонов.

Если бы несколько столетий спустя вместо того, чтобы повернуть на юг и пройти узкими ущельями

Кавказа, вы просто продолжили бы идти в западном направлении, то подошли бы к новым колониям, которые греки основали на берегах Черного моря. На самом же деле, когда греки в первый раз проникли в эти земли, то этими землями уже владели воины-всадники. Как только греки открыли с ними торговлю, кочевников сразу привлекли их прекрасные ремесленные изделия, и они пристрастились к греческому вину. Притягательная сила ювелирных и металлических изделий, керамики, вина, масла и специй влекла кочевников на запад и на юг, так же как за 3000 миль отсюда шелка и соблазнительность других предметов роскоши манили их сородичей на восток — в Китай.

Так выглядела историческая сцена, когда занавес предыстории впервые открыл нам кочевников с востока, примерно на рубеже VIII–VII веков до н.э. Прошло, наверное, всего несколько веков после того, как эти народы, овладев высочайшим искусством верховой езды, стали уверенно держаться в седле.

Самые ранние имеющиеся у нас записи о кочевниках сделаны ассирийцами, которые описали свои контакты сначала с киммерийцами, а потом со скифами в VIII веке до н.э. Упоминание о них в «Одиссее» Гомера [85] относится, вероятно, к IX веку до н.э. Похоже на то, что несколько набегов киммерийцев на ассирийские территории были отбиты, и после поражения примерно в 670 году до н.э. большой корпус кимме-

рийской конницы был впоследствии принят ассирийцами на службу в качестве наемников и принимал участие во многих успешных завоеваниях на Ближнем Востоке на протяжении последующих 50 лет. Иногда выступая самостоятельно под командованием собственного царя, иногда в союзе с более могущественными местными правителями, иногда как вассалы последних, киммерийцы заключали различные формы военно-политических союзов. Эта модель поведения была впоследствии усовершенствована их преемниками.

Ассирийцы оставили нам общие сведения о политических шагах, предпринятых кочевниками, но из современных им источников об этих народах известно сравнительно немного. Два века спустя великий греческий историк Геродот решил проследить истоки непрекращающегося конфликта между греками и персами. К счастью, Геродот был не только великим историком и исследователем, он был еще и внимательным наблюдателем современной ему жизни и проявил себя как замечательный этнограф. Чувствуя важность роли восточных кочевников в формировании истории того периода, он не только проследил истоки их происхождения, но и совершил поездку к северному побережью Черного моря, заселенному скифскими кочевниками, чтобы получить сведения из первых рук. Его подробные записи сыграли решающую роль в формировании нашего представления об этих народах, и без этих свидетельств было бы невозможно проследить какую-то связь между этими ранними кочевниками и артурианским эпосом.

В начале первой книги своей «Истории» Геродот объясняет истоки раздора между Грецией и Персией

отказом греков согласиться с притязаниями персов, которые «считают Азию и обитающие там варварские племена своими, Европу же и греческие государства — отдельными и отличными от них».

Несколькими абзацами ниже Геродот пишет о вторжении киммерийцев в Ассирию, их поражении и последующем изгнании. Позднее он упоминает, что киммерийцы не были единым народом, но разделялись на «царей с членами их семей» и «киммерийский народ». Он говорит, что перед скифской угрозой «цари и члены их семей», отвергая перспективу стать скифскими рабами, решили защищать свои земли до последнего воина, но «простой народ» решил бежать на юг — в Персию. После гибели «царственных» киммерийцев скифы бросились в погоню за «незнатными».

Разделение киммерийцев на «царское сословие» и «общинников» побудило некоторых ученых считать, что эти две группы были изначально двумя различными народами и что затем «царственные» навязали свое владычество «общинникам». Это предполагает, что уже с ранних времен общество кочевников было иерархическим. Форма, которую оно принимает, также весьма примечательна. Стремление покорять народы, а затем господствовать над покоренными — повторяющаяся черта всех последующих обществ, основанных на конном кочевничестве, вплоть до тех времен, когда, как считают, жил Артур.

Киммерийцы. Роспись на этрусской вазе VI в. до н.э.

Согласно Геродоту, скифы в погоне за киммерийцами сбились с пути, выбрав южный горный маршрут, в то время как преследуемые ими держались побережья Каспийского моря. Вторгшись в Мидию, скифы разгромили в сражении мидян: «они (мидяне) потеряли свое владычество в Азии, которое полностью перешло к скифам».

Геродот далее утверждает, что скифское владычество на Ближнем Востоке длилось на протяжении последующих 28 лет. За это время скифы добрались до границ Египетской империи в Палестине, где их встретил фараон Псамметих[86]. Горячими мольбами и подкупом он убедил их не продвигаться дальше, и они повернули, чтобы разграбить Сирию. Там небольшой отряд скифов, двигавшийся кружным путем, разграбил храм Афродиты Урании. В отместку богиня поразила их.

*Грабителей святилища в Аскалоне и всех их потомков богиня наказала, поразив их навеки «женским» недугом. И не только сами скифы утверждают такое происхождение их болезни, но и все посещающие Скифию могут видеть страдания так называемых энареев.**

Этими «энареями» были, очевидно, мужчины, ставшие импотентами, возможно, из-за того, что проводили слишком много времени в седле и носили слишком облегающие штаны. Многие из них были трансвеститами, и скифы почитали их как предсказателей и провидцев. Мужчины-импотенты определенно играли некоторую роль в мотивах легенд об Арту-

* Геродот. История. I. 105. Пер. Г.А. Стратановского.

ре, хотя в большинстве случаев они были представлены в образах оскопленных королей, отрекшихся от своей власти в пользу следующего поколения. Следует заметить, что в обоих случаях это были мужчины, переставшие быть воинами.

По Геродоту, скифы продолжали бесчинствовать по всему региону; он говорит:

*28 лет владычествовали скифы в Азии и своей наглостью и бесчинством привели все там в полное расстройство. Ведь, помимо того, что они собирали с каждого народа установленную дань, скифы еще разъезжали по стране и грабили все, что попадалось.**

В конце концов мидийский царь пригласил скифов на пир, и, напоив допьяна, перебил их, восстановив таким образом свою власть над страной. Любопытно, хотя это может быть и случайным совпадением, но точно таким же образом сакс Хенгист обманул и перебил сотни знатных бриттов на «мирной конференции» на равнине Солсбери незадолго до появления Мерлина в «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского.

При этом некоторым из скифов удалось спастись, так как Геродот приводит их рассказ в четвертой книге своего труда. Здесь он рассказывает, что скифские женщины, оставленные в степях в то время, когда их мужчины совершали поход на Персию, заскучали, и неудивительно, так как их мужья были вдали от них целых 28 лет. Так вот, эти женщины решили выйти замуж за своих рабов и произвести от них потомство. Прослышав о возвращении скифов, рожденные

* Геродот. История. I. 106. Пер. Г.А. Стратановского.

от рабов дети решили оказать им сопротивление. Они вырыли оборонительный ров вдоль северного подножья Кавказских гор и выставили там воинов. Подойдя к этой преграде, скифы сначала решили атаковать, но затем поняли, что это могло бы привести к бессмысленным жертвам как среди них самих, так и среди их рабов. Вместо этого они выехали вперед, безоружные, но громко и угрожающе щелкая кнутами. Это напомнило рабам, кто они такие, и они бежали, оставив свои оборонительные сооружения. Так скифы воссоединились со своими женщинами, и порядок был восстановлен.

Несмотря на рассказ Геродота, в котором он преподносит свою версию этих событий, у нас нет достоверных фактов о том, отправились ли в этот 28-летний поход только скифские мужчины. Не знаем мы в точности и кем были те скифские «рабы», которые остались на месте. Вполне вероятно, что они могли быть земледельцами, ранее порабощенными скифами. То, что их сыновья предпочли вырыть ров (пехотная тактика) и встать на этом оборонительном рубеже, а не встретить возвращающихся воинов верхом на конях, также наводит на мысль, что эта часть скифского общества не использовала верховых лошадей. Другие источники сообщают, что скифы иногда действительно вводили в сражение и пехоту — воинов, которые, по-видимому, передвигались на повозках и по своему положению были явно ниже своих хозяев — конных воинов.

Тщательное исследование ассирийских письменных источников обнаруживает гораздо больше подробных сведений, чем мы находим у Геродота. Согласно этим

источникам в начале VII века до н.э. сложился союз мандеев [87], киммерийцев и мидян против Ассирии, однако ассирийскому царю удалось в свою очередь заключить союз со скифами. В 652 году до н.э. скифы и ассирийцы разбили своих врагов и подчинили их себе. Этот союз был скреплен браком дочери ассирийского царя со скифским царем Партатуа. Когда мидяне были разгромлены, ассирийский царь отдал их страну под власть скифов.

К 645 году до н.э. скифы были на вершине своего могущества в Малой Азии и, будучи связаны брачным союзом с царской семьей, безусловно, испытывали на себе сильное культурное влияние этого богатого и сложноорганизованного общества. Спустя полстолетия они принесут с собой в свои степи зримый отпечаток этого влияния. Именно в этот период всадники-скифы приняли на вооружение короткий меч *акинак* и начали применять трехгранные бронзовые наконечники стрел, ставшие их «фирменным стилем» по всей Западной Азии. Великолепные ассирийские каменные барельефы, хранящиеся в Британском музее, отчетливо изображают скифских воинов, стреляющих из лука на полном скаку. Некоторые пускают стрелы, обернувшись назад, — прием настолько необычный, что он также стал своего рода символом их знаменитого воинского мастерства.

Степные воины. Ассирийский рельеф VIII в. до н.э.

В 1947 году иранские археологи раскопали хорошо укрепленный замок и нашли посреди него боль-

шой бронзовый саркофаг с изображениями, представляющими, по всей вероятности, скифского царя Партатуа, который, несомненно, получил свой статус и богатство от ассирийцев. Но так как около 620 года до н.э. могущество последних пошло на убыль, скифы отступились от ассирийцев и объединили силы с их давними подданными — мидянами. Это склонило баланс сил в пользу мидян и привело к падению Ассирии. После этого мидяне обратились против своих прежних союзников и в конце концов около 590 года до н.э. изгнали самих скифов.

Несмотря на скудость археологических данных и письменных источников, прямо подтверждающих эту гипотезу, все же можно попытаться сложить по кусочкам целостную картину жизни скифов, черты которой перекликаются с некоторыми деталями гипотетического артурианского общества. Это было совершено зрелое общество воинов-кочевников, которое в достижении своих успехов делает ставку на лошадь. Оно уже развило искусство боя с применением конницы до такой степени, что могло на равных вести борьбу против дисциплинированных и организованных (хотя, главным образом, пеших) войск крупных урбанистических обществ и побеждать их.

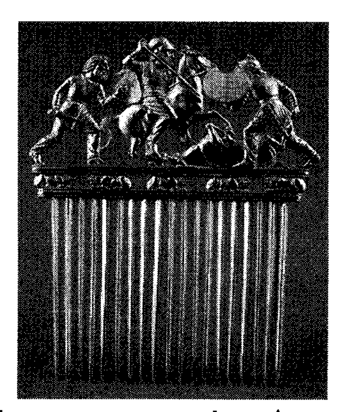
Во всех исторических описаниях настойчиво говорится о том, что воины сражались верхом на коне, а не использовали своих лошадей только для того, чтобы добраться до поля боя. В их социальной иерархии доминировало аристократическое сословие воинов-всадников. Эти воины выработали собственную исключительно маневренную военную тактику, основанную на молниеносных ударах и последующем быстром отступле-

нии при необходимости. Именно этим объясняются изображения на ассирийских каменных барельефах скифских конных лучников, стреляющих, обернувшись назад.

В это время скифы более всего славились как прекрасные лучники, но у них уже было в обычае носить подвешенный к поясу меч. Мы можем предположить, что помимо добычи от грабежей они существовали также за счет скотоводства, которым занимались, по-видимому, женщины или рабы. Учитывая, что в любой момент мужчины могли отправиться в длительный поход продолжительностью, скажем, в 28 лет, есть основания предполагать, что они предоставляли своим женщинам значительную степень свободы. Из этого следует, что последние также могли быть искусными наездницами и, вероятно, были способны организовать собственную защиту.

Их правители понимали, что они могут с легкостью совершать грабительские набеги. Они также знали, что их элитная, но немногочисленная конница могла обеспечить существенный перевес сил в столкновениях примерно равных по численности войск городов-государств, выступая на стороне одного из них. В таких сражениях конница зачастую становилась решающим фактором успеха. Их награда за обеспечение победы была непомерно большой. Полностью подчиняя покоренные народы, правители нашли самый быстрый и эффективный способ приобретения богатства и власти. Они также хорошо поняли, как незначительное, но внушающее ужас меньшинство может подчинить себе значительное, но раболепное большинство.

Еще одним интересным моментом является то, что находясь на вершине своего могущества в «Азии», ведя довольно оседлый образ жизни, скифы пытались использовать хорошо укрепленные базы — «замки», из которых совершали вылазки для сбора дани и грабительских набегов. Здесь также прослеживаются удивительные параллели со временами Артура. Все эти факторы привели ученых к заключению, что к VI веку до н.э. скифы были одним из самых могущественных в военном и политическом отношении народов мира.

Сражающиеся скифы. Деталь золотого гребня из кургана Солоха. IV в. до н.э.

Формирование военных отрядов, отправляющихся на поиски приключений и сокровищ, а также для повышения социального статуса *очень часто* встречается в артуриане. Для скифов это было обычным делом. Стремление узнать о диковинных землях и существах, возможно, также влекло скифов к странствиям. В поисках приключений Артур и его рыцари часто проходят через удивительные, диковинные земли, изобилующие различными мифическими животными. Это было, вероятно, отражением впечатлений скифов, разъезжавших на конях в самом сердце Древней Персии. До нас дошли не только весьма обыденные оды в честь военных побед их царей, но и такие материальные свидетельства, как дверные

украшения и настенные рельефы из ассирийских храмов и дворцов, говорящие о крайне сложной метафизической космологии, изобилующей диковинными существами: здесь множество людей-орлов, сфинксов, грифонов и других причудливых существ.

Ассирийский магический бестиарий включал и полиморфных существ — голова одного животного сочеталась с телом другого, когтями третьего. Скифы ко времени своего продвижения на юг уже создали собственную художественную традицию, известную как «звериный стиль». Имеются свидетельства того, что этот самобытный стиль они принесли с собой в южные регионы. Но когда скифы покидали эти места, то они увозили в своих седельных сумках награбленные изваяния мифических зверей, а в своих головах — рассказы о них. И то и другое будет сопровождать последующие поколения их народа, и, по моему мнению, играть основную роль как в легендах об Артуре, так и в формировании мистического средневекового кода геральдики.

Более значимым, чем сами эти изваяния, было то, что на скифов повлияло магическое мышление ассирийцев, и это, возможно, изменило их представления о высшем мире — мире божеств. Мы недостаточно знаем о скифах, чтобы судить, о чем они думали, когда прибыли в Персию, но мы знаем точно, и можем оценить сами, *что* они там увидели. Трудно было равнодушно пройти мимо этих магических творений искусства и не восхититься другим, абсолютно сверхъестественным миром, разворачивающимся перед глазами пришельцев. Мы знаем также, что эти образы

и изваяния действительно произвели впечатление на скифов, поскольку комбинированные изображения фантастических зверей стали появляться в их произведениях декоративно-прикладного искусства и украшениях сразу после возвращения всадников в родные степи из Персии.

Следующее упоминание Геродота о кочевниках относится примерно к 530 году до н.э., то есть оно появилось почти через 70 лет после ухода скифов из Персии. К этому времени персидский царь Кир вознамерился покорить кочевников-массагетов, которые более чем за сто лет до этого оттеснили скифов на запад [88]. По своему обыкновению Геродот перемежает рассказ о данном отрезке истории занимательными подробностями из жизни этих людей. Вначале он объясняет, что массагеты многочисленны и воинственны и представляют собой часть скифского племени, обитающего за рекой Араке [89] (Оке) на восточном побережье Каспийского моря. Здесь же он сообщает о сделанном ими открытии:

Там есть будто бы также и другие деревья, приносящие особого рода плоды. Собравшись толпой в одно место, массагеты зажигают костер и затем усаживаются вокруг и бросают эти плоды в огонь. От запаха сжигаемого плода они приходят в состояние опьянения, подобно тому как эллины пьянеют от вина. Чем больше плодов они бросают в огонь, тем сильнее их

*охватывает опьянение; пока, наконец, они не вскакивают, пускаются в пляс и начинают петь песни. Так рассказывают об образе жизни этого племени.**

Короче говоря, массагеты практиковали курение наркотиков. Дикая конопля растет во многих частях Центральной Азии, и есть много других свидетельств об использовании этого растения кочевниками. И хотя нет подтверждений, что этот специфический обычай вошел в артурианский канон, по-видимому, ритуальное использование интоксикантов обычно позволяет в измененном состоянии сознания проникнуть в другие миры — миры, где существуют драконы и где человеческая кровь исцеляет людей.

Возвращаясь к историческому повествованию, Геродот рассказывает, что в то время, когда Кир решил подчинить себе массагетов [90], ими правила царица Томирис, унаследовавшая трон своего мужа. Первой уловкой Кира было брачное предложение. Но царица видит насквозь эту хитрость и отказывает ему, а затем через вестника объявляет, что понимает его замысел. Она советует ему не гневить ее, но говорит, что если битва неизбежна, то она должна произойти либо на его, либо на ее территории, а не на берегах пограничной реки. Советники Кира рекомендуют ему согласиться с этим условием и устроить для массагетов западню. По их замыслу, когда силы массагетов отойдут от пограничной реки, персы накроют столы с огромным количеством яств и скроются из виду, оставив на этом месте лишь небольшую охрану. Их план основывался на простодушии кочевников, не знакомых «с той

* Геродот. История. I. 202. Пер. Г.А. Стратановского.

роскошью, которой наслаждались персы, и не изведавших удовольствий жизни». Уловка удалась: около трети массагетского войска истребили персидскую охрану и принялись поглощать еду и напитки, оставленные в качестве приманки. Персы же затем напали на них, многих из них перебили и взяли много пленников, включая сына царицы Томирис.

Услышав об этом вероломном нападении, Томирис изливает на Кира презрение, требует вернуть сына и покинуть ее земли. «Если ты откажешься, — добавила она, то клянусь владыкой нашим Солнцем дать тебе крови больше, чем ты можешь выпить, хоть ты и ненасытен». Кир игнорирует ее угрозы, но позволяет развязать руки ее сыну. Едва освободившись от пут, сын убивает себя. Услышав о смерти сына, царица Томирис собрала оставшиеся две трети своего войска и вступила с персами в жестокую битву. В этой страшной битве массагеты одержали победу, и Кир был убит. Томирис приказывает своим войскам отыскать на поле битвы тело Кира. Когда оно было найдено, царица взяла голову Кира и опустила ее в бурдюк, доверху наполненный человеческой кровью, исполнив так свою угрозу.

В конце первой книги своей «Истории» Геродот завершает рассказ о победе кочевников над персами, приводя при этом интересные сведения об их культуре. Он упоминает, что они располагают как конницей, так и пехотой, хотя конница явно преобладает. Они умеют обрабатывать золото и бронзу, находящиеся в их землях в изобилии, и украшают золотом фалары, уздечки и удила своих лошадей. Геродот также утверждает, что хотя они берут жен, но живут с ними

сообща, и если мужчина желает жену другого, он только «вешает свой колчан перед ее кибиткой и тогда обладает ею без опасений». Старики сами выбирают, когда им умереть; каждый призывает родственников на собственную прощальную панихиду, в конце которой «его приносят в жертву вместе с рогатым скотом, затем все это мясо варят и съедают. Это они почитают наилучшим видом смерти». Наконец он заключает, что «единственный бог, которого они почитают, это Солнце, коему они приносят в жертву лошадей, полагая, что самое быстрое из смертных созданий должно быть пожертвовано самому быстрому среди богов».

Итак, в этом эпизоде мы имеем заслуживающее доверия описание полного разгрома «цивилизованной» нации конными варварами-кочевниками в 530 году до н.э. Еще более показательным является то, что здесь мы встречаем облаченную властью женщину, требующую голову своего поверженного врага и осознанно проливающую человеческую кровь. Мимоходом мы также узнаем, что женщины, очевидно, пользовались значительной степенью сексуальной и политической свободы, а кибитка являлась их владением. Наконец, мы узнаем, что мужчины совершали нечто вроде акта самопожертвования после того как они утрачивали свою значимость для общества в экономическом или сексуальном отношении.

Рассматривая артурианский канон, можно заметить, что там обнаруживается каждый из этих мотивов. Царица Томирис могла быть Девой Повозки, требующей и получающей голову побежденного врага и использующей человеческую кровь для своих мисти-

ческих целей, в данном случае для мести. Старики приносят себя в жертву так же, как в артурианских сказаниях это делали потерпевшие неудачу и покоренные рыцари и короли.

Повествование Геродота рассказывает о скифах 512 года до н.э., то есть всего за 20 лет до рождения самого историка. Персидский царь Дарий [91], завоевав земли к югу и западу от Черного моря, достиг Дуная и решил двинуться в Скифию, видимо, чтобы отомстить за 28-летнее нашествие скифов на Мидию вековой давности. Скифы, узнав о планах Дария, созвали всех своих соседей-кочевников и предложили им создать военный союз, чтобы дать отпор огромной армии персов. Некоторые согласились присоединиться к скифам — гелоны, будины и савроматы, их всех мы можем называть полуавтономными членами степной кочевнической конфедерации. Другие, также члены этой неустойчивой коалиции, решив, что скифы сами навлекли на себя гнев персов, первыми вторгшись в их страну, отказались присоединиться к союзу и вернулись домой. Это были агафирсы, невры, андрофаги («людоеды»), меланхлены и тавры.

Сознавая, что у них нет достаточных сил, чтобы разбить персов в открытом сражении, скифы решили их перехитрить. Отослав женщин и детей в кибитках далеко вперед вместе со своими стадами, они позво-

лили Дарию пересечь Дунай и увлекли его прямо к землям племен, отказавшихся поддержать их союз, держась от персов на расстоянии одного дня пути и засыпая все водоемы и источники воды, мимо которых проходили.

Скифский лёгкий конный воин. IV в. до н.э.
Реконструкция Д. Шевчука.

Скифский воин в боевом облачении.
Реконструкция М.Горелика.

Эта хитрость сработала, вынуждая неприсоединившиеся соседние племена либо бежать, либо влиться в скифский союз. Так продолжалось до тех пор, пока скифы не подошли к землям агафирсов, которые укрепили свои границы и уведомили скифов, что если те войдут в их земли, то будут атакованы и вытеснены. По этой причине скифы предпочли скрыться из виду и отправиться в другом направлении. В конце концов Дарий был так утомлен и раздражен этими бесплодными погонями за скифами, что послал их царю Иданфирсу письмо, обвиняя его в трусости

и призывая скифов остановиться и сражаться либо покориться и стать рабами. Ответ Иданфирса является квинтэссенцией кредо кочевников и прекрасно иллюстрирует столкновение двух столь непохожих культур, двух столь различных образов жизни:

*Мое положение таково, царь! Я и прежде никогда не бежал из страха перед кем-либо и теперь убегаю не от тебя. И сейчас я поступаю так же, как обычно в мирное время. А почему я тотчас же не вступил в сражение с тобой — это я также объясню. У нас ведь нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения и поэтому не вступили в бой с вами немедленно... Владыками же моими я признаю только Зевса и Гестию, царицу скифов... А за то, что ты назвал себя моим владыкой, ты мне еще дорого заплатишь!**

Скифы были настолько разъярены угрозой Дария, что решили нападать на персов всякий раз, когда те выходили добывать себе пищу. Геродот отмечает, что

*Скифская конница постоянно обращала в бегство вражескую конницу. Бегущие персидские всадники нападали на своих же пехотинцев, которые являлись к ним на помощь. Тогда скифы, отбив нападение конницы, поворачивали назад из страха перед пехотинцами.**

Эти постоянные нападения достигли цели, истощив запасы и моральный дух персов. Ситуация достигла кульминации, когда скифы открыто выстроили свое войско в полный боевой порядок. Но едва персы заняли свои боевые позиции, на поле сражения

---

* Геродот. История. Пер. Г.А. Стратановского.

выскочил заяц. Похоже, что для скифов конная травля зайцев явно была одним из любимых развлечений: немедленно отряд за отрядом устремлялись в погоню за этим маленьким, резвым зверьком. Вскоре все поле превратилось в «ревущую свалку людей». Когда Дарий понял, из-за чего поднялся весь шум, то, наконец, осознал, с каким презрением относятся к нему скифы, и решил, что «настало время подумать, как наилучшим образом возвратиться из этой страны». Его армия постыдно отступила, скифы преследовали ее на протяжении всего пути, и персы едва сумели избежать беды при переправе через Дунай со скифской территории.

Конный скиф, охотящийся на зайца. Золотая бляшка из кургана Куль-Оба. IV в. до н.э.

Скифы были превосходными тактиками, поднявшими искусство ведения подвижных боевых действий на уровень высочайшего совершенства. Спустя примерно 200 лет после неудачной кампании Дария китайский военный стратег Сунь Цзы, человек, которого большинство профессиональных военных признает величайшим военным гением из всех когда-либо живших, напишет следующее в своем трактате «Искусство войны»:

Одержать сто побед в ста сражениях — это еще не высшее искусство. Покорить врага без сражения — вот истинное военное искусство.

Это было как раз то, что имеющие численное превосходство скифы проделали с Дарием.

Этот промежуточный эпизод в повествовании Геродота дает нам определенное представление об отношениях между скифами и их соседями. Скифы являлись одной из многих подобных групп степных кочевников, явно имевших общую культуру и, вероятно, говоривших на родственных языках иранской группы индоевропейской семьи. Это были самоуправляющиеся группы, несомненно, способные тесно сотрудничать и объединяться под единым командованием при образовании союза. Они сохраняли за собой право оставаться вне каких-либо коалиций, если таков был их выбор.

Геродот рассказывает нам, что у одной группы степняков был город, построенный в основном из дерева, который персы сожгли дотла. Есть предположение, что этот город располагался на месте современного Бельска. Огромный земляной вал окружал основной город, следовательно, некоторые из степняков были в то время уже урбанизированы. Однако Геродот дает ясно понять, что вожди этих народов оставались идейными приверженцами вольной кочевой жизни, не ограничиваемой пределами каких-либо территорий и не отягощенной имуществом.

В общем, принципы политической организации и межгрупповых отношений степных кочевников очень похожи на отношения между соседствующими королевствами в артурианских сказаниях с их высокомобильными конными элитами, которые вели крупную игру на поприще политического и военного соперничества. От создания и поддержания альянсов с неза-

висимыми соседями зависел военный успех. Поэтому только договорившись о взаимопомощи, кочевые группы вступали в битву с общим противником.

Грек Геродот снова и снова благоприятно отзывается о скифах, массагетах и других степных кочевниках, поскольку разделяет их враждебное отношение к персам. Он был настолько заинтригован скифами, что даже отправился к берегам Черного моря, чтобы встретиться с ними. Кроме того, он посвятил почти всю четвертую книгу своей «Истории» подробному этнографическому описанию того, что он видел и слышал.

Для всех добросовестных исследователей тех времен вопрос происхождения и генеалогии всегда находится на первом плане при определении места того или иного народа в общей схеме. Греки, считая, что мифологическое пространство-время непосредственно предшествовало их собственному историческому времени и месту, искали и обыкновенно находили тот же феномен у других народов.

Геродот утверждает, что скифы считают себя самым молодым из всех народов, и приводит три версии их происхождения. Согласно первой из них, сын Зевса и дочь реки Борисфен[92] были первыми обитателями Скифии, которая пустовала до их прибытия. У них родились три сына, и во время их правления с неба неожиданно упали четыре золотых предмета — золотой плуг, золотое ярмо, золотая секира и золотая чаша. Когда двое старших сыновей попытались поднять эти предметы, их охватило пламя. Когда же к ним приблизился самый младший брат, то он сумел справиться с ними, и поэтому был признан закон-

ным наследником царского трона. От его линии произошли царские скифы, самая могущественная подгруппа скифов времен Геродота. Было еще три других «клана», которые произошли от старших братьев, включая «скифов-пахарей», выращивавших пшеницу на северном побережье Черного моря.

Другая версия возникновения скифов такова. Однажды на закате дня Геракл вошел в их землю. Он выпряг коней из своей колесничной упряжки и отпустил пастись, сам же заснул. Пробудившись утром, он не обнаружил коней, и, отправившись на их поиски, пришел в лесистую область[93], где в пещере обитала некая женщина-змея. Верхняя часть ее тела была женской, а нижняя — змеиной. Она сказала Гераклу, что лошади находятся у нее, и она вернет их при условии, если он сначала вступит с ней в любовную связь. Он так и сделал, но она удерживала его до тех пор, пока не зачала от него трех сыновей. Уходя, он наказал женщине-змее испытать сыновей, когда они возмужают, с помощью оставленных им лука, пояса и пряжки. Двое старших мальчиков, Агафирс и Гелон (этнонимы племен, которых скифы призывали к борьбе против персов), не справились с испытанием и были изгнаны, но младший, Скиф, успешно все выполнил и положил начало царскому роду, просуществовавшему тысячу лет до того времени, как Дарий потерпел неудачу в походе на Скифию.

Этот мотив змеи-царицы и змеи-женщины несколько раз встречается в артурианском каноне, а в «Вульгате» Гвиневера уподоблена змее, увенчанной короной.

В конце Геродот предлагает гораздо более прозаическую версию происхождения скифов, которую сам считает наиболее правдоподобной. Он говорит, что скифы были вытеснены массагетами со своей родины в районе Азовского моря, поэтому они вторглись в земли киммерийцев и вынудили последних бежать в Северную Мидию. Он выстраивает цепочку событий, которую мы уже проследили. Но движущей силой этого процесса, по мнению Геродота, был «эффект домино», когда народы и племена, следуя друг за другом, двигались в западном направлении и посягали на земли, лежащие у них на пути, таким образом вытесняя друт друга.

Реконструировав историческую динамику ситуации, Геродот затем обращает внимание на бескрайние просторы региона, перечисляя живущие там крупные племена и малочисленные племенные группы, описывая природу, ландшафт и реки этого края. Чтобы придать красочность описанию стран и народов, он без устали рассказывает о местных обычаях. Некоторые из них кажутся неправдоподобными. Например, об аримаспах [94] говорится, что они одноглазы, а за восточными пределами владений кочевников находятся «грифоны, стерегущие золото». Но за последние столетия ученые неоднократно удивлялись, обнаруживая, что эти сообщения содержат зерна истины, так что нам, возможно, следует принимать всерьез даже еще более странные утверждения Геродота.

Один из недавних случаев такого рода, например, относится к «грифонам, стерегущим золото». Еще несколько лет тому назад считалось, что грифоны были фантастическими существами, хотя было известно, что

золото действительно вывозилось из Сибири в другие страны со времен Геродота. Поэтому указание на то, что места добычи золота находились далеко на востоке, было верным. Грифоны, в сущности, представляли собой орлиноголовых четвероногих чудовищ с крыльями и когтистыми лапами. На волне всплеска интереса к динозаврам обнаружилось, что наиболее ранние формы птерозавров вполне соответствуют стереотипному образу грифона — четвероногого чудовища с огромными клювом и черепом, длинным хвостом и крыльями. Более того, их скелеты можно найти в большом количестве прямо на поверхности пустыни Гоби. Предположительно, их останки были видны и 2000 лет назад. Вполне вероятно, что Геродот был прав: те, кто охранял золото, стремились отпугнуть искателей приключений рассказами о птерозаврах и могли даже показывать их скелеты в качестве «доказательства».

Геродот сам заботится о том, чтобы разграничить события, в достоверности которых он был убежден, так как видел их сам, либо о них сообщали ему достойные доверия очевидцы, и теми сведениями, которые были просто слухами, преувеличениями или вымыслом.

Прежде чем перейти к более близкому рассмотрению описанных обычаев скифов и их соседей, следует дать краткую оценку общей ситуации в тот период, когда Геродот собирал эту информацию. К этому времени — около 450 года до н.э. — греки уже имели несколько хорошо обустроенных колоний на северном побережье Черного моря, в скифских землях. Активно ведя торговлю, они поддерживали со скифами преимущественно дружеские отношения.

Грекам нужна была речная рыба, а также огромные излишки зерна, производимого скифами-земледельцами. Эти поставки зерна имели существенное значение для обеспечения хлебом Эгейской родины греков. Кроме того, греки обменивали у скифов меха, золото и рабов. Последние, очевидно, захватывались в военных столкновениях, но могли также быть получены в качестве дани от многих групп земледельцев, находившихся под владычеством скифов. Эти племена возделывали землю в хорошо орошаемых областях, находящихся под контролем скифов, главным образом, в лесостепи, к северу от пастбищных территорий, на которых было распространено скотоводство.

Хотя отношения между греками и скифами были добрососедскими, абсолютно очевидно, что скифы гордились своей самобытной культурой и традициями и были против проникновения чужих обычаев. Геродот рассказывает об одном скифском царе, который, посещая греческие города, приобщился к обычаям греков. Он начал задерживаться у греков по нескольку дней и одеваться в свободную греческую одежду, предпочитая ее узким облегающим штанам, коротким курткам и плащам своего народа. Спустя некоторое время соплеменники выследили его одетым таким образом и рассказали об этом другим скифам. Как только царь возвратился к своему народу, он был осужден и убит [95]. Скифы, несомненно, гордились своей этнической самобытностью.

И все же великолепное искусство греческих мастеров по металлу и керамике привлекало скифов, а многие скифские вожди были по-настоящему богаты, поэто-

му ко времени путешествия Геродота в Скифию скифы уже вовсю заказывали греческим мастерам различные художественные изделия, зачастую из золота, которые хотя и были выполнены в греческом стиле, но изображали сцены из повседневной жизни скифских заказчиков. Некоторые из этих золотых вещей поразительно высокого художественного достоинства дают нам великолепные свидетельства о жизни скифов.

Монета скифского царя Атея. Серебро, IV в. до н.э.

Геродот был осведомлен о том, что происходило некоторое смешение культур греков и скифов, и называет эти две группы «грекоскифами», при этом не упоминая о прекрасных золотых изделиях смешанного стиля, производство которых только начиналось. Эта возникшая новая художественная традиция точно отражает основной принцип отношений между двумя народами — взаимопроникновение культур, основанное на взаимной выгоде. Это резко контрастирует с отношением обоих народов к персам, где взаимный антагонизм подпитывал стремление к господству и подчинению.

Это не означает, однако, что греки и скифы считали друг друга равными себе. Скифская элита оп-

ределенно относилась к жившим в городах греческим торговцам и ремесленникам как к низшим по положению. Греки не остались в долгу, введя в оборот термин «варварский». Слово это имеет звукоподражательную основу, означая «бормотание» на каких-то непонятных языках. Геродот ясно дает понять, что прибыв к Черному морю с целью описать, что же находится за его пределами, он достиг «окраины» цивилизованного мира. Его интересовала экзотика, а скифские обычаи явно казались причудливыми нашему отважному хроникеру.

Скифская ритуальная практика заметно отличалась от греческой, и Геродот описывает скифские обряды очень подробно. Очевидно, он основывался на сообщениях людей, принимавших непосредственное участие в этих ритуалах. В частности, он описывает жертвоприношения Аресу [96], которые ежегодно совершаются «в местопребывании правителей каждого округа». Арес, бог войны, представлен в виде древнего железного меча. Этот меч водружен на вершине огромной груды хвороста острием вверх, и ему приносят в жертву коней и рогатый скот. Людей также приносили в жертву, но иным способом. Скифы отбирали одного из каждой сотни пленных, после чего,

полив его голову вином, перерезали ему горло над сосудом; затем сосуд поднимали на возвышение, и кровь из него выливали на меч.

К этому ритуалу имеет отношение скифский обычай, о котором также сообщает Геродот: скифский воин, убив первого врага, пьет его кровь. Головы всех убитых в бою врагов должны были быть принесены

царю, и воин получает свою долю военной добычи по предъявлении этого своеобразного «счета» — голов своих жертв. Действует принцип «нет головы — нет добычи». Затем воин снимает с черепа скальп. Он может прикрепить его к уздечке, или, сшив несколько скальпов вместе, сделать из них плащ. Он может также взять череп своей жертвы и, отделив верхнюю часть, очистить ее и покрыть золотом, превратив в золотой сосуд для питья, используемый только в особых ритуальных случаях.

Этот обычай вычищать и золотить черепа представляется чрезвычайно распространенным. Есть надежные свидетельства о подобных поступках в китайском приграничье и среди большинства групп степных кочевников. В некоторых случаях такая практика не ограничивалась черепами врагов — сообщается, что в некоторых племенных группах таким же способом сохраняли черепа почитаемых предков. Ясно, что особая значимость таких черепов-кубков определялась представлением о них как о сакральных предметах, независимо от их происхождения. Они могли также использоваться в ритуале принесения клятвы. С этой целью в них наливали вино, в которое участники ритуала добавляли немного своей крови, а затем совместно его выпивали.

Целый ряд ритуалов имеет очевидное сходство с романами артурианы. Почти за 1000 лет до предполагаемого времени жизни Артура и за 2000 лет до того, как рассказы о нем были записаны, один из самых могущественных народов в мире верил в чудесные и божественные мечи и оружие, тесно связанное с человеческой кровью и жертвоприношением.

Они приносили царю головы своих жертв, а затем снимали с них скальпы, из которых шили плащи и делали из черепов золотые чаши для особых обрядов.

И Артур, и Ланселот владеют чудесными мечами; повсеместно считается, что человеческая кровь обладает магическими свойствами; Дева Повозки доставляет ко двору Артура целый воз человеческих голов; дважды упоминается о плащах и мантиях, сделанных из человеческих волос. Хотя Святой Грааль обычно не отождествляется с черепом, но он определенно изготовлен из золота и связан с кровью и вином.

Мы предполагаем, что связь крови с вином является чисто христианской традицией, тем не менее есть свидетельства существования представлений о мистической связи этих двух субстанций более чем за 400 лет до рождения Иисуса. Действительно включение в христианский канон символических каннибальских обрядов (вкушения плоти и крови) выглядит определенно странным в контексте христианского учения, проповедующего мир и любовь. Заманчиво предположить, что мотив «Грааль — золото — кровь — вино» — всего лишь очень поверхностная христианская оболочка гораздо более старой и широко распространенной традиции, особенно учитывая то, что сходный символизм был важным элементом раннего кельтского ритуала.

Наиболее сложные ритуалы, описанные Геродотом, — это обряды при погребении царей и великих

вождей. Они включают мумифицирование усопшего правителя и торжественный обход с его телом по всей Скифии в течение сорока дней, затем погребение в специально построенном из деревянных жердей доме. Его оставляют покоиться вместе со своими сокровищами, особенно золотыми чашами, и его главной женой, слугами и самыми лучшими конями — всем тем, что было принесено ему в жертву и погребено вместе с ним. Затем над могилой насыпают огромный могильный холм, так называемый *курган*, многие из которых можно видеть в степях по сей день.

Описываемые Геродотом обычаи в деталях подтверждаются археологическими находками, поэтому нет причин сомневаться, что последний акт погребальных ритуалов, о котором будет рассказано ниже, действительно имел место, хотя по понятным причинам материальных доказательств этого обряда не сохранилось.

Этот заключительный акт имел следующую форму. Через год после смерти царя для обряда отбирали пятьдесят его самых лучших слуг. Геродот с болью отмечает, что отобранные слуги были не иноплеменными рабами, а чистокровными скифами — самыми преданными подданными царя. Их всех удушали, затем извлекали внутренности, набивали тела соломой и зашивали. После этого умерщвляли пятьдесят лучших царских лошадей и набивали их утробы соломой. Затем вокруг царского кургана в землю вбивали пятьдесят пар деревянных столбов. Пятьдесят колес разламывали на две половины и прикрепляли к этим столбам ободьями вниз и помещали на них мертвых лошадей таким образом, чтобы их ноги свободно свешивались, не касаясь земли. Наконец, тела пяти-

десяти принесенных в жертву людей, пронзенные сверху донизу деревянным колом, сажали на лошадей, и, совершив все это, участники похорон уходили, оставив призрачную кавалькаду скакать вокруг могилы царя.

Геродот не приводит никаких объяснений этому странному обычаю, хотя как заключительный акт похоронного обряда он явно символизирует заградительное кольцо из главных вассалов, преданных смерти затем, чтобы сопровождать царя в загробной жизни. Любопытно, что эти символические вассалы должны были быть расставлены «по кругу», подобно тому, как Артур располагает своих рыцарей за знаменитым Круглым Столом.

Также Геродот, описывая скифов и их восточных соседей, дает характеристику разным народам и приводит подробности из их жизни. К примеру, он рассказывает нам о «лысых» людях с курносыми носами и длинными подбородками. Это представляется одним из первых упоминаний о людях монголоидной внешности, которые хотя и не были лысыми, но в большинстве своем не имели бороды. Эти люди, с которыми Геродот не имел прямого контакта, по-видимому, зимой жили в белых войлочных палатках, устроенных вокруг деревьев. Более вероятно, что для строительства палаток использовались решетчатые каркасы, как это делают кочевники в наше время.

В другом месте Геродот упоминает, что будины, чей город Гелон был разрушен Дарием, имели серо-голубые глаза и рыжие волосы [97]. Любопытно, замечает он, что жители города отличались внешностью от своих властителей будинов и говорили на полускифском-полугреческом языке. Это еще один при-

мер того, как конная воинская элита навязывает свою власть местному пешему населению.

Другой группой, интересовавшей Геродота, были савроматы [98]. Он подробно рассказывает, как племя жестоких амазонок-воительниц было разгромлено греками, но смогло спастись и бежать в Скифию. Скифы поначалу встретили вновь прибывших настороженно, но вскоре некоторые из молодых скифов начали сходиться с этими женщинами, которых они называли на своем языке *ойорпата* — «мужеубийцы». Эти молодые люди пытались убедить воительниц поселиться среди скифов в качестве жен, но амазонки полагали, что скифские женщины их никогда не примут. Они заявили:

*Мы не можем жить с вашими женщинами. Ведь обычаи у нас не такие, как у них: мы стреляем из лука, метаем дротики и скачем верхом на конях; напротив, к женской работе мы не привыкли. Ваши же женщины не занимаются ничем из упомянутого, они выполняют женскую работу, оставаясь в своих кибитках, не охотятся и вообще никуда не выходят. Поэтому-то мы не сможем с ними поладить.**

Вместо этого они предложили молодым скифам отправиться вместе с ними в поход на восток, чтобы найти места, где они могли бы обосноваться и жить сами по себе. Мужчины согласились, и таким образом возник народ савроматов, позже известный под именем сарматов [99].

* Геродот. История. Пер. Г.А. Стратановского.

С тех пор женщины савроматов сохраняют свои старые обычаи — выезжают на охоту верхом со своими мужчинами, а порой и без них, принимают участие в войнах и носят одинаковую с мужчинами одежду. Язык этих людей скифский, но искаженный, потому что амазонки так и не смогли выучить его как следует. Их брачный обычай запрещает девушке выйти замуж до тех пор, пока она не убьет врага в бою; некоторые из их женщин, не сумев выполнить это условие, старели и умирали, так и не выйдя замуж.

За последние два десятилетия обнаружено большое количество сарматских захоронений, в которых находилось оружие — наконечники копий и стрел, ножи, даже точильные камни — и женские скелеты. Поэтому, хотя истории об амазонках-каннибалах, поедающих своих мужей, могли быть преувеличением, практически не подлежит сомнению тот факт, что некоторые сарматки были настоящими воительницами. Учитывая, что мужчины, уходя в поход, подолгу отсутствовали дома, эта женская милитаризация выглядит не только необходимой, но и неизбежной. Искусные воительницы, умеющие сражаться и, несомненно, способные обучать этому искусству своих детей, представляют еще одну черту, общую для реальной культуры степей и «литературной» культуры легенд об Артуре.

Приходится признать, что некоторые точки соприкосновения скифской реальности и артурианской литературы могут быть случайными, однако не может остаться незамеченным присутствие в этих рассказах некоторых элементов жизненного уклада скифов, среди которых их чудесные мечи, одеяния из человеческих

волос, золотые кубки для питья крови с вином; царицы, отрубающие головы и окунающие их в сосуд с человеческой кровью; женщины (если только речь не идет о женщинах-воительницах), чей мир сосредоточен вокруг повозок и шатров; старики, которые рассматривают принесение себя в жертву как лучший способ завершить свою жизнь; и умершие цари, выстраивающие своих скачущих на лошадях рыцарей вокруг призрачного круглого стола.

Превосходные всадники и всадницы, военная аристократия, сражавшаяся и властвовавшая, сидя в седле, питавшая страсть к походам и приключениям для приобретения богатств, власти и встреч со сверхъестественным, — вот кто такие скифы. Даже сама их таинственная ритуальная жизнь включала такие важные категории, как божественный меч и священная золотая чаша.

Учитывая невероятно высокий уровень совпадений между реальной культурой степных кочевников и сказаниями артурианы, представляется маловероятным, что эти совпадения случайны. Однако эти две «культуры» разделены дистанцией в 2000 миль и почти двумя тысячелетиями. Существует два возможных объяснения этим поразительным параллелям. Во-первых, обе традиции могли возникнуть из общих культурных источников, поэтому они отражают единые глубинные мотивы. Я подозреваю, что в этой гипотезе есть доля истины.

Обе культуры были созданы народами, говорившими на индоевропейских языках и имеющими общее происхождение. Было много споров относительно того, какова была форма этой культуры до начала

расселения индоевропейцев на других территориях, хотя это в большей степени умозрительные рассуждения. Но мы ведь знаем, что некоторые ключевые слова и определенные понятия широко распространены среди населения, говорящего на индоевропейских языках. Мотив Грааля-котла является широко распространенной темой, которая встречается у кельтских, германских и ираноязычных народов на протяжении, по меньшей мере, тысячи лет.

Подобно этому почти повсеместно источники воды — родники, реки, озера и болота считаются священными местами. Согласно Геродоту, скифы называли некоторые ручьи «священными путями», как это мы встречаем у кельтов и германцев. Но волшебные котлы для приготовления пищи и водные источники характерны не только для индоевропейской мифологии, они встречаются по всему миру, и это еще больше заводит в тупик. В данном случае мы имеем дело с символами, которые имеют почти универсальный характер, и поэтому почти невозможно установить точное происхождение некоторых понятий.

Другой намного более убедительный подход состоит в том, чтобы проверить, можем ли мы действительно нанести на карту пути, которые пересекают пропасть в 2000 миль и 2000 лет истории, прослеживая реальные связи между степными народами эпохи античной древности и сказителями артуровского эпоса в Северо-Западной Европе времен Средневековья. Ключи к поиску этих путей содержатся не только в хрониках греков и римлян, но и в удивительно богатом археологическом наследии, оставленном степными кочевниками.

Глава 6

СТЕПНЫЕ КОЧЕВНИКИ

Геродот оставил нам в высшей степени ценное и подробное описание жизни и ранней истории степных кочевников, которое, несмотря на свою древность, оказалось необычайно достоверным. Но нарисованная им картина отображает лишь очень небольшую часть всего мира кочевников. Его источниками информации, несомненно, были люди, жившие у западных пределов земель номадов. Всякий раз, когда он выпытывал у них сведения о том, что находилось за пределами их собственного опыта и знания, «факты» неизбежно начинали уклоняться от истины в область фантазии и смешиваться с вымыслом.

Это широко распространенный, возможно, универсальный феномен. Не только у скифов бытовали представления об «одноглазых людях и стерегущих золото грифонах» на периферии их культурного го-

ризонта. Китайцы до сих пор смотрят на нас как на «длинноносых варваров», американцы боятся «красных» русских и не доверяют им, а многие британцы уничижительно называют немцев «гуннами», хотя последние, как мы вскоре убедимся, определенно таковыми не являются. Истоки этого последнего эпитета следует, по-видимому, искать в греко-римском мировоззрении, где все находившееся за пределами античного мира характеризовалось как варварское, нецивилизованное, угрожающее и отвратительное. Афиняне не раз обвиняли Геродота в «любви к дикарям» за то, что он имел смелость рассказывать своим согражданам о мирах, находившихся за пределами их поля зрения и контроля, реальные факты, идущие вразрез с их предрассудками.

В середине V века до н. э., когда исследовательское предприятие Геродота привело его сначала в Древний Египет, а затем к Черному морю, никто в античном мире даже не подозревал о существовании другого обладающего письменностью и сложной организацией общества, находящегося еще дальше к востоку от земель кочевников, — в Китае. Кочевники, впрочем, знали его и контактировали с китайцами, иногда дружески, а иногда — нет. В последующие после эпохи Геродота века, известные ученым как «период торговли и набегов», эти взаимоотношения между кочевниками и Китаем стали настолько интенсивными, что китайцы, с одной стороны, регулярно посылали кочевникам огромные взятки в виде шелка, ценных предметов искусства и даже принцесс, а с другой — построили Великую стену, чтобы отгородиться от них.

Кочевников, которые наиболее часто контактировали с жителями Поднебесной и которые представляли для них наибольшую военную угрозу, китайцы называли «сюнну». Это мог быть своего рода общий термин, так же как, например, греки называли «скифами» почти всех кочевников, которые находились в контакте с античным миром. Большинство экспертов полагает, что гунны под предводительством Аттилы — самые успешные завоеватели Европы — и были этими самыми сюнну, но у меня нет уверенности относительно этой мало исследованной связи. Существенный для нашей темы момент: к I веку до н. э. эти кочевники (сюнну) уже занимали территории на западных и северных границах Китая, а в некоторых местах даже проникли в исконно китайские земли.

Если бы в те времена вы путешествовали верхом на лошади через степи в восточном направлении, то обнаружили бы, что пересечь горы и пустыни, отделяющие Китай и юго-восточную Азию от остального континента, можно лишь несколькими путями. Вы могли бы попасть в Китай, пройдя западную оконечность пустыни Такла-Макан оттуда, где находится современный Таджикистан, и через Самарканд. Затем, вы могли бы обойти пустыню с юга или с севера, следуя вдоль линии оазисов, разбросанных по ее периферии. Достигнув восточной оконечности пустыни, вы могли бы по Ганьсускому коридору довольно легко пройти в самое сердце Китая. Второй маршрут пролегал немного севернее первого. Следуя этим путем, вы могли бы проехать верхом через Джунгарские ворота из Казахстана, так, чтобы Тянь-Шаньские горы находились к югу от вас, а Алтай — к северу. Двигаясь

вдоль северных предгорий Тянь-Шаня, вы обогнули бы большую часть западного протяжения пустыни Гоби, прежде чем направить свой путь на юг, чтобы — как и в первом случае — попасть вглубь Китая по Ганьсускому коридору. Эти два маршрута Восток — Запад стали известны ко II веку как Шелковый путь.

Существует еще одна дорога. Если бы вы продолжали движение по степям в северо-восточном направлении, оставив Алтайские горы к югу от себя, то достигли бы Юго-Западной Сибири. На юг через горы пути нет, пока вы не достигнете долины Байкала, где узкий проход ведет на юг, позволяя пройти в Монголию. Пройдя Монгольскую Гоби, вы достигнете плодородного региона Северного Китая, где великая река Хуанхэ делает огромный изгиб, известный как Ордосская излучина. Это — третий путь в Китай.

Если бы вы не повернули на юг у озера Байкал, вам пришлось бы продолжить путешествие немного северо-восточнее, так как горы не дали бы вам повернуть на юг до тех пор, пока вы не вышли бы к верховьям реки Хэйлунцзян. Следуя течению этой реки, вы достигли бы Манчжурии на Северо-Востоке Китая.

Ко II веку до н. э. сюнну взяли под свой контроль все четыре маршрута. Их присутствие там совершенно ясно подтверждается как китайскими письменными свидетельствами, так и археологическими находками. Таким образом, к этому времени земли степных кочевников простирались от Черного моря почти до Тихого океана на расстояние около 4000 миль. Только территория сюнну с запада на восток имела протяженность в 2000 миль.

В этническом и лингвистическом отношении сюнну, очевидно, заметно отличались от других кочевников, живших к западу от них. Они говорили на языках алтайской языковой семьи, родственных языкам тюркских народов. В антропологическом отношении им были присущи в основном черты монголоидного типа, хотя на их западных границах встречались смешанные этнические группы — вероятно, вследствие брачных связей с ираноязычными степными кочевниками. Тем не менее, несмотря на резкие этнические и лингвистические различия, культура сюнну была чрезвычайно схожа с культурой их западных соседей. Они были такими же свирепыми конными воинами, так же жили в палатках и кибитках, пасли свои стада и господствовали над областями земледельцев, живших в более плодородных и изобильных водой частях владений сюнну. У них были свои собственные цари и сложная военно-политическая иерархия. При необходимости они могли выставить 50—100 тысяч строевого конного войска. Китайцы боялись и ненавидели сюнну, но в то же время они восхищались их искусством верховой езды, их лошадьми и постоянно искали возможности заполучить племенные табуны ферганских чистокровных «небесных лошадей»[100].

Образ жизни сюнну, их одежда, оружие, седла, конская сбруя, украшения, в том числе для лошадей, были необычайно схожи с образом жизни и предметами материальной культуры их иранских соседей, живших к западу от них. Художественные традиции сюнну, несомненно, формировались в рамках общего стиля степных кочевников, известного как «звериный» стиль.

Вероятно, этот «звериный» стиль зародился у степных кочевников и был развит до уровня действительно высокого искусства подвластными им ремесленниками, а может быть, и самими номадами. Самые ранние формы этого искусства представляли собой изображения одиночных животных, пар, а иногда целых групп животных. Любопытно, что в искусстве «звериного стиле» изображались чаще дикие животные, нежели домашние, которых разводили кочевники. Когда изображены два или более животных, почти всегда это травоядные, которые подвергаются нападению одного или более хищников.

На таких изображениях не представляет труда угадать биологический вид представленных животных, но при этом нельзя сказать, что искусство их изображения носило реалистичный характер; почти всегда эти образы отличаются высокой степенью стилизации. Целью этой стилизации представляется стремление запечатлеть движения животного так, чтобы чувствовалась исходящая от него мощь. В этом отношении лучшие образцы скифских золотых изделий оказались в высшей степени удачными, достигая уровня художественной экспрессии, который ставит их в один ряд с прекраснейшими шедеврами мирового искусства.

С чисто эстетической точки зрения звериный стиль расценивается многими специалистами как самая чистая квинтэссенция движения животного, когда-либо воплотившаяся в искусстве. Я согласен с этим утверждением и вижу здесь первое доказательство того, что степные кочевники не были ни дикарями, ни варварами, но необыкновенно утонченным народом, достигшим исключительно высокого уровня восприятия

окружающего их мира природы. Если бы они имели письменность (что особенно трудно достигается и сохраняется в кочевых обществах), я почти не сомневаюсь в том, что их культура вошла бы в историю как одна из наиболее важных из всех древних цивилизаций Старого Света.

Золотая поясная пластинка из Сибирской коллекции Петра I.

В начале XVIII в. царь Петр I был одним из первых, кто признал высочайший уровень художественного дарования ранних кочевников. Разграбление скифских курганных захоронений было в то время чем-то вроде национального спорта, но по мере того как в Санкт-Петербург стали доставляться все более великолепные образцы скифских изделий, царь Петр издал указ, предписывающий местным властям скупать все награбленные в захоронениях предметы искусства, которые могли попасть к ним в руки, и доставлять их в столицу. Таким образом он собрал огромную коллекцию великолепных произведений искусства, которые по сей день находятся в Эрмитаже в Санкт-Петербурге, вызывая всеобщее восхищение.

Следующее впечатляющее свидетельство необыкновенной утонченности степных кочевников обнаружилось спустя примерно два столетия, когда коллекция Петра была пополнена еще несколькими наиболее захватывающими археологическими открытиями XX ве-

ка. Советский этнолог Сергей Руденко проработал с кочевниками-казахами в Юго-Западной Сибири много лет, прежде чем решил исследовать несколько огромных курганов, разбросанных по долине, которую казахи называли Пазырык.

В 1929 году Руденко верхом на лошади отправился в эту отдаленную долину с командой землекопов и начал раскопки в вечной мерзлоте. Он вернулся туда снова через двадцать лет и раскопал еще четыре кургана. Почти все они были разграблены, в большинстве случаев вскоре после захоронения, и можно предполагать, что все значительные золотые предметы были похищены грабителями. Но даже несмотря на это, находки в этих захоронениях представляли огромную культурную ценность.

В этой части Сибири делать захоронения можно лишь в течение очень короткого периода времени, летом, когда слой вечной мерзлоты ненадолго оттаивает, чтобы вскоре вновь замерзнуть. Такие условия предполагали сохранность практически всех находившихся в погребениях предметов — человеческих останков, останков жертвенных лошадей, одежды, деревянных предметов, ковров, гобеленов, чаш, головных уборов, кубков, обуви, столиков и скамеечек, седел и упряжи, керамических предметов, даже пищи, а также множества предметов сакрального и бытового назначения, — все это почти полностью сохранялось во льду.

Люди, создавшие эти могильники, определенно верили в то, что они отправляют своих правителей женского и мужского пола, воинов и простых людей в загробный мир хорошо снаряженными для продолжительного там пребывания, и почти все это, не считая

похищенного грабителями золота, отлично сохранилось до наших дней. Сделанные экспедицией Руденко находки бесценны, поскольку они знакомят нас с почти неизученной цивилизацией. По своей значимости они намного превзошли те, которые были сделаны в Египте несколькими годами ранее, в 1922 году, когда была обнаружена гробница юного царя Тутанхамона. Но поскольку все открытия были сделаны в сталинской Советской России, то они оставались практически неизвестны на Западе до тех пор, пока книга Руденко о результатах его раскопок не была опубликована в Англии в 1970 году.

Руденко датировал Пазырыкские захоронения VI–IV веками до н. э., но недавняя ревизия их материала дает основание уточнить эту датировку и отнести их к V–III векам до н. э. Пазырык находится в Юго-Западной Сибири на севере Алтайских гор, в наиболее изолированной и малоизученной области всей Центральной Азии, практически не известной миру классической древности и отделенной от китайского мира двумя огромными горными хребтами. В свете этих обстоятельств невероятное богатство содержимого этих захоронений просто поражает воображение.

В захоронениях были найдены привозные персидские ковры, один из которых был окаймлен золотом местного происхождения и мехами из Арктики, там были также шкура гепарда и семена кориандра с Ближнего Востока, множество изображений львов, китайские серебряные и бронзовые зеркала и много образцов китайского шелка, некоторые из которых украшены явно местной вышивкой с изображениями богинь и европеоидных конных воинов на породис-

тых скакунах. К этому времени художественные образы, принесенные скифами из Ассирии, уже смешались с местным «звериным» стилем, породив изумительно динамичные образы различных видов чудовищ. Грифоны, сфинксы и мириады полиморфных мифических зверей, великолепно воплощались в дереве, коже, шелке и войлочных аппликациях наряду с образами реальных зверей, таких как тигры, леопарды и волки.

В общей сложности в этих пяти курганах Руденко обнаружил свыше 1100 предметов, а также несколько человеческих и конских мумий. Исследуя эти захоронения, он был поражен той точностью, с которой Геродот описал скифскую культуру вообще и ее погребальные традиции в частности. Многие элементы артурианского канона, выделенные мною в пятой главе, также находят соответствия в Пазырыкских курганах. Кроме того, прослеживается несколько чрезвычайно интересных моментов, не упомянутых Геродотом.

Люди из захоронений несомненно принадлежали к этнически смешанной группе, у некоторых из них прослеживаются монголоидные черты, другие были европеоидами. Последующие раскопки в этом районе подтвердили выявленный характер этнического смешения. Поскольку эти люди проживали у западной оконечности территории сюнну и на восточном пограничье земель иранцев (европеоидов), можно предположить, что это население было смешанным. Один из мужчин, которого Руденко назвал «вождем», был очень высокого роста — около 6 футов 3 дюймов (190 см). Он был немолод, и, очевидно, погиб в сражении. На его теле было несколько ран, нанесен-

ных топором или мечом. Кроме того, он был скальпирован. Его соратники, очевидно, сумели вернуть его тело и, возможно даже восстановили его скальп, поскольку его череп был покрыт, но российские специалисты не исследовали кожу и волосы с целью установить, принадлежат ли они человеку или это кусок лошадиной шкуры, пришитый, чтобы прикрыть оскальпированное место. Другой погребенный, молодой мужчина, захоронение которого было открыто намного позднее, умер, очевидно от нанесенной мечом тяжелой раны в живот. Можно заключить, что эти люди были определенно воинами, охотниками за скальпами и, весьма вероятно, за головами (повсюду на скифской территории в захоронениях обнаруживаются обезглавленные останки; известны также изображения скифов, несущих отрубленные головы).

У некоторых мужчин были щетинистые бороды, у других же, как у представителей многих монголоидных народов, их не было вовсе. В одном из захоронений был найден любопытный предмет — накладная борода. Она прикреплялась к лицу мумии веревкой с помощью накинутых на уши петель. На некоторых из довольно редких пазырыкских изображений человеческих лиц все мужчины имели бороды, по форме схожие с накладной бородой мумии. Борода покрывала щеки и подбородок, верхняя же губа оставалась чисто выбритой (или безволосой). Так как на образцах скифского искусства мужчины всегда представлены с бородами, мы вполне можем заключить, что этот мужской атрибут был несомненным признаком престижа и достоинства, и, возможно, те, кто от природы не обладал густой растительностью на лице, были

вынуждены носить искусственную бороду. Коль скоро значение бороды было столь велико, мы можем заключить, что отрезание бороды, особенно насильственное, было унижением, как в артурианских легендах.

Еще одной неожиданной стороной пазырыкских находок стало то, что на коже многих мумий, как мужских, так и женских, имелись татуировки. Особенно часто встречались изображения оленя с величественными раскидистыми рогами (наиболее популярный символ у скифов) и свирепых фантастических хищников — грифонов или летучих орлиноголовых львов, набрасывающихся на свою добычу.

Кроме того, в могилах было обнаружено большое количество звериных шкур, и это доказывает то, что древние пазырыкцы были страстными охотниками. Надо полагать, что они, подобно другим степным кочевникам, рассматривали конную охоту не только как средство добычи мяса и шкур, но также и как приятное времяпрепровождение. Между охотой и военным искусством существует очень тесная связь, особенно учитывая то обстоятельство, что как в том, так и в другом случае использовались верховые лошади. Скифы славились как великолепные стрелки из лука, с величайшей точностью попадавшие в цель со своих несущихся во весь опор лошадей. Точно так же охота с копьями и пиками на оленя или дикого кабана требовала почти такого же мастерства владения оружием, что и атака на пеших воинов.

Охота могла иметь и экономическое значение, так как меха из этого региона высоко ценились и были важным товаром. Тот факт, что охота являлась прерогативой военной элиты всадников, несколько раз

упоминается в сообщениях письменных источников о скифах и подтверждается татуировками и различными украшениями, которые носили на теле знатные люди. Артурианские легенды определенно продолжают эту традицию, описывая королевские охоты в качестве прерогативы правящего класса, как это до сих пор имеет место и в современной Великобритании.

Как и все другие скифы, пазырыкцы при погребении своих вождей приносили в жертву лошадей. К счастью, некоторые конские захоронения избежали внимания грабителей могил. В ходе раскопок Руденко было обнаружено несколько довольно хорошо сохранившихся мумифицированных останков лошадей, а также конские скелеты. Руденко прекрасно разбирался в лошадях, поскольку провел несколько лет с казахскими кочевниками, когда путешествовать по Сибири можно было только в конском седле. Исследуя мумифицированных животных, он обнаружил, что большинство из них были не упряжными лошадьми, а прекрасными высокопородными скакунами.

Но даже более впечатляющей, чем эти чистокровные кони, оказалась изысканно украшенная конская упряжь. Чепраки, уздечки, нагрудные бляхи, начельники, псалии, — все это было украшено множеством изображений в «зверином» стиле. Особый интерес представляют головные украшения искусной работы, которые были на многих из найденных останков лошадей. Они надевались поверх узды и закрывали большую часть головы лошади, почти так же, как в викторианские времена украшали плюмажем лошадей, везущих похоронные повозки. Но на пазырыкских конских головных уборах не было перьев, они были украшены

оленьими рогами. Очевидно, пазырыкцев восхищала идея превращения их великолепных коней в фантастический гибрид оленя и лошади. Сохранилось несколько образцов головных украшений с покрытыми золотом оленьими рогами в натуральную величину и других, шлемовидных, с навершием в виде оленьей головы.

Заманчиво объединить эти находки с великолепными открытиями, сделанными в кургане № 5, где был найден «вождь» со скальпированной головой. Там Руденко обнаружил отлично сохранившиеся части чрезвычайно тщательно сработанной четырехколесной деревянной повозки, одного из наиболее хорошо сохранившихся древних деревянных экипажей из когда-либо найденных. Геродот сообщает, что когда умирал великий вождь или царь, его мумифицированное тело торжественно провозили в повозке по всей Скифии, прежде чем предать его земле в месте последнего упокоения, в кургане. Скифы, видимо, верили, что этот период после смерти — время «живых мертвецов» — был важным этапом заупокойных ритуалов, обеспечивающим бессмертие усопшего.

Как я уже упоминал, мотив бессмертных фигур, путешествующих в повозке, запряженной оленями, встречается в артурианских легендах и тесно связан с мотивом отрубленных голов в «Возвышенной повести о Святом Граале», одной из французских версий этих сказаний. Связь повозки и оленя является, вероятно, умозрительной, но не может быть никаких сомнений в том, что жители Пазырыка и все остальные скифы настолько почитали оленя, что они часто их изображали в художественной форме и старались придать

сходство с ними своим лошадям, которые были наибольшей ценностью из того, чем они владели.

Находки Руденко показывают, что скифы создавали для своих усопших мир в миниатюре, как это было в древнем Египте и во многих других ранних культурах.

Во время погребения помимо лошадей приносили в жертву слуг, жен и других людей, предназначенных сопровождать царя в загробном мире, погребальные помещения заполнялись бытовыми предметами, необходимыми в повседневной жизни, и даже едой. Сама могильная камера имела вид бревенчатого сруба, по-видимому, напоминая зимние жилища пазырыкцев. Конечно, в Сибири очень холодные зимы, и современные кочевники этого региона проводят зиму в глинобитных или бревенчатых домах, расположенных в укрытых долинах, возвращаясь в свои шатры с приходом лета. Но дома, которые я видел в алтайских горах, построены и обставлены так, как если бы они были просто увеличенным вариантом летних войлочных шатров — юрт. Возможно, именно так жили и пазырыкцы в долинах к северу от Алтая.

Тогда, как и сегодня, стены домов (и шатров) были увешаны прекрасными настенными войлоками или гобеленами, полы покрыты коврами или циновками, ложами служили приподнятые платформы с покрывалами и подушками. Учитывая, что вся домашняя утварь должна была быть транспортабельной, громоздкую мебель заменяли маленькие скамеечки и столики. У одного из столиков были съемные ножки, каждая из которых была вырезана в виде хищной кошки в прыжке. На столиках находились деревянные сосуды, кожаные фляги, роги для питья и другая утварь.

Скифский домашний интерьер имел очень много общего со средневековым северо-западным европейским, где стены (каменные или глинобитные) также украшались гобеленами, пол был устлан циновками или коврами, а на предназначенных для сна настилах лежали лоскутные одеяла, подушки и покрывала. Даже в артурианских романах Кретьена де Труа встречается упоминание о том, что у Артура была отличная пара складных табуретов с четырьмя ножками, две из которых были вырезаны в форме прыгающих леопардов и две — в виде крокодилов. В том же сочинении Кретьена дается описание сборов Артура и его королевского двора в дорогу:

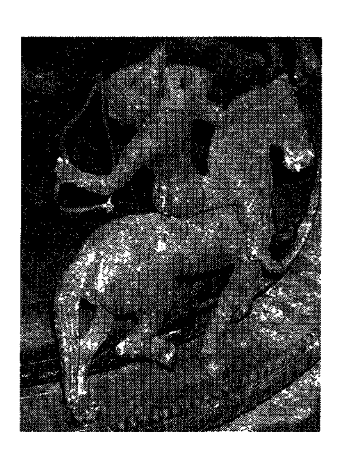
Стоило видеть все эти упакованные покрывала, одеяла и подушки; набитые доверху сундуки, вьючных лошадей с поклажей, множество доверху заполненных повозок и фургонов — ибо они не ограничивали себя в числе палаток, шатров и навесов; искусный писец не смог бы переписать за целый день все это снаряжение и припасы, которые были тут же приготовлены. Король отправлялся из Карлиона, словно выступал на войну, сопровождаемый всеми своими баронами, и ни одна из придворных дам не осталось дома, так как королева взяла с собой всех ради пущей пышности и великолепия.

Я сам имел возможность наблюдать, как целый казахский аул готовится к перекочевке на свои летние пастбища; сходство этой картины с приведенным выше описанием сборов королевского двора просто невероятное. Нет сомнений, что перемещение скифского кочевья выглядело бы примерно так же. Эта средневековая европейско-скифская модель мобильного

хозяйства определенно не имеет ничего общего с римским домом в Италии или Британии, с его мозаиками, отапливаемыми полами и классической архитектурой. Напротив, вполне очевидно, что домашнее убранство средневековой Европы своим происхождением обязано скорее степи, нежели античному миру.

То же самое можно сказать и по поводу внешнего облика и одежды скифов. В то время как римляне и греки были низкорослыми и смуглыми, скифы были высокими, светлокожими, со светлыми или рыжими волосами и голубыми или зелеными глазами. Греки

Этрускская бронзовая урна с фигурками скифских всадников на крышке. VI в. до н.э. Общий вид и фрагмент.

и римляне носили свободную легкую одежду и сандалии, тогда как скифы надевали подпоясанные куртки, облегающие штаны, плащи или накидки и сапоги, вся их одежда была приспособлена к жизни в седле. Греки и римляне коротко стригли свои волосы, часто изображаемые в виде тугих кудряшек, чисто брили лицо,

скифы же неизменно изображались с бородами и длинными прямыми волосами. Иногда их головы покрыты остроконечными войлочными или кожаными шапками, которые облегают лицо и, вероятно, застегиваются под подбородком.

К V веку до н.э. такая остроконечная шапка наряду с изогнутым луком стала отличительным признаком скифов. Их слава, очевидно, достигла, по крайней мере, Италии, где мы находим прекрасный этрусский сосуд для вина, украшенный четырьмя фигурками скачущих на лошадях конных лучников в остроконечных шапках, двое из которых мечут стрелы из своих двоякоизогнутых луков вперед, двое же других стреляют, обернувшись назад, на скифский манер. Греческие вазы и урны также украшались изображениями конных лучников в характерных остроконечных шапках, стреляющих, обернувшись назад, из своих двоякоизогнутых луков.

Одна из них особенно любопытна: на ней представлено изображение кентавра — получеловека-полуконя. Этот образ впервые возник в греческом искусстве в V веке до н.э., то есть именно тогда, когда греки стали знакомиться со скифами. Будучи лишь наполовину людьми, создания вроде кентавра и сатира как бы обозначают границу между культурой и природой, сочетая человеческое «мы» с животным «другие».

На изображениях вроде тех, что украшают Парфенон, кентавры предстают как прямодушные человеко-кони, которые напиваются допьяна и пытаются похищать греческих женщин. Но на большом сосуде для смешивания вина, изготовленном в Афинах в

580 году до н.э., представлена трактовка образа кентавра Хирона с намного более выраженными чертами культурного своеобразия. Он изображен как получеловек-полуконь, но также явно и как стрелок из лука. В правой руке он держит классический двояко-изогнутый скифский лук, а на левом плече несет шест с подстреленными им зайцами; у него большая косматая борода.

Геродот сообщает о страсти скифов к охоте на зайцев, что не оставляет сомнений в принадлежности кентавра к скифскому племени. Впрочем, интересно отметить, что этот кентавр не похож на своих вечно пьяных и распутных сотоварищей, в отличие от них он женат, бессмертен, считается искусным охотником и целителем. В греческих мифах он — наставник Ахилла и Геракла. Наделяя Хирона этими положительными чертами, греки, возможно, скрыто признавали таланты и достоинства некоторых скифов, тогда как кентавры вообще обычно изображались ими в карикатурной форме как распущенные пьяницы-варвары. Во всяком случае, похоже, что к V веку до н.э. скифское искусство верховой езды получило широкое признание, так что наделение бессмертного полуконя-получеловека скифскими чертами выглядело вполне уместным.

Два других образа, тесно ассоциирующиеся в греческом сознании со степными кочевниками, связаны с женщинами. В античной Греции процветал «мужской шовинизм», что подтверждается письменными источниками. Этот же подход унаследовала Римская империя. Греки и римляне полностью исключали женщин из всех форм политической и экономической

жизни и решительно ограничивали их общественную роль. Поэтому они были потрясены и заинтригованы культом варварской богини, почитавшейся в образе полузмеи-полуженщины. Не меньше их поразили женщины-воительницы варваров, амазонки.

Сюжет происхождения народа от союза греческого героя (который надлежаще стреножил своих лошадей) с божественной змееженщиной, которая удерживала при себе героя столько[101], сколько могла, явно пришелся по душе грекам с их эдиповым комплексом.

В последующем этот образ встречается во многих греко-скифских поселениях на побережье Черного моря, а также на скифских ювелирных изделиях, по-видимому, напоминая скифам о власти женщин и в то же время убеждая греков, что женское могущество можно преодолеть.

Но грекам, похоже, больше пришелся по душе другой традиционный скифский образ — амазонки, так как их история начиналась с военного поражения от греков. Тогда женщины-воительницы бежали в Скифию, где, вступив в брачные союзы с местными юношами, стали родоначальницами нового народа — савроматов, позже известных как сарматы. Но с этого момента эти две истории о скифских полуженщинах расходятся. В то время как змееженщина благополучно осталась в области мифологии, сарматские женщины-воительницы были вполне реальными, и к IV веку до н.э. их присутствие (вместе с их мужчинами) в районе Черного моря становилось все более ощутимым. Сарматы с их женщинами-воительницами все больше оттесняли скифов на запад, входя, таким

образом, в непосредственный контакт с греками. Для греков они должны были таким образом представлять угрозу, как физическую, так и психологическую, бросая вызов шовинистическим тендерным установкам их «цивилизованного» мировоззрения. То, что эта угроза была вполне реальной, подтверждает впечатляющая находка, сделанная в Ростове, где Дон впадает в Азовское море.

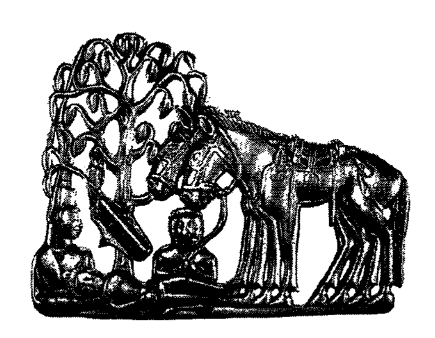
В 1988 году молодой русский археолог открыл непотревоженное захоронение. Найденные при раскопках предметы настолько перекликаются с мотивами артурианских легенд, что требуют подробного описания. Это была могила сарматской женщины, умершей во II веке приблизительно в двадцатилетнем возрасте. Ее голова была увенчана золотой диадемой, украшенной изображениями оленей, птиц и деревьев. На руках у нее были браслеты и кольца, а рядом с ней лежали секира и конская упряжь. На шее у погребенной было массивное золотое украшение с изображениями фантастических существ — драконов, сражающихся с орлиноголовыми воинами. В центральной части этого украшения находится прекрасно проработанная золотая фигурка сидящего со скрещенными ногами мужчины; его волосы и борода тщательно расчесаны, на коленях у него лежит меч, в руках он держит ритуальную чашу[102].

Шейная гривна из захоронения № 10 Кобяковского могильника (Ростов-на-Дону). Золото. II в.

Все образы, окружавшие эту удивительную сарматскую воительницу-жрицу, явно имеют магический характер и все они обнаруживается в артурианских сказаниях: волшебные олени, деревья, драконы и чудовища и медитирующий персонаж с магическим мечом и чашей, который мог бы оказаться самим Мерлином.

Еще один из самых известных шедевров скифского золота также перекликается с артурианскими мотивами. Чтобы прочитать его должным образом, необходимо учесть, что в любой засушливой области, будь то в Центральной Азии, Африке, Северной или Южной Америке, деревья растут только поблизости от источников воды. На великолепной золотой пластине из коллекции Петра I, датированной IV–II веками до н.э., изображены две оседланные лошади, стоящие в тени дерева. Их поводья держит сидящий оруженосец на заднем плане. На переднем плане на ветвях дерева подвешен колчан знатного воина, сам же воин лежит на земле, его голова покоится на коленях прекрасно одетой женщины в великолепном высоком коническом головном уборе. Спит этот воин или он умирает? Мы не можем сказать наверняка, хотя каждый раз, когда я смотрю на эту выразительную и трогательную сцену, я слышу слова Мэлори из заключительной кульминационной части «Смерти Артура»:

Золотая поясная пластинка из Сибирской коллекции Петра I.

Отнеси меня на эту барку, — сказал король.

*Он так и сделал, отнес его осторожно, и приняли у него короля три женщины в глубокой печали. Они сели все рядом, и на колени одной из них положил король Артур голову.**

Здесь Девы Озера появляются, чтобы утешить и облегчить страдания умирающего короля; там благородная дама держит на коленях голову своего мужчины в тени дерева, растущего у воды в далекой стране степей.

Скифы бросили греческому мировоззрению еще один вызов в виде женоподобных мужчин, так называемых энареев. В греческом трактате «О воздухе, воде и земле»[103], датируемом V веком до н.э., утверждается, что скифы не отличаются плодовитостью (как я уже упоминал в предыдущей главе) из-за обычая носить штаны и постоянной тряски в седле. Некоторые ученые недавно подтвердили, что тесные брюки и езда верхом действительно могут привести к снижению половой функции, но какими бы ни были объективные основания, существует свидетельство, что некоторые скифы становились трансвеститами и приобретали дар прорицания и другие шаманские способности, отказавшись от своего мужского естества.

* Томас Мэлори. «Смерть Артура». Изд.подг. И.М. Бернштейн и др.

Более того, отказ от своего природного пола предполагал возможность продлить себе жизнь, избегая смерти в бою. В любом случае, здесь налицо изменение статуса. Очевидно, что превращение в бесполое существо вело от активной роли воина к пассивной роли шамана или старейшины. Похожие события неоднократно встречаются в легендах об Артуре, когда «увечные короли» в старости отказываются от своей мужской силы, чтобы уступить свое место молодым здоровым мужчинам.

Таким образом, во всех этих аспектах социально-половых отношений есть отзвуки артурианских мотивов, так же как и прямые связи необычных образов — змееженщин, воительниц и лишенных мужества старцев. Эти общие темы, вероятно, каким-то образом преодолели мощные культурные и военные барьеры шовинистических античных миров Греции и Рима.

Однако эти темы не были принесены туда скифами, по крайней мере, в источниках об этом нет никаких свидетельств. Взаимовлияние культур происходило под воздействием различных факторов. Хотя Геродот и отзывался о скифах как о ярых защитниках своей культуры и обычаев, постоянные контакты с греками, по-видимому, постепенно ослабили присущую им независимость духа.

Некоторые из искуснейших золотых изделий, найденных в скифских курганах, дают нам бесценные знания об образе жизни и быте скифов-скотоводов. Существуют прекрасные изображения скифов, ухаживающих за своими лошадьми, стреноживающих их, ведущих их под уздцы или обучающих коней становиться на колени, чтобы упавший воин в тяжелых

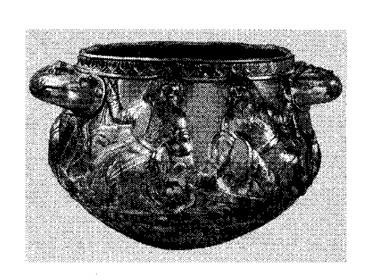
доспехах снова смог сесть в седло. Есть изображения скифов, доящих кобылиц и овец, или стригущих овечью шерсть. Все это выполнено в золоте, и вызывает ассоциацию с золотым руном Ясона. Другие изображения показывают скифов, безмятежно отдыхающих вместе, беседующих или заботящихся друг о друге, и даже одна любопытная сцена, где двое мужчин одновременно пьют из одного рога. Весьма вероятно, что пьют они вино, смешанное с их собственной кровью, чтобы стать «кровными братьями».

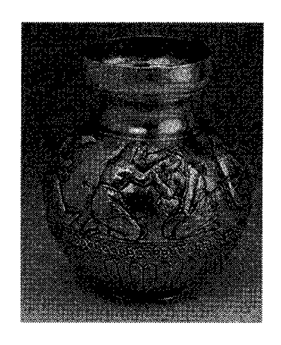
Золотая пектораль из кургана Толстая могила. IV в. до н.э.

Эти выполненные в золоте глубоко личные этюды перекликаются с одной простой и яркой темой: мужчины, связанные между собой тесными узами, клянутся защищать друг друга в бою не щадя своей жизни. На одном сосуде мы видим сцену, в которой один скиф пытается врачевать больной зуб другого — его рука находится во рту его «брата»; следующее изображение показывает человека, накладывающего повязку на голень другому; наконец, в третьем эпизоде — двое мужчин, опершись на свои копья, беседуют со счастливыми, улыбающимися лицами [104]. Эта серия зарисовок из жизни скифов исполнена, однако, не в скифском «зверином» стиле. Класс этой работы фантастически высокий, но стиль ее можно характеризовать как полностью предметно-изобразительный; явно это либо греческая работа, либо изделие обученных греками мастеров.

Таким образом, как ни пытались скифы противиться чуждым влияниям, но ко времени Геродота они начали постепенно втягиваться в мир греческой цивилизации. Греки хорошо платили за их зерно, меха, рыбу, рабов и золото, предлагая взамен возможность покупать вино, масло и произведения изящного искусства, выполненные главным образом в золоте. Городская жизнь была открыта для властной элиты скифов, и могла предложить гордым номадам гораздо больше искушающих соблазнов, чем жизнь в седле. Судя по всему, в это время резко возросло давление с востока. В III веке до н.э. в Центральной Азии климат в очередной раз изменился, стал холоднее и засушливее. Сарматы, закаленные пастушеским образом жизни и искушенные в ратном деле, стали совершать регулярные набеги на владения скифов.

Скифский сосуд из кургана "Гайманова могила". Серебро, позолота. IV в. до н.э.

Сосуд с изображением мифологических сцен из кургана Куль-Оба. IV в. до н.э.

Нам почти ничего не известно о происходивших тогда столкновениях, однако ясно, что ко II веку до н.э. сарматы уже господствовали на большинстве тер-

риторий, по которым ранее кочевали скифы. Принимая во внимание чрезвычайную схожесть сарматов и скифов в этническом, лингвистическом и культурном плане, этот процесс, возможно, не приводил к крупным конфликтам. Более сильные в военном отношении сарматы с их женами-воительницами могли потребовать и получить от отдельных скифских вождей изъявления покорности в обмен на сохранение контроля над частью их земель или подвластным им оседлым населением. Я уже упоминал, что степняки знали много путей установления своего контроля над другими народами, и нет сомнений, что они прибегали к этим способам и в отношениях с другими номадами.

Скифы, зажатые между греками с запада и юга и сарматами с востока, незаметно сошли с евразийской сцены к началу II века до н. э. Но практически внезапное их исчезновение ставит вопрос о том, как было устроено их общество. Мы знаем, например, что правители различных скифских племен практиковали браки между своими родами, так же как и с соседями, например фракийцами. Хотя богатство здесь и играло определенную роль, социальный статус в большой степени зависел от брачных связей. Именно таким образом возникала элита из отдельных семейных и «племенных» групп. Поэтому возможно, что люди, носившие название скифов (а также сарматов или алан), представляли собой только военную элиту, протоаристократию, способную объединиться в период военных конфликтов, но с легкостью принимавшую чужое этническое название, потерпев поражение под своим собственным.

Короче говоря, понадобилось только немного могучих сарматских воинов, чтобы нанести поражение небольшим силам более слабых скифов (возможно, даже в единоборстве — их излюбленном испытании воинской доблести), затем потребовалось несколько династических браков, не исключено, что при этом одного или двух скифских правителей пришлось изгнать, чтобы превратить бывшие скифские владения в сарматские провинции. Это могло повлечь за собой разрастание рода победоносных сарматов, но это вовсе не предполагало массового изгнания скифов или подвластного им земледельческого населения. Поскольку значительную часть скифского общества составляли «скифы-земледельцы», кажется весьма вероятным, что сарматы захотели бы удержать этих людей на их земле, просто переименовав их в сарматов-земледельцев.

В реальности совсем не много голов должно было скатиться и нужно было заменить совсем мало имен, чтобы «скифы» стали «сарматами». Еще одной причиной легкости этой замены было то, что обе группы были однородны в культурном отношении. Киммерийцы, массагеты, скифы, сарматы имели один и тот же жизненный уклад и мировоззрение, много общих важнейших элементов культуры. Некоторые данные дают основания предполагать, что все эти народы чтили одних и тех же богов, в том числе бога войны, почитавшегося в виде священного меча, их мифологический бестиарий включал одних и тех же фантастических полиморфных чудовищ; все они высоко ценили охоту, боевое искусство и воинскую доблесть. Этот высокий уровень культурной преемственности крайне важен. То, что народ, который называли разными

именами, разделял общность идей и обычаев на огромной территории и на протяжении длительного времени, дает ключ к изучению народов, сведения о которых сильно расходятся.

Я представил значительный объем информации о скифах в V веке до н.э.; мы довольно много знаем о них, в том числе и по археологическим находкам. Эти источники вполне заслуживают доверия, чего нельзя сказать о более близком к нам периоде, который нас интересует, — первых столетиях новой эры. Однако преемственность культур скифов и сарматов или их родословия дает нам возможность утверждать: если скифы что-то делали, о чем-то думали, во что-то верили, то весьма вероятно, что их преемники сарматы и аланы делали это или хранили то же самое знание.

Но нельзя сказать, что эти группы были идентичными — был один ключевой момент, в котором сарматы отличались от скифов. Это касается их доспехов и вооружения. Если скифы славились своим искусством стрельбы из лука, то сарматы предпочитали пользоваться мечом. Они использовали длинные рубящие мечи, нанося удары на близком расстоянии с седла. Сарматы также применяли луки и стрелы, но открыли, что всадник с большим рубящим мечом может приблизиться к противнику и буквально разрубить его сверху донизу. Неизвестно, откуда у них появилась эта идея, но можно предположить связь с кельтами Восточной Европы, искусные кузнецы которых были специалистами по изготовлению длинных мечей.

Несколько кельтских мечей было найдено в сарматских погребениях. Именно сарматы осознали по-

тенциал этого оружия. Они продолжали использовать копья в качестве как метательного, так и колющего оружия, однако пеший воин мог относительно легко парировать такой удар и, перетянув к себе копье, отобрать его у атакующего всадника. Совсем другое дело — длинный меч с его наточенным обоюдоострым клинком. Таким мечом было можно действовать одной рукой, вторая же рука оставалась свободной, чтобы держать щит или поводья лошади. Выхватить меч из рук нападающего всадника пеший противник никак не мог. Мечом сверху можно было нанести сокрушительный удар. Это было идеальное оружие ближнего боя для конных воинов. Вне всякого сомнения, длинные мечи сарматов превосходили короткие скифские акинаки, и римским легионерам предстояло на собственном горьком опыте убедиться, насколько бесполезны были их короткие колющие мечи против рубящих ударов длинных мечей этих конных варваров.

Как можно видеть на изображениях с колонны Траяна[105], сарматы носили чешуйчатую броню и даже покрывали ею для защиты своих лошадей. До этого были в употреблении другие типы защитного вооружения, чаще — пластинчатые латы, какие носили римляне и греки, или кожаные доспехи с нашитыми на них дисками или кольцами из рога, железа или драгоценных металлов — золота или серебра. Такие виды доспехов выглядели эффектно и обеспечивали некоторую за-

Изображение сарматского воина с колонны Траяна.

щиту, но пластинчатые латы сильно стесняли движения, к тому же оставляя незащищенными области суставов. Чешуйчатые доспехи дают бо́льшую свободу движений и при этом обеспечивают лучшую защиту большей площади тела.

Эти два отличия определенно давали сарматам преимущество над их противниками и позволяли выработать тактику ведения боя тяжелой конницей, когда стена всадников устремлялась на строй вражеской пехоты, сминая ее ряды и рассеивая неприятеля. Если легкая конница была очень эффективна для изматывания противника и преследования бегущей пехоты, то тяжелая конница представляла собой настоящие ударные войска, своего рода танковые дивизии того времени.

Чтобы в полной мере использовать все преимущества своей тяжелой конницы, сарматам не хватало одного, но чрезвычайно важного элемента — стремян. Стремена помогали удерживать равновесие (а значит, и повышали меткость) и давали дополнительную опору. Это приспособление помогало всаднику удержаться в седле, когда он на всем скаку наносил таранный удар копьем. Если вы без стремян нанесете такой удар в жестко закрепленный объект, например в щит или тело вражеского пехотинца или же всадника, вас неизбежно вышибет из седла и вы окажетесь позади своей лошади. Если же у вас есть стремена, то вы удержитесь в седле. Вероятно, скифские воины употребляли ременные петли, прикрепленные к седлам, чтобы легче вскакивать на коня, но сарматы к III веку определенно уже пользовались твердыми стременами. Идея таких стремян пришла, по

всей вероятности, из Китая, где найдено изображение всадника со стременами, датируемое VIII веком до н.э.

Длинные мечи, гибкая броня и стремена — все эти три достижения стали, разумеется, неотъемлемым реквизитом всех ритуальных и реальных военных действий, описаниями которых изобилуют страницы артурианской литературы, от рыцарского поединка и турнира и до боевого единоборства и настоящей войны.

Римляне достаточно быстро поняли достоинства длинных мечей для всадников и внедрили их в своих войсках, но фатально медлили с освоением двух последних новшеств, и эта роковая ошибка, как мы увидим далее, в конечном счете стоила им их империи.

Вернемся к сарматским женщинам. Я уже говорил о том, что они принимали более активное участие в политической и военной жизни, чем их предшественницы. Они, конечно, были и матерями, и воспитательницами детей, центром их домашней жизни были шатры или кибитки, но они также могли охотиться и сражаться по собственному желанию. Предметы из захоронений свидетельствуют, что женщины-воительницы вовсе не обязательно отказывались от своей женственности, многие из них были похоронены не только с оружием, но и с чисто женскими атрибутами — зеркальцами, косметическими наборами, пряслицами и прочими специфически женскими предметами.

В те времена зеркала использовались не только для того, чтобы любоваться своим отражением. В руках шаманок и жриц они были еще и магическими предметами. Сарматские женщины, без сомнения, сохраняли древние религиозные традиции жителей степей, выступая в качестве прорицательниц и жриц, а также, вероятно, целительниц и гадалок.

Такое вовлечение женщин во все сферы социальной жизни сарматов указывает на еще одно различие между ними и греческими и римскими женщинами, и ставит сарматскую действительность в один ряд с художественным вымыслом мира артурианских сказаний. Это же, между прочим, связывает этих степных женщин с одной специфичной эзотерической традицией средневековья. Существует множество свидетельств того, что степные женщины-жрицы любили носить высокие конические головные уборы с полями у основания, фактически идентичные шляпам, которые, как считается, носили в Темные Века ведьмы.

В области декоративно-прикладного искусства сарматы продолжали традиции «звериного» стиля, создавая ювелирные украшения, пряжки для поясов и прочие изделия в виде реальных или фантастических животных, хотя их вкус был не столь изыскан, как у скифов. Сарматы предпочитали изобильно инкрустировать свои изделия яркими камнями, отчего многие из их произведений искусства кажутся более грубыми, нежели наследие скифов. Но все же это один стиль, хотя и создается впечатление, что сарматское искусство испытало влияние Дальнего Востока и Китая, тогда как скифов явно вдохновляли произведения искусства Ближнего Востока. Если скифское ис-

кусство всем остальным фантастическим зверям предпочитает грифона, то в сарматских мистических представлениях центральное место занимает дракон, наглядным примером чему являются предметы из захоронения юной сарматской принцессы, обнаруженного в кургане на окраине Ростова.

Фактически само имя «сармат» означало «народ ящериц»[106]. В классической древности между ящерицами, змеями и драконами не делалось различий, в особенности, когда это название предполагало символическую, тотемную связь между животным и конкретным народом. Появление этого названия могло быть связано с использованием сарматами необычных боевых штандартов, состоявших из шелкового ветрового конуса, сшитого в форме извивающегося дракона, который издавал свист, наполняясь воздухом, когда «знаменосец» устремлялся в битву. Вспомните, что в 1130 году Гальфрид Монмутский рассказывает об изображениях дракона на боевом штандарте и навершии шлема Артура. Совпадение это или нет, но знаменитый французский иллюстрированный манускрипт, датируемый 1290 годом, изображает короля Артура во время ожесточенного сражения под точной копией сарматского драконовидного боевого штандарта.

Как уже было сказано, в последние века до нашей эры сарматы постепенно вытеснили и сменили скифов в Причерноморье, но события, происходившие за пределами зоны их непосредственного контроля, вскоре отразились на их собственной судьбе. Далеко на востоке неуклонный рост могущества племени сюнну[107] достиг такого уровня, что в 218 году до н.э. китайцы поспешили завершить строительство

первой части своей Великой стены, предназначенной сдерживать набеги кочевников. Но в последующие пятьдесят лет сюнну удалось вытеснить одну большую группу ираноязычных скотоводов (китайцы называли их юэчжи) из области стратегически важного Ганьсуского коридора. Это привело к массовому переселению последних на запад, а «эффект домино» стал причиной давления на восточные границы сарматов со стороны массагетов.

В то время к западу и югу средиземноморские народы также пребывали в смятении. Во времена Геродота между четырьмя крупными «игроками» средиземноморского региона: греками, этрусками, финикийцами и карфагенянами установился определенный баланс сил. Но в течение V века до н.э. освободились от власти этрусков и приступили к экспансии римляне, — сначала в самой Италии, а затем и за ее пределами. К 240 году до н.э. римляне уже владели всей континентальной Италией и захватили Сицилию, Корсику и Сардинию. В последующее столетие они взяли под контроль большую часть Испании, Северной Африки и Балкан. К 140 году до н.э. конкуренция между средиземноморскими государствами сменилась почти полным господством римской сверхдержавы.

Хотя в течение некоторого времени Греция номинально оставалась независимой, вскоре она также подчинилась власти римлян. К 14 году римляне эффектно перекроили карту Европы, используя реки Дунай и Рейн в качестве границ, разделяющих континент от Черного моря до Северного и отделяющих «цивилизованных» римлян и их подданных от «вар-

варов», которые остались к северу и востоку за внешним периметром границы. Этот гигантский барьер не только физически, но и идеологически разграничил два мира по обе стороны от установленных границ. Именно с тех самых пор берет свое начало то наследие, которое сформировало как историю, так и ментальность народов западной части Евразии.

Кочевники, жившие непосредственно у новой границы, были подгруппой сарматов, известной под именем языгов, хотя римляне не утруждали себя называть их иначе как сарматами [108]. В начале II века до н.э. они переселились в степи нижнего Приднестровья. Их первые контакты с римлянами не были враждебными, и обстановка на границе оставалась спокойной. В первых десятилетиях новой эры имели место отдельные незначительные вторжения и набеги. Кочевники по обыкновению заключали союзы с вождями местных оседлых племен, сражаясь на стороне тех, в чьей победе они были более уверены. Какие-то отряды их конницы оказывали помощь союзникам римлян в локальных столкновениях, а в 85–88 годах они сражались на стороне римского императора Траяна в войнах против даков. В сражениях языгам противостояли их же собратья — сарматы роксоланы, нанятые царем даков. Траян в конечном счете одержал победу и щедро вознаградил языгов. Побежденные же роксоланы впоследствии были изображены на знаменитой колонне Траяна облаченными в защитные доспехи, включая панцирные штаны; на панцирных конях, стреляющими из двояковыгнутых луков, обернувшись назад, как это принято в классическом скифском стиле.

Однако спустя всего четыре года языги предприняли свой первый поход через Дунай и разграбили римскую провинцию Мезию[109]. В 105 году они совершили новое нападение, на этот раз в союзе с роксоланами полностью опустошив Дакию. В конце концов нападение языгов было отражено императором Адрианом, который заключил с ними договор о мире на пятьдесят лет. Адриан соглашался выплачивать им дань до тех пор, пока они будут держаться вдали от пограничной зоны.

В последующие полвека обстановка оставалась довольно спокойной, и языги познакомились со своими германскими соседями — племенами маркоманнов и квадов. Эти народы, как и остальные германские племена, были не кочевниками, а оседлыми земледельцами и скотоводами. Это были гордые воины, которые, вероятно, совершенствовались в искусстве верховой езды по мере того, как происходило их смешение с языгами.

В 169 году объединенные силы языгов, маркоманнов и квадов вторглись в римскую провинцию Паннония (современная Северная Хорватия)[110]. После серии упорных и ожесточенных сражений в 175 году захватчики были разбиты императором Марком Аврелием[111], который впоследствии наградил себя титулом «Сарматский» (Sarmaticus). В качестве контрибуции он потребовал от языгов дать империи 8000 полностью экипированных тяжеловооруженных всадников, что и было выполнено. 5500 из числа этих тяжеловооруженных всадников Марк Аврелий незамедлительно отправил в одну из самых горячих и проблемных для империи точек — к валу Адриана,

барьеру, разделявшему варварскую пиктскую Шотландию и богатую римскую провинцию Британию.

Итак, в 175 году огромные силы сарматских всадников двинулись в поход, чтобы пересечь Европу и добраться до Британии — 5500 воинов верхом на лошадях. Коней могло быть до 15000 — сильных боевых степных лошадей, жеребцов и кобылиц с жеребятами — чтобы обеспечить сохранение племенного фонда в месте назначения, а также обоз со спальными принадлежностями, палатками, вооружением, провиантом и кормом для лошадей.

Денарий Марка Аврелия, отчеканенный в ознаменование победы над сарматами.
На реверсе изображены сарматские вооружение и доспехи.

Нет никаких оснований полагать, что в этот путь отправились с ними их женщины, так как ни в римских фортах, ни в населенных пунктах и кладбищах Британии никаких следов сарматских ювелирных изделий, косметических принадлежностей, зеркал и других женских принадлежностей обнаружено не было. Учитывая то, какими гордыми и независимыми женщинами были сарматки и с каким уважением к ним относились их мужчины, кажется наиболее вероятным, что они предпочли остаться в степях и позаботиться о себе. В действительности они, по-видимому, не присутствовали при капитуляции, находясь в безопасности к востоку от Дуная в то время, когда их мужчины совершали дальний поход в Западную Европу.

Взятые в римскую армию в качестве вспомогательной конницы и выступавшие под собственными штандартами в виде летящего дракона, сарматы теперь поступали под командование римского полководца по имени Луций Арторий Каст. Кроме своего превосходного вооружения, каждый сармат вез в седельных сумках личный набор инструментов для починки и замены оружия и доспехов, и, возможно, чашу для питья, нож и сменную одежду.

Но степные воины привезли в Британию не только свои личные вещи. Хотя римляне и предпочитали считать их невежественными варварами, сарматы в действительности являлись носителями гордой и сложной культуры с тысячелетней историй. Они были прямыми потомками воителей, проникших в сердце цивилизаций Ближнего Востока и Древнего Египта на западе, а на востоке, в Китае, брали себе жен, шелка и различные сокровища. Их предки принадлежали к числу самых яростных и искусных воинов в мире, сами они довели искусство конного боя до совершенства, и их конница могла склонить баланс сил в пользу той стороны, которую они поддерживали.

Рассмотрев как письменные источники, так и свидетельства археологии, относящиеся к первым степным кочевникам, которым предстояло оказаться на берегах Британии, мы теперь имеем вполне определенное представление о том невидимом культурном багаже, который принесли с собой эти люди, как и детальную картину их материальных ценностей и движимого имущества.

Эти люди были не просто подвижны, но и действительно оценили достоинства мобильности. Они

хорошо понимали, какие экономические, политические и военные преимущества давала им их жизнь в седле. Они продолжали странствовать с места на место верхом, в кибитках и повозках. Их кочевничество не было бесцельным (никакие кочевники не скитаются бесцельно). Они двигались от одного выбранного пункта к другому, всегда имея в пределах досягаемости легкодоступные источники воды для людей и животных. Мы знаем, что некоторые из таких наиболее значимых водных источников считались святыми местами. В землях сарматов находились также укрепленные поселения оседлых земледельцев, и передвижения номадов иногда проходили через эти определенные точки.

Хотя доблесть в единоборстве определяла личный престиж, это были дисциплинированные бойцы, которые в неистовстве боя искусно выполняли предписанные маневры, как, например, «ложная атака». Они знали иерархию командования и держались своего места в системе.

Езда верхом была отличительным признаком социального превосходства, и удержание этого превосходства зависело от власти либо над низшими слоями своей этнической группы (что встречается чаще), либо над покоренными народами, находящимися под «защитой» воинской элиты. Последняя нуждалась также во множестве ремесленников на месте, чтобы изготавливать, чинить и заменять оружие, доспехи и другие необходимые для жизни предметы, включая предметы роскоши, высоко ценимые военными вождями. Их господствующее положение обыло частично унаследованным по праву рождения и определялось принадлежностью к данному царскому или знатному роду,

но оно могло быть приобретено и силой оружия или брачным альянсом.

За столетия до своего прибытия в Британию эта всадническая элита научилась извлекать максимум из ситуации существующего конфликта. Эти элитные всадники знали, что их уникальное воинское искусство почти наверняка склонит баланс сил в пользу той группы, на чьей стороне они выступят. Их уверенность в собственных силах вела их в странствия и приключения, и у меня почти нет сомнений в том, что когда эти воины отправлялись навстречу неизвестности, далеко на запад, многие из них предвкушали открывающуюся перспективу.

Они также знали о своей сверхъестественной мощи в бою и об использовании террора. Как уже упоминалось, они отрубали головы, снимали скальпы, срезали бороды своих жертв, шили плащи из их волос, пили кровь из черепов своих поверженных врагов. В их понимании человеческая кровь обладала мистической силой, которая передавала сущность жертвы, а также скрепляла глубочайшие узы побратимства. Магия в форме волшебных мечей также помогала обеспечить победу. Эти мечи они вонзали в землю и вынимали их оттуда после завершения жертвоприношений и омовения кровью. Огонь тоже играл большую роль в их ритуалах: иногда они зажигали огонь в погребальной камере, прежде чем ее запечатать. Драконы, которые были их излюбленным символом, также могли изрыгать пламя, как это и положено драконам.

Ритуалы, украшения и мифы сарматов рассказывают о превращениях животных, например, лошадей в оленей, о богинях—змееженщинах и сказочных гри-

фонах, сфинксах и драконах. Эти существа украшали тела сарматов, их одежду, домашнюю утварь и занимали их воображение. Мы получили мимолетное представление об этих существах из письменных свидетельств об их мифологии, и можно предположить, что, как и все великие искатели приключений, сарматы слагали сказания о своих подвигах в давние времена в далеких землях. Передаваясь из уст в уста на протяжении поколений, эти истории, несомненно, вплетались в канву мифов и легенд, так что ко времени прибытия в Британию этим людям было что рассказывать, греясь у костра в промозглые зимние вечера у Вала Адриана.

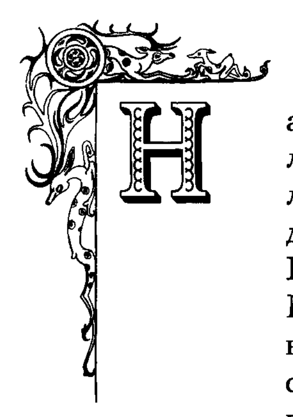
Нам не известно в точности содержание этих рассказов, но тот факт, что практически все черты их культуры, которую я только что обрисовал, в том или ином виде находят отражение в артурианском каноне, не является простым совпадением.

Глава 7

ПЛАВИЛЬНЫЙ КОТЕЛ

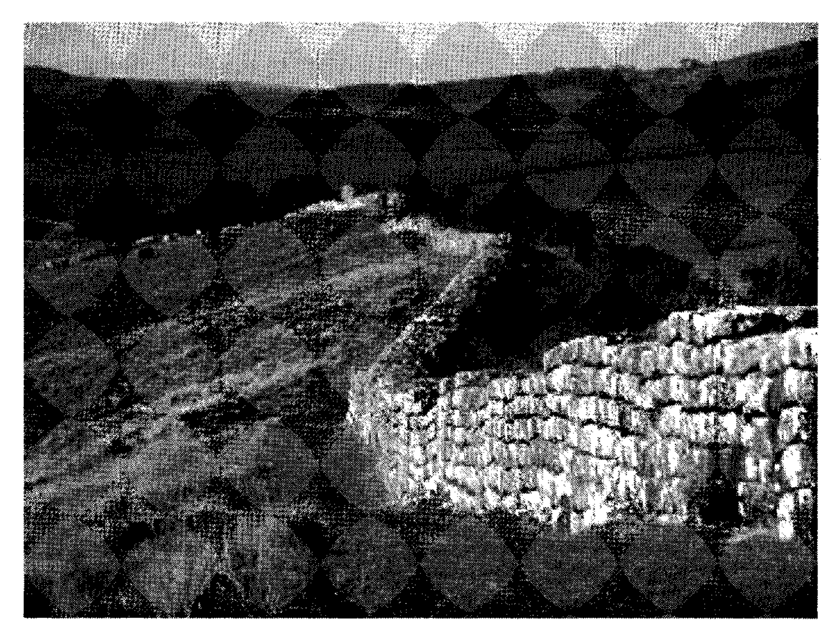

Наверное, это было впечатляющее зрелище: 5500 мужчин с тысячами лошадей и длинным обозом прокладывают путь через всю Европу, от Венгерской равнины к берегам Ла-Манша. Каждую ночь они разбивают лагерь, ставят палатки. Их плотно сдвинутые в оборонительный круг повозки образуют ограждение, внутри которого укрыты животные; горят костры, кипят котлы, тут и там раздаются отдаваемые на латыни приказы, слышатся приветствия на иранском, лязг оружия и позвякивание доспехов... Вероятно, им пришлось долго ждать на берегу Ла-Манша, так как через пролив надо было переправить множество людей и животных, а в те времена суда могли благополучно пересекать пролив только при попутном ветре. Даже эскадра, перевозившая через Ла-Манш армию самого Цезаря в начале второго вторжения в 54 году до н.э., из-за сильного ветра отклонилась от курса и

солдатам пришлось усиленно грести, чтобы пристать к берегу далеко к западу от белых утесов Дувра.

Прибытие огромного конного войска, должно быть, показалось бриттам новым вторжением. Когда сам Цезарь вторгся в Британию, то у него было всего 4000 всадников, сейчас их было на полторы тысячи больше; они высадились с кораблей с лошадьми и прочей своей живностью, с запасом провианта и снаряжением, и затем двинулись на север. Молва о приходе высоких, светловолосых конных воинов, по-видимому, быстро распространилась по всему острову.

К тому времени самые богатые части Британии находились под властью римлян уже на протяжении более ста лет. Непокоренными оставались только Корнуолл, Уэльс и Шотландия. За 30 лет, наполненных бурными коллизиями, приблизительно к 90 году, римлянам удалось покорить различные независимые «королевства» бриттов. Последними покорились бриганты[112], контролировавшие большую часть территории от современного Дербишира до шотландской «границы», где в 122 году Адриан построил свой вал[113]. За этой пограничной линией находилось несколько других бриттских племен, обыкновенно состоявших в союзнических отношениях с римлянами и их бриттскими подданными. Самыми могущественными из них были вотадины[114]. За ними находились племена, равно враждебные как бриттам, так и римлянам. Это были пикты, каледонцы и скотты (из Ирландии), которые не только не признали римское господство, но и сами часто совершали набеги на территории к югу от границы. Чтобы сдерживать их набеги, и возникла необходимость сооружения и постоянной охраны Адрианова вала.

Адрианов вал

Хотя римляне и хотели бы уверить нас в том, что Британия стала стабильной, мирной и процветающей после того, как северная угроза была блокирована, однако существует много свидетельств того, что смуты и скрытое недовольство продолжались, особенно в северных частях провинции. Установив свой контроль над этими территориями, римляне оставили нетронутой большую часть социальной иерархии бриттов, позволив ее знати, вождям и даже «королям» управлять своими владениями. Между влиятельными династиями бриттов постоянно возникало соперничество за расположение римлян, не говоря уже об обычных распрях в среде правящих семей и их союзников.

Римляне никогда не сомневались в собственном культурном превосходстве и пытались соблазнить бриттов «преимуществами цивилизации». Тацит, описывая около 98 года деятельность своего тестя Агриколы, обрисовал ситуацию со свойственным римлянам цинизмом:

Рассчитывая при помощи развлечений приучить к спокойному и мирному существованию людей, живущих уединенно и в дикости и по этой причине с готовностью берущихся за оружие, он частным образом и вместе с тем оказывая поддержку из государственных средств, превознося похвалами усердных и порицая мешкотных, настойчиво побуждал британцев к сооружению храмов, форумов и домов, и соревнование в стремлении отличиться заменило собой принуждение ... Так мало-помалу наши пороки соблазнили британцев, и они пристрастились к портикам, термам и изысканным пиршествам. И то, что было ступенью к дальнейшему порабощению, именовалось ими, неискушенными и простодушными, образованностью и просвещенностью. *

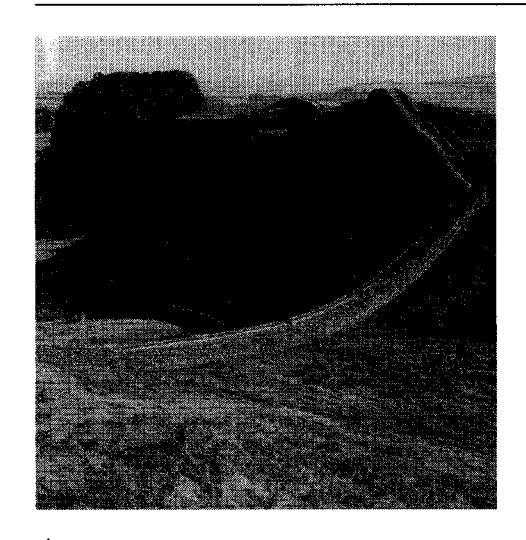
Такой подход, очевидно, успешно работал на богатом юге Британии, но на более бедном и менее покорном севере продолжала сохраняться неприязнь к римским завоевателям, которая подогревалась относительно малым вкладом римлян в процесс «цивилизации» в северных областях. В 155 году бриганты подняли открытый мятеж, и римлянам понадобилось целых три года, чтобы вновь установить свой контроль на севере. Но даже 20 лет спустя обстановка в

* Корнелий Тацит. «Жизнеописание Юлия Агриколы». Пер. А.С. Бобовича.

Британии оставалась настолько напряженной, что Марк Аврелий, победив языгов, отправил их к Адрианову валу. В Британии они были известны как сарматы. Ранее он, несомненно, намеревался более сурово покарать языгов и изгнать их за пределы Империи, но вместо этого решил отправить этот большой отряд степных воинов в Британию.

Это решение отправить туда такое количество войск и так поспешно примечательно само по себе, особенно если учесть то, что все эти воины были всадниками. При обычных обстоятельствах римскому легиону при 5000 пехотинцев придавались отряды конницы — алы, то есть «крылья» — численностью 120 всадников. В кавалерийской когорте (cohors equitata) насчитывалось от 350 до 420 пехотинцев при 120 всадниках, однако римляне даже не допускали мысли о том, что конница может численно превосходить пехоту, за исключением каких-то особых обстоятельств.

Как раз такие обстоятельства и сложились у вала Адриана. В конце II века вал Адриана охраняли около 12 000 воинов. Небольшие отряды были размещены в крепостях и так называемых мильных фортах, которые представляли собой укрепленные проходы, расположенные вдоль вала на расстоянии одной мили друг от друга. Гарнизонную службу несли пехотинцы, но это не означало, что они осуществляли патрулирование на самой стене. Их задачей было прежде всего контролировать проход гражданских лиц через ворота вала, а также вести наблюдение на сторожевых башнях. В обязанности конницы входило патрулирование территории перед валом, поиск и перехват вражеских отрядов, прежде чем они достигнут вала.

Адрианов вал

Вал сам по себе не мог быть препятствием для участвующих в набегах пеших воинов, которые могли перебраться через него, но лошадям было не под силу преодолеть эту преграду. Пиктам и каледонцам для совершения успешных вылазок вглубь римской территории необходимо было захватить один из укрепленных проходов на линии вала. Римляне обнаружили, что самым надежным способом предотвратить эту угрозу было постоянное конное патрулирование пространства перед валом. Прибывшим к валу Адриана языгам (сарматам) было предписано взять эту обязанность на себя. Они должны были охранять вал под началом своих собственных командиров, но под общим командованием римского военачальника — Луция Артория Каста.

Мы можем предположить, что сарматским всадникам потребовалась приблизительно два года, прежде чем они пересекли территорию от Венгрии до Северной Англии и обосновались на своих новых позициях у вала в напряженной атмосфере внезапных набегов и разведывательных атак со стороны северных племен. В 180 году ситуация вновь обострилась. Целая армия грабителей, пробив в валу брешь, прошла на

юг по восточной римской дороге (Дери-стрит) до самого Йорка. Там они убили римского наместника, перебили целый легион и разграбили город. Мятеж удалось полностью подавить только к 184 году, но вскоре после этого, в 185 году, в Британии взбунтовалась армия. В последние годы II века волнения происходили одно за другим, и, без сомнения, коннице языгов (сарматов) пришлось участвовать во многих опасных сражениях. Они прибыли в Британию в бурные времена.

В 1994 году двое ведущих американских специалистов по артурианской эпохе, Скотт Литтлтон и Линда Малкор выдвинули предположение о том, что вышеперечисленные события могли бы стать ключом к пониманию списка битв Артура, составленного Неннием. Суть их теории состоит в том, что настоящим Артуром был римский полководец Луций Арторий Каст, которому было поручено восстановить порядок на севере Британии и которому пришлось отражать набеги вторгавшихся с севера врагов. Литтлтон сконструировал правдоподобный сценарий, основанный на названиях битв, приведенных Неннием. Он проложил гипотетический маршрут продолжительного похода — сначала в южном направлении по Дери-стрит на Йорк, а затем через Пеннинские горы в направлении сарматской тыловой базы у Рибчестера. После произошедшей здесь битвы вторгшиеся на римскую территорию грабители были отброшены к устьям рек Рибл и Дуглас на Ланкаширское побережье, где последовало еще несколько битв по мере того как враги отступали вверх по долине реки Дуглас. Затем на обратном пути они пересекли Пеннины и постепенно

были оттеснены в Шотландию, где были окончательно разбиты Луцием Арторием Кастом и его сарматской конницей.

Это захватывающая гипотеза, отчасти поддерживается топонимическими данными (хотя события происходили в совершенно другой последовательности), но кроме битвы при Городе Легионов и необычного имени римского генерала, других исторических свидетельств в поддержку этой гипотезы не существует.

Сведений о судьбе языгов (сарматов) в Британии у нас немного. Доподлинно известно, что их отряды стояли на севере Британии на протяжении всего III века, и еще в IV веке они сохраняли свою самобытность. Ветераны выходили в отставку и селились в кавалерийском форте Bremetennacum Veteranorum, около современного города Рибчестер в Ланкашире. Этот форт являлся также их тыловой базой, куда они возвращались после смены на передовой линии Адрианова вала. На посвященной богу Аполлону Мапону [115] табличке, которая сейчас хранится в маленьком местном музее, ясно читается надпись «От конного отряда сарматов».

Самым впечатляющим из всех относящихся к данной теме материальных свидетельств является каменный барельеф, выставленный в настоящее время в городском музее Честера. На камне изображен сармат верхом на коне, в остроконечном головном уборе и

развевающемся плаще. Всадник держит над головой штандарт в виде дракона. Сарматские бусы, фрагменты узды и другие мелкие предметы, найденные в фортах вдоль стены Адрианова вала, подтверждают длительное присутствие сарматов, но письменные источники не сообщают ничего определенного о том, чем они занимались и что с ними стало. В конце концов, для образованной римской элиты эти люди были не более чем еще одной группой полезных, но не заслуживающих внимания варваров.

Изображения сарматского всадника с драконовидным штандартом на погребальной стеле из Честера. Фотография и прорисовка-реконструкция.

Хотя о деталях пребывания сарматов в Британии нам известно немного, но мы достаточно информированы об отношении римлян в целом к своим наемным войскам как в Британии, так и в других частях империи. Это позволяет нам предположить, что смешение — как физическое, так и культурное — между варварами и местным населением происходило и здесь. Сарматы были взяты на военную службу в качестве наемников. Обычно наемники не были гражданами Рима (которым предоставлялось право вступать в легионы, считавшиеся настоящей армией), их в основном набирали из местного населения. Наемные

войска, в особенности конница, выполняли вспомогательные функции, в отличие от легионов.

На колонне Траяна изображено, как сарматские и прочие всадники-наемники ведут разведку, захватывают пленных, сжигают деревни и сражаются. Легионеры строили дороги, мосты, казармы, валы и тому подобное, но участвовали только в действительно крупных сражениях. Хотя наемникам и не платили столько же, сколько легионерам, все же они получали денежное довольствие, продовольственный паек и обеспечивались казенным жильем. Срок их службы составлял 25 лет. Всадники получали большее жалованье, чем другие наемники, и таким образом имели высокий статус в местных общинах.

Учитывая, что солдаты получали жалованье, их деньги неизбежно привлекали гражданское население в те отдаленные места, где римляне строили свои сторожевые заставы и форты. За воротами фортов в короткое время появлялись деревни или даже небольшие города с лавками, постоялыми дворами, публичными домами, жилищами торговцев, а также гражданских жен состоящих на службе солдат. Форты сами по себе нуждались в постоянных поставках продовольствия, напитков, кож, дров, а также керамических и железных изделий, что привлекало в эти поселения и ремесленников и торговцев. Можно с уверенностью сказать, что в начале III века в Северной Англии, где были дислоцированы 5500 сарматов, подобные городки, а также расположенные в тылу поселения ветеранов, стали настоящими плавильными котлами, в которых смешивались воедино навыки, таланты, знания, представления и верования степняков и местного бриттского населения.

Важным фактором такого смешения была религиозная терпимость римлян. Хотя у них был собственный пантеон, они с легкостью присоединяли чужих богов к своим, вводя многие местные кельтские божества в свои храмы и религиозные церемонии. Их абсолютно не беспокоило появление новых культов, часть которых определенно происходила из Азии и с Востока. Так, примерно посредине Адрианова вала находится хорошо сохранившийся храм Митры [116].

Без сомнения, подобная религиозная терпимость и всеобъемлющий религиозный синкретизм распространялись и на вновь прибывших сарматов с их почитанием священного меча как воплощения военного божества, который они вонзали в землю, а затем вытаскивали. Божественный меч был настолько могущественным и значимым символом для сарматов, что когда сплоченная масса людей, состоящая из 5500 мужчин, оказалась в этой ситуации религиозной терпимости среди других (римских и британских) воинов, они наверняка с гордостью принесли свои традиции почитания меча на британскую землю. Наряду с устной традицией это представляется мне наиболее правдоподобным объяснением распространения в Британии мотива «меча в камне», который, должно быть, имел место задолго до того, как он появился в легендах об Артуре.

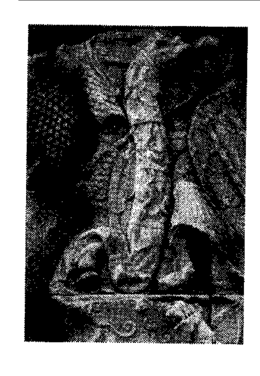
Я упомянул об устной традиции, так как мы достоверно знаем, что скифы и сарматы были носителями богатой мифологии, а их предки были участниками приключений, которые легли в основу этих мифов. Мы также знаем из современных и исторических источников, что наши кельтско-британские

родственники и предки были и остаются по сей день непревзойденными рассказчиками и любят послушать хорошую легенду из чьих-либо уст.

Так как сарматы обустроились в новой обстановке и научились общаться со своими новыми женщинами и детьми на местном кельтском диалекте, кажется совершенно естественным, что сказания сарматов о великих волшебных деяних их героев, предков и богов распространялись среди этого нового смешанного населения. Учитывая, что большинство бриттов были неграмотны, мы можем быть уверенными в том, что пересказ легенд и мифов являлся очень важной частью их жизни. Эта традиция постоянно упоминается в легендах об Артуре, когда король или королева неизменно приказывают возвращающимся в Камелот рыцарям рассказать о своих странствиях и приключениях.

Искусство верховой езды сарматов, как и достоинства их коней, сразу же стали для всех очевидны. Их кони были несколько крупнее и намного лучше лошадей местной породы. Ранее искусство сарматских наездников поразило римлян, теперь же, несомненно, — наряду с их великолепным конским снаряжением, всадническим облачением, доспехами и оружием — привлекло внимание местной британской знати.

Большинство наемников сохраняло свою национальную одежду, доспехи и вооружение, а некоторым разрешалось сохранять и свои боевые штандарты. В действительности римляне были настолько поражены мастерством наемной сарматской конницы, что в III веке во всех собственных кавалерийских подразделениях ввели их штандарт, который они называли «драконом» (draco), а знаменосцев — драконариями

Изображение сарматского драконовидного штандарта с колонны Траяна.

(draconarius). Символ дракона стал настолько популярен, что когда император Констанций I[117], восстановив порядок в Британии, триумфально вступал в Рим, его окружало множество издававших свист пурпурных шелковых драконов с извивающимися на ветру хвостами. Это название, очевидно, прижилось, так как и в сегодняшней британской армии кавалеристов называют драгунами — от слова «драконарий».

Когда сарматы в 175 году прибыли в Британию, бритты увидели не только новую манеру верховой езды, но и познакомились с целым рядом предметов снаряжения, специально приспособленного для нужд всадников — сбруей, костюмом, доспехами и вооружением. Появление всех этих атрибутов в артурианских легендах не может быть простым совпадением.

Наверняка почти все те сарматы, которые были еще живы после окончания своего двадцатипятилетнего срока службы, остались в Британии, а их дети, выросшие в атмосфере военного лагеря, стали, естественно, следующим поколением воинов для римской армии.

Армия должна была быть заинтересована в том, чтобы сарматы обжились на новом месте и воспитали новое поколение, способное унаследовать необыкновенное мастерство верховой езды своих отцов. Для подкрепления этого процесса римляне предусмотрели

особый стимул. По окончании срока службы наемники, их жены и дети получали римское гражданство и освобождались от уплаты налогов. Гражданство означало, что их сыновья могли поступать на службу в легионы, с более высоким жалованьем, а после завершения службы — получать значительную денежную сумму или земельные наделы. Это была хитроумная уловка Рима — сделать получение гражданства доступным, даже желанным для своих бывших врагов, и уловка работала! Чтобы затруднить возвращение отставных наемников на родину, римляне просто отказывались оплачивать расходы, связанные с их возвращением в родные края после окончания службы. Сарматы остались в Англии, вырастили новые поколения всадников и передали британцам свои навыки, знания и обычаи.

Рассматривая интеграцию сарматов в римскую Британию, следует отметить два других важных фактора. Прежде всего, сарматы разделяли общую участь с бриттами, так как оба эти народа находились под игом Римской империи. Римские историки, такие как Тацит, хотели уверить нас, что римлянам удалось одурачить подвластных им варваров и заставить их считать привилегией то, что они являются частью их прославленной империи. Однако имеющиеся свидетельства не поддерживают эту точку зрения. На протяжении всего периода существования империи сообщается о «волнениях в Британии», и эти волнения отнюдь не всегда зарождались к северу от Адрианова вала.

В то время, когда сарматы прибыли в Британию, отношение бригантов, населявших земли в районе

Адрианова вала, к Риму было весьма противоречиво. И вотадины, бриттское племя, обитавшее к северо-востоку от вала, хотя формально и считалось союзником Рима, предпочитало оставаться вне прямого римского контроля, создав свое «независимое» маленькое государство между римской Британией и пиктской Шотландией. Сарматы, которым было поручено патрулирование «ничейной земли» перед валом, действовали на землях этих независимых бриттов и, без сомнения, общались, а также сражались бок о бок с ними. Если вспомнить, что у континентальных сарматов существовало такое же неоднозначное отношение к римлянам на их далекой родине, надо думать, что они относились с большой симпатией к таким народам, как бриганты и вотадины.

Следует помнить, что, даже будучи побежденными, эти люди продолжали считать себя самыми лучшими воинами из живущих на земле, относившимися к правящей элите своего народа. На протяжении веков они, как и их прародители, считали своим правом, обеспечиваемым ратными подвигами, вступать в союз и родниться с равными себе семьями того народа, с которым тесно соприкасались, будь то другие кочевники, готы, вандалы, галлы или бритты. Они побеждали как в поединках, так и в массовых сражениях, и это ставило их над общей массой, вызывая уважение, может быть даже благоговейный трепет местных бриттских вождей.

В Азии, на Ближнем Востоке и в Восточной Европе — повсюду происходило то же самое: как только какой-нибудь вождь видел, на что способны эти воины, он тут же прилагал энергичные усилия, что-

бы привлечь их на свою сторону. Так что по меньшей мере элита сарматов не ассимилировалась с местным крестьянским населением, но смешалась через взаимные браки с теми, кого считала себе ровней — конной аристократией бригантов и вотадинов.

В 1999 году шотландский автор Алистер Моффат убедительно доказал, что вотадины заимствовали сарматское мастерство верховой езды и смешались с сарматами. Вотадины были единственным бриттским племенем, жившим за пределами римских владений, на которое возлагалась задача держать под постоянным контролем пиктов, и которому удавалось сохранять свое военное значение на протяжении всего периода римского завоевания.

Рассмотрев злополучный ненниевский список битв, Моффат составляет свой собственный, основанный на топонимике, перечень битв Артура на земле Шотландии и поблизости от нее. Любопытно, что в ряде случаев его локализация некоторых битв совпадает с предложенной Литтлтоном, хотя в то время они еще не были знакомы с работами друг друга.

Моффат также утверждает, что Артур сражался с пиктами (а не с саксами, как сообщает Ненний), хотя при этом помещает своего Артура в общепринятый период, около 500 года. К сожалению, и в этом случае, не считая топонимических свидетельств (которые к тому же встречаются в неправильном порядке) последовательности этих битв, нет никаких других доказательств, подтверждающих существование этого шотландского Артура периода Темных Веков.

Хотя сарматы прибыли в Британию не в качестве победителей, их приход произвел сильное впечатле-

ние. Им удалось оставить свой след, который безошибочно распознается и в артуриане. По крайней мере мы можем сказать, что они принесли с собой в Британию мастерство верховой езды и свой стиль ведения боя — ставший архетипом артурианы. Несомненно, именно они принесли с собой представление о «волшебном мече», а обычай вонзать его в землю и вытаскивать оттуда был, наверное, важным в их ритуальном календаре. Воспитанные женщинами-воительницами, они проявляли совершенно другое, более учтивое и уважительное отношение к британским женщинам, лишенное, по крайней мере, того презрения, которое было характерным для римлян.

Основной контингент сарматов прибыл в Британию в конце 70 годов II века, но это не означает, что они оказались полностью оторваны и изолированы от остального мира, неся патрульную службу на валу Адриана. В 196 году наместник Британии Клавдий Альбин, объявив себя императором, с большим войском пересек Ла-Манш и вторгся в Галлию. Для этого похода он отозвал войска охранявших вал гарнизонов, войска, которые несомненно включали и значительный контингент сарматской конницы. Альбин был разбит законным императором Севером в феврале 197 года и тогда же в Британии укрепления Адрианова вала были снова разрушены каледонцами.

Для замирения мятежных племен Британии римлянам в первые годы III века пришлось провести несколько военных кампаний, первую из которых возглавил сам Север, а последующие — его сыновья Гета и Каракалла. В результате этих кампаний, в которых, несомненно, наряду с легионерами принимали участие лучшие из размещенных на валу сарматов, римляне продвинулись далеко на север, в места, где сейчас находятся Эдинбург и Данди, и там были построены форты.

Север умер в 211 году, и его сын Каракалла подписал договор с северными варварами до того, как обезопасил свое положение, убив собственного брата Гету. Римлянам пришлось, оставив новые шотландские форты, вернуться на старую границу вдоль Адрианова вала, хотя они все еще вменяли в обязанность своей кавалерии патрулировать местность к северу от вала и отражать нападения вторгающихся на римскую территорию врагов. Такая неустойчивая обстановка вызвала у римских верховных правителей своеобразную реакцию. В 213 году по всей Северной Британии на стенах фортов внезапно появились надписи, подчеркивающие верность армии Каракалле, что является верным признаком витающего в воздухе духа смуты. Это был тот тип нестабильного политического климата, в котором сарматы всегда были на высоте.

В Британию регулярно наведывались старшие должностные лица, что без сомнения создавало для сарматов, как и для многих из их сородичей в континентальной Европе, благоприятные возможности проявить себя в качестве провожатых или эскорта. Хотя события 175 года были достаточно масштабны, чтобы быть

зафиксированными в деталях, мы знаем, что на протяжении всего периода существования Империи римляне постоянно пытались привлекать на службу наемную конницу. В этом качестве в римскую армию поступало и большое количество сарматов. Вполне вероятно, что какие-то из этих сарматских наемников также перебрасывалась в Британию для охраны Адрианова вала, наполняя и расширяя те смешанные кровнородственные линии, которые зародились в 170-х годах.

Сарматов притягивали не только богатство и утонченность Империи. Их толкали к переселению на римскую территорию и внешние причины, которые в итоге привели к исчезновению с исторической арены как сарматов, так и римлян. Одна из таких причин стала обозначаться приблизительно в начале II века. В то время Северную Европу населяли германоязычные племена. Это были воинственные народы; во многом схожие по образу жизни и типу с галлами и бриттами, они также вели смешанное хозяйство, занимаясь земледелием и скотоводством.

Согласно некоторым источникам, приблизительно в конце II века эти народы выработали более эффективные способы земледелия, используя в качестве удобрения навоз и тем самым сократив время содержания полей под паром между урожаями. Увеличение урожайности привело к росту населения и дало импульс для территориальной экспансии. Наиболее заметными из этих племен, приступивших к захвату новых земель, был народ, который римляне называли готами [118]. Этот народ на протяжении первых двух веков нашей эры занимал бедные песчаные земли на

территории современной Северной Польши. Так как эта земля лежала вдалеке от римской границы, мы не располагаем достаточной информацией о точном времени и характере миграции готов. Однако известно, что в 238 году они предприняли первую атаку на Римскую империю, нанеся удар не по северным ее границам, а по городу Истрия в устье Дуная, так как к этому времени уже произошло их массовое переселение в Причерноморье. В течение последующих 30 лет они прочно обосновались на древних землях сарматов и неоднократно пересекали Дунай для набегов на Римскую империю.

Римляне использовали термин «готы», чтобы отнести этих незваных гостей к какой-то категории; судя по всему, ядро их состояло из родов германской военной аристократии. Однако современные ученые едины во мнении, что это римское определение было общим термином для социальных групп, более разнородных, чем покрывает значение данного термина. В самом начале своего формирования как нации готы состояли из нескольких различных этнических групп, из которых по крайней мере одной были степные кочевники. В этом отношении термин «готы» довольно близок к термину «скифы» — это чужестранное обобщающее определение для обозначения общества, которое в этническом плане на самом деле было вовсе не однородным.

К 271 году многолюдное племя, которое римляне называли вестготы («западные готы»), основало свое собственное королевство и установило отношения с сарматами. В это же время многие другие германские племена, среди которых были вандалы, остроготы,

свевы, квады — стали возделывать богатый чернозем на той территории, где когда-то была Киммерия, затем Скифия, а потом Сарматия. После их поселения в Сарматии сначала имели место вооруженные столкновения, но сарматы, по-видимому, все-таки приняли этих незваных гостей-земледельцев и даже стали обучать их военному мастерству. До прибытия на территорию сарматов германцы не были выдающимися наездниками, но в последующие годы они ясно увидели все преимущества сарматской конной тактики и с энтузиазмом ее заимствовали.

Уверенные в своем новоприобретенном искусстве, готы продолжали осуществлять набеги на Римскую империю и с каждым годом их нападения становились все более дерзкими. В 250 году они предприняли крупномасштабный поход за Дунай, перезимовали на римской земле, а в 251 году нанесли поражение римским легионам и убили императора Деция. В 268 году они осуществили нападение одновременно с суши и с моря; их флот, прорвавшись в Эгейское море, в течение года занимался грабежами, прежде чем был оттеснен обратно за Босфор в Черное море.

В 282 году сарматы, почуяв, куда дует ветер, приняли участие вместе со своими германскими союзниками в набегах на римскую провинцию Паннонию. Это вызвало такую ярость римлян, что между 290 и 313 годами в Сарматию было послано восемь карательных экспедиций, нанесших значительный ущерб сарматам и ослабивших их. Однако подчинить сарматов Риму не удалось. Рейды на римскую территорию продолжались на протяжении IV века, при этом

иногда сарматы нападали одни, иногда в союзе со своими новыми германскими соседями. Впрочем, когда сарматы не совершали набегов, они, очевидно, вели переговоры, убеждая римлян купить мир с ними в обмен на их клятвенную верность императору.

Один из интереснейших (и наиболее циничных) римских историков, Аммиан Марцеллин, оставил подробный рассказ о сарматских делах в 358 году. Грек по происхождению, Аммиан в течение многих лет служил в римской армии, писал на латыни и смотрел на мир исключительно с римской точки зрения:

*У этих племен (квадов и сарматов) больше сноровки для разбоя, чем для открытой войны; они вооружены длинными пиками, носят панцири из нарезанных и выглаженных кусочков рога, нашитых наподобие перьев на льняные одеяния ... Они проезжают огромные пространства, когда преследуют неприятеля или когда бегут сами, сидя на быстрых и послушных конях.**

Далее он сообщает, что весной 358 года император Констанций нанес неожиданный удар по сарматам и одержал быструю победу. На этот раз император был настроен великодушно и решил проявить снисходительность, памятуя о том, что сарматы недавно пережили гражданскую войну с восставшими против них собственными «рабами». Повелев сарматам дать ему заложников, он решает не досаждать им более и дарует им мир «как исконным клиентам Рима»:

* Здесь и далее отрывки из Аммиана Марцеллина приводятся в переводе Ю.А. Кулаковского и А.И. Сонни.

Они выдали своих детей заложниками в ручательство того, что исполнят возложенные на них условия, и, достав мечи, которые они чтут как богов, клялись на них сохранять верность.

Хотя мы уже отмечали, что взятие заложников не является характерным для артурианы мотивом, в данном отрывке мы находим еще одно ясное свидетельство о священных мечах у степных кочевников, уже вполне в духе артурианских сказаний.

Вопреки этому сообщению Аммиана Марцеллина об изъявлении покорности сарматами, они продолжали свои набеги (в 364, 374 и 378 годах) до тех пор, пока не потерпели окончательного поражения от императора Феодосия Великого в 384 году. Но еще до того как это произошло, намного более мощная сила вызвала появление новых волн с востока.

Уже со II века народы степей снова стали испытывать давление, толкавшее их на запад. К востоку от сарматов находились родственные им аланы, которые также говорили на языке иранской группы и имели с ними общую культуру, хотя подверглись меньшему культурному влиянию со стороны римлян. Римские наблюдатели считали их вследствие этого намного более сильными и опасными, чем сарматы. Однако вовсе не аланы оказывали давление на соседей в первые столетия нашей эры. За ними, дальше к востоку, находились так называемые гунны (воз-

можно, тот самый народ, который китайцы называли сюнну), постоянно нападавшие на восточные границы аланов. Это давление продолжалось на протяжении II—III веков, а к IV столетию гунны достигли Азовского моря.

У нас нет подробной информации о действиях алан по защите своего тыла, но мы точно знаем, что к IV веку гунны имели новый лук, значительно превосходящий по силе двоякоизогнутый лук скифов. Новое оружие гуннов придавало стреле такую скорость полета, что она могла пробивать доспехи. Возможно, именно этот фактор стал решающим в противостоянии гуннов с аланами, поскольку во всех других отношениях тактика и навыки гуннов были практически такими же, как у их аланских соседей.

Аланы не выдержали постоянного давления превосходящих сил гуннов. Часть алан отступила на запад в земли, занятые сарматами и недавно прибывшими готами, вандалами и другими племенами германских переселенцев. Поскольку аланы прибывали в эти земли частью как беженцы, частью как захватчики, там происходили как конфликты, так и примирения. Из римских свидетельств ясно, что аланы поддерживали тесные связи с остававшимися в Причерноморье сарматами, и последующие события подтвердили умение алан создавать союзы и находить общие интересы с новыми готскими королевствами этого региона. В то время как эта часть алан попала в великий «плавильный котел» Восточной Европы, другие отступили высоко в Кавказские горы, образовав отдельный анклав, который совершенно невероятным образом сохранился до наших дней.

У алан была еще третья возможность — примкнуть к гуннам, что некоторые из них и были вынуждены сделать. Имеются ясные свидетельства, что этот путь выбрали многие из них, некоторые — по принуждению, другие — добровольно. История убеждает нас, что степные номады всегда выбирали правильную сторону в правильное время, а племена гуннов в середине IV века были на подъеме.

После этого натиск гуннов достиг пика своей мощи. Начиная приблизительно с 355 года они неуклонно продвигались на запад, наголову разбивая и рассеивая оставшиеся разрозненные сарматские племена. В начале 70-х годов IV века они разгромили могущественное королевство остготов, продвигаясь дальше, чтобы в 376 году нанести поражение королевству вестготов, которым правил тогда Германарих. По имеющимся свидетельствам об этих битвах, гунны ставили алан в авангарде своего войска, и аланы возглавляли атаки, принесшие гуннам победу.

376 год стал поворотным пунктом для европейской истории. На протяжении всего года римские командиры приграничных гарнизонов на Дунае все чаще и чаще получали доклады о беспокойстве по ту сторону границы. Поначалу они не принимали всерьез эти сообщения, полагая, что речь идет об обычных внутренних распрях между варварами, но затем стали прибывать беженцы. Осенью 376 года 200 000 человек умоляло разрешить им перейти через Дунай, под защиту Римской империи. В конце концов римляне впустили беженцев, тем самым посеяв семена своего собственного падения.

Двадцатипятилетний период римской истории с 354 по 378 годы представлен Аммианом Марцеллином в мельчайших подробностях. Его рассказ производит большое впечатление: ведь автор был современником описываемых событий и свидетелем некоторых важных эпизодов, поэтому он описывает их чрезвычайно эмоционально. Будучи подданным Римской империи, Аммиан Марцеллин не мог быть, разумеется, бесстрастным повествователем, и его произведение становится горестным стенанием о бедствиях своего народа. Он преподносит типично римскую точку зрения на падение Империи.

Аммиан приступил к написанию своей 31-й книги в 376 году. Она начинается со строк, которые Шекспир, должно быть, прочитал до того, как в своей трагедии «Юлий Цезарь» описал сцену убийства, происшедшего на мартовские иды.

Между тем Фортуна со своим крылатым колесом, вечно чередуя счастливые и несчастливые события, вооружала Беллону вместе с фуриями и перенесла на Восток горестные события, о приближении которых возвещали совершенно ясные предсказания и знамения. Помимо многих вещих предсказаний, изреченных прорицателями и авгурами, были еще и такие знамения: метались собаки под вой волков, ночные птицы издавали жалобные крики, туманный восход солнца омрачал блеск утреннего дня...

Затем Аммиан цитирует греческое поэтическое пророчество, высеченное на каменной плите, незадолго до того найденной при сносе обветшавших стен Халкедона:

В эту годину толпа несметная бранных народов,
Силой прошедши Дуная прекрасно текущего волны,
Скифов обширную область и землю мизийцев погубит.
В дерзком и диком порыве вступивши в страну пеонийцев,
Там же и жизни конец обретет и жестокую гибель.

Он продолжает делиться своими взглядами на причину всех бедстий, «вызванных яростью Марса»:

Племя гуннов ... превосходит своей дикостью всякую меру. Так как при самом рождении на свет младенца ему глубоко прорезывают щеки острым оружием, чтобы тем задержать своевременное появление волос на зарубцевавшихся надрезах, то они доживают до старости без бороды, безобразные, похожие на скопцов. Члены тела у них мускулистые и крепкие, шеи толстые, они имеют чудовищный и страшный вид, так что их можно принять за двуногих зверей...

Итак, первая деталь, которую отмечает Аммиан, — отсутствие бороды. Он напрямую связывает это со скопцами, — темой, присутствующей в артурианских легендах. Его сообщение об обычае уродовать шрамами лица младенцев с тем чтобы предотвратить рост бороды, представляет явно дикое, хотя и довольно оригинальное объяснение причин отсутствия бороды у монголоидов. Их обезображенная шрамами гротескная внешность сочетается с экзотическим образом жизни, окрашенным намеком на сексуальные отклонения:

Они так закалены, что не нуждаются ни в огне, ни в приспособленной ко вкусу человека пище; они питаются корнями диких трав и полусырым мясом всякого скота, которое они кладут на спины коней под свои бедра и дают ему немного попреть... Они кочуют по горам и лесам, с колыбели приучены переносить холод, голод и жажду... Без определенного места жительства, без дома, без закона или устойчивого образа жизни кочуют они, словно вечные беглецы, с кибитками, в которых проводят жизнь; там жены ткут им их жалкие одежды, соединяются с мужьями, рожают, кормят детей до возмужалости... Подобно лишенным разума животным, они пребывают в совершенном неведении, что честно, а что нечестно, ненадежны в слове и темны, не связаны уважением ни к какой религии или суеверию, пламенеют дикой страстью к золоту... Этот подвижный и неукротимый народ, воспламененный дикой жаждой грабежа, двигаясь вперед среди грабежей и убийств, дошел до земли аланов.

Аммиан, очевидно, не мог представить себе более вырождающуюся человеческую расу. Однако за этой циничной насмешкой совершенно ясно проглядывает тот факт, что образ жизни гуннов во многом напоминает образ жизни алан, сарматов и их прародителей. Но когда дело доходило до приемов ведения войны, даже Аммиан вынужден неохотно признать, что они не имели себе равных. Объяснив, что из-за плохо выделанной обуви гунны редко покидают седло и порой даже спят, сидя верхом, он сообщает, что они управляются не царем, но

довольствуясь случайным предводительством кого-нибудь из своих старейшин, сокрушают все, что попадает на пути.

Иной раз, будучи чем-нибудь обижены, они вступают в битву; в бой они бросаются, построившись клином, и издают при этом грозный завывающий крик. Легкие и подвижные, они вдруг специально рассеиваются и, не выстраиваясь в боевую линию, нападают то там, то здесь, производя страшное убийство. Вследствие их чрезвычайной быстроты никогда не приходилось видеть, чтобы они штурмовали укрепление или грабили вражеский лагерь. Сойдясь врукопашную с неприятелем, бьются с беззаветной отвагой мечами и, уклоняясь сами от удара, набрасывают на врага аркан, чтобы лишить его возможности усидеть на коне или уйти пешком.

Единоборства, молниеносные удары конницы, разящие удары мечами в тесной схватке и яростные боевые кличи — это все знакомые нам темы. Вопреки утверждениям Аммиана относительно отсутствия у гуннов религии, из других источников нам известно, что у них все-таки были предметы, считавшиеся священными. В середине V века, когда гунны во главе с Аттилой были на вершине своего могущества, в римских посольствах, направлявшихся для переговоров с ними, обычно принимал участие грек по имени Приск, впоследствии опубликовавший свои наблюдения [119].

Приск действительно встречался с Аттилой и участвовал в некоторых переговорах с ним. После одной из своих поездок он вспоминает любопытный эпизод, когда гуннский пастух заметил, что у одного животного из стада кровоточит нога. Пройдя по кровавому следу, он обнаружил старый заржавленный меч, скрытый в траве. Вытащив меч, он принес его в ставку Аттилы. Тот немедленно объявил, что это меч бога

войны, который почитался древними вождями гуннов, но затем был утерян. Внезапное возвращение меча, объявил Аттила, несомненно, принесет ему могущество в войнах и дарует победу. Затем, как свидетельствуют записи Приска, Аттила позаботился о том, чтобы эта история стала известна повсюду. Как только эта новость распространилась, говорят, несколько его врагов просто отказались сражаться с ним, предпочтя сдаться, нежели испытать на себе божественную ярость волшебного меча Аттилы.

Эта история рассказывалась по всей Римской империи. В то же время распространялись слухи о надвигающейся угрозе и неминуемом уничтожении Аттилой цивилизованного мира. Шел 445 год. Примерно в это время родился предполагаемый исторический персонаж — британский король Артур. Разумеется, что никакой прямой связи между мечом Аттилы и представлением о Калибурне, или Экскалибуре, могло и не быть. Бесспорно одно: культ меча настолько глубоко проник в сознание конных воинов степей, что его чтили даже монголоидные, тюркоязычные гунны.

При описании алан Аммиан сообщает, что

они втыкают в землю по варварскому обычаю обнаженный меч и благоговейно поклоняются ему, как Марсу, покровителю стран, в которых они кочуют

В целом об аланах он высказывается не так язвительно, как о гуннах; по его описанию, почти все аланы

высокого роста и красивого облика, волосы у них русоватые, взгляд если и не свиреп, то все-таки грозен; они очень подвижны вследствие легкости воору-

жения, во всем похожи на гуннов, но несколько мягче их нравами и образом жизни

Он отмечает, что они в охотах и набегах доходят до Армении и Мидии (Персии); находя наслаждение в опасностях войны, они предпочитают погибнуть в бою, нежели состариться в покое. Обратив особое внимание на заботу алан о разведении прекрасных коней, Аммиан отмечает:

О рабстве они не имели понятия: все они благородного происхождения, а начальниками они и теперь выбирают тех, кто в течение долгого времени отличался в битвах

Иными словами, аланы управлялись вождями, которых римляне, без сомнения, назвали бы *Dux Bellorum* (военными вождями). Именно так называет Артура Ненний.

Я уже наметил в общих чертах, каким образом все эти характеристики обнаруживаются в артурианских легендах, но для моей аргументации это повторение очень важно. Аммиан писал в V веке, то есть в тот же период, что и грек Приск. А греческий историк Геродот в V веке до н.э., то есть за 850 лет до этого, оставил свидетельства о фактах, полученные им из первых рук. Поразительно, но подробности, приводимые у всех этих авторов, почти полностью совпадают.

Мы уже знаем, что образ жизни кочевников и формы их художественного и религиозного мышления созвучны артурианской традиции. Очевидно, что средства передачи этой культуры — обычаев и ритуалов — должны были быть чрезвычайно мощными. Практически одна и та же идеология обнаруживается от

Сибири, возможно, даже от Маньчжурии, до Дуная и далее до Британских островов.

Эта идеология с едва различимыми изменениями господствовала на протяжении почти тысячи лет на территории в тысячи миль. Более того, поскольку эти культуры были бесписьменными, мы можем безошибочно предположить, что их идеология передавалась в виде устной традиции.

Вероятно, эта точка зрения нуждается в небольшом пояснении. Приходя в церковь в наши дни, мы совершаем ряд необычных действий. Мы поем, преклоняем колени, закрываем глаза и складываем руки вместе. Мы смотрим на кресты, стоящие вертикально на алтарях, часто каменных. Принимая таинство Причастия, мы символически пьем Христову кровь из потира — золотой чаши Святого Грааля, и вкушаем человеческую плоть. Все это могло бы показаться весьма странным случайному наблюдателю, скажем, прилетевшему с Марса. Но, если бы этот марсианин мог читать и ему дали экземпляр Библии, то вскоре он бы обнаружил логическую подоплеку всех этих странных действий в церкви. Итак, если люди втыкали в землю мечи и поклонялись им (является ли сходство меча с крестом также простым совпадением?), приносили им жертвы и совершали иные подобные действия, — и все это на огромной территории в течение целого тысячелетия — могли ли эти люди не знать, *почему* они все это делают? Очевидно, существовала некая мифологическая основа, которая давала разумное объяснение их ритуальному поведению.

Они, несомненно, рассказывали предания, которые связывали волшебные мечи с отрубленными го-

ловами, священной кровью в золотых кубках, богинями-воительницами, золотыми драконами, эпическими походами, приключениями и битвами со сверхъестественными и квазиисторическими врагами. Но до сих пор мы прослеживаем только один путь, по которому эти легенды из Восточной Европы попали в Британию: их могли принести туда только поселенные у Адрианова вала сарматские всадники (язиги).

Но вернемся к истории. Натиск гуннов в 376 году стал причиной вынужденного массового исхода готов и алан с их территорий в Восточной Европе к границе Римской империи на Дунае. Местные римские военачальники сначала не позволяли никому пересекать границу, предоставив решение этого вопроса своему повелителю, императору Валенту [120]. В конце года Валент решил впустить беженцев на территорию Империи и, согласно сообщениям источников, 200 000 человек переправились через реку под защиту Рима. Не все беженцы были готами, это была этнически неоднородная масса. Здесь были также аланы, сарматы и даже гунны, которые сражались в качестве наемников на стороне остготов... В это время на другой стороне реки гунны и их аланский авангард опустошали разгромленное королевство остготов.

Однако не все складывалось благополучно для беженцев: корыстные римские чиновники грабили их, назначая непомерные цены на продовольствие, от-

бирали женщин и маленьких мальчиков для своих плотских утех. В ответ на это готы, аланы и гунны стали объединяться в банды и начали разорять римскую провинцию Фракию. В 377 году основная часть этих разбойничьих групп, состоящая по большей части из готов, была зажата римской армией в теснинах Балканских гор. Ряд попыток вырваться не увенчался успехом, но в конце концов нескольким всадникам удалось проскользнуть через римское оцепление и заключить союз с большим формированием алан и гуннов, посулив им существенную часть награбленного, если они освободят зажатых в капкане готов. Когда римляне узнали об этом союзе, они предпочли отступить и освободить блокированных готов, нежели испытать на себе яростный натиск объединенной алано-гуннской конницы. Смешанные силы готов, алан и гуннов продолжили разграбление Фракии, оставшись там на зимовку.

К весне 377 года Валент, император Восточной Римской империи, получил известие о том, что его племянник Грациан одержал ряд значительных побед над германскими племенами на Рейне и движется со своими войсками походным маршем, чтобы присоединиться к силам Валента для совместной атаки на чувствующих себя вольготно варваров во Фракии. Это сообщение вызвало у Валента чувство ревности, и он решил разделаться с варварами до прихода Грациана. Созвав военный совет, он выслушал мнения своих высших военачальников. Большинство склонялось к немедленным действиям, но, по версии Аммиана:

Магистр всадников по имени Виктор, хотя и сармат по происхождению, но неторопливый и осторож-

ный человек, высказывался, встретив поддержку у других, в том смысле, что следует подождать соправителя, что присоединив к себе подмогу в виде галльских войск, легче раздавить варваров, пылавших высокомерным сознанием своих сил. Победило, однако, злосчастное упрямство императора и льстивое мнение некоторых придворных, которые советовали действовать с возможной быстротой, чтобы не допустить к участию в победе, — как они это себе представляли, — Грациана.

На следующий день, когда войска были построены, римские стрелки предприняли явно несанкционированную атаку, за которой последовало поспешное и беспорядочное отступление. Ответный удар нанесла объединенная готско-аланская конница:

Как молния появилась она с крутых гор и пронеслась в стремительной атаке, сметая все на своем пути.

Разгорелась кровавая битва. Левое крыло римлян продвинулось до готского укрепления, образованного поставленными в виде круга повозками, но, не получив поддержки, дрогнуло и «обрушилось подобно прорванной плотине», опрокинутое аланской конницей.

Объединенная конница варваров хлынула во всех направлениях, сжимая римскую пехоту в плотную толпу и лишая ее всякой возможности организованного отступления. К полудню изнемогающие под палящим солнцем и натиском варваров римляне дрогнули и обратились в бегство. Сармат Виктор, командовавший римской кавалерией, сделал попытку спасти находящегося на поле битвы императора, но обнаружил, что его стоявший в резерве конный отряд таинственным образом исчез (вполне возможно, что

он примкнул к противной стороне). Решив для себя, что благоразумие — лучшее проявление доблести, Виктор тоже ускользнул с поля боя, оставляя Валента на растерзание готам и своим сородичам аланам. Гунны тоже приняли участие в кровавой бойне и после битвы получили свою долю добычи.

В тот день по крайней мере две трети римской армии было уничтожено в кровопролитном сражении, что стало величайшим поражением, которое когда-либо переживали римляне, и началом конца их империи. Это поражение было нанесено всадниками, обученными сражаться в традициях воинов степей. Это событие оказало влияние на всю последующую историю Европы, на всем протяжении Темных Веков, в Средневековье и в эпоху, когда жили и творили авторы легенд об Артуре.

С 378 года тяжелая конница безраздельно господствовала на полях сражений и на аренах рыцарских турниров, которые были своего рода спортом рыцарей и королей по всей Европе. Ни один уважающий себя король никогда больше не участвовал в битвах пешим.

Римляне инстинктивно осознавали опасность, которую представляла для их легионов тактика «молниеносного удара» конницы, но в ответ предпринимали весьма нерешительные меры, и эти меры были уже слишком запоздалыми. Римляне назначали сарматов и алан на командные должности в своей кавалерии, но так и не обзавелись достаточным количеством ударных отрядов тяжелой конницы, способных отражать натиск такого масштаба, какой устроили объединенные силы алан, готов и гуннов в битве у Адрианополя. Они сознавали, насколько стратегически

важными были такие войска, но допустили еще одну ошибку в своих долгосрочных планах по созданию своей собственной тяжелой кавалерии.

В IV веке они разместили большое количество сарматских войск в ключевых стратегических пунктах по всей империи, например, проходы в Альпах охранялись сарматской конницей. Но римляне расселяли этих всадников в качестве летов[121], выделяя им земельные наделы. Это означало, что значительное число всадников вынуждено было оставить свои мечи и седла и, взявшись за плуг, начать возделывать выделенные им земли. В результате в течение одного или двух поколений оседлой жизни многие из этих отборных конных воинов превратились в крестьян, а империя потеряла основной источник пополнения элитных конных подразделений, в которых она тогда больше всего нуждалась.

После 378 года ситуация для римлян не улучшилась. Объединенные силы готов, гуннов и алан продолжали опустошать земли империи, пока в 382 году согласно заключенному договору они не осели в римской провинции Мезии на Балканах. Это было первое массовое поселение варваров на территории Империи. Но получив недостаточное количество земли, они не успокаивались. Их взоры были направлены на запад, на саму Италию. Почти все первое десятилетие V века войска полководца Стилихона[122] сдер-

живали готские орды, но в 408 году он лишился власти. К 410 году готы под предводительством своего могущественного короля Алариха уже стояли у ворот Рима. Как обычно, их сопровождали крупные отряды алан и небольшое число гуннов. Все они приняли участие в разграблении города[123].

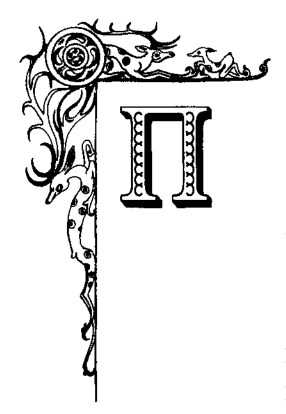
Именно в это время произошли события, которые имеют отношение к нашему рассказу — события, отвечающие на вопрос о том, *почему* имя Алан или Ален постоянно ассоциируется со Святым Граалем. Но прежде чем мы продолжим исследование этой связи, нам необходимо вернуться назад и выяснить, кем же на самом деле были аланы.

Глава 8

РАССВЕТ РЫЦАРСТВА

По утверждению Аммиана Марцеллина, аланы были древними массагетами, потомками жестокой царицы Томирис, которая одержала победу над персидским царем Киром и погрузила его отрубленную голову в сосуд, наполненный человеческой кровью. Он говорит, что аланы населяли «бескрайние просторы» Скифии и получили свое название от названия расположенных там гор. Об их землях Марцеллин пишет следующее:

Земля там всегда зеленеет травой, а кое-где попадаются сады плодовых деревьев. Где бы они ни проходили, они не терпят недостатка ни в пище для себя, ни в корме для скота, что является следствием влажности почвы и обилия протекающих рек.

Он осведомлен также о неоднородном составе народов, называемых аланами, и замечает:

Аланы, разделенные по двум частям света — Азии и Европы, кочуют как номады, на громадном пространстве на далеком друг от друга расстоянии, но с течением времени они объединились под одним именем и все зовутся аланами, потому что их характер, обычай, дикий образ жизни и вооружение везде одинаковы.

Согласно другой точке зрения, собирательное имя «алан» является производным от слова *Aryan* — ариец, арий. Первоначально это слово означало «благородный, знатный», хотя в наши дни, конечно, оно подразумевает расовый стереотип — стереотип, который очень хорошо подходит к описанию алан того времени как высоких и красивых блондинов с устрашающе грозным взглядом голубых или зеленых глаза.

Если аланы действительно были прямыми потомками массагетов, их родина находилась к востоку от Каспия. Как и все их предшественники, они также в течение веков продвигались в западном направлении и к I веку уже обосновались вдоль реки Дон и на берегах Азовского моря. Кроме того, были и группы алан, живущие ближе к современной румынской границе, на западном берегу Черного моря.

В начале нашей эры восточные аланы повторили тактику своих скифских предков и послали в Мидию большой вооруженный отряд, который напал на парфян и разгромил их, а затем вернулся домой с награбленными сокровищами и пленниками. Так как в то время римляне враждовали с парфянами, они с интересом наблюдали за военной доблестью алан и убеждали их напасть и на других врагов Рима. Но аланы угрожали также Армении, являющейся союзником Рима, и Каппадокии — провинции Римской

империи. Это вынудило Адриана послать в 134 году своего легата Арриана [124] вытеснить алан из этих мест.

Сохранилась часть составленного Аррианом плана сражения с аланами, из которого видно, что коварный полководец заранее знал, какую именно тактику будут использовать аланы. Он знал, что вначале аланы, несмотря на град летящих в них стрел, предпримут несколько конных атак против его пехоты, стараясь прорвать строй римлян. Арриан предвидел, что в случае неудачи аланы, скорее всего, отступят. Это был решающий момент битвы, поскольку при обычных обстоятельствах пехота стала бы преследовать спасающегося бегством врага, смешав свои ряды и рассыпавшись. Арриан настаивал на том, что так действовать нельзя. Пехота должна встретить врага градом стрел, камней и копий, и тогда:

есть надежда, что, из-за невыразимого множества снарядов, атакующие скифы более и не приблизятся к пешей фаланге; а если все же приблизятся, то, уперевшись щитами и подперев их плечами, надо выдержать это нападение как можно упорнее, напирая на них как можно сильнее, наиплотнейшей сомкнутостью трёх первых шеренг; четвертая же шеренга пусть метает поверх голов копья, а третья пусть беспощадно разит или метает контосы и в лошадей, и в их всадников. А когда враги будут отражены, то, если бегство станет очевидным, пусть расступятся именно пешие шеренги и атакуют всадники не целыми отрядами, но половинами их; первыми же пусть будут построены те, кто первыми и станут атаковать. Вторые же половины пусть последуют за атакующими также в строю, но не предаваясь полному преследованию, с тем, чтобы, если бегство станет

сильным, следовать за первой погоней своими неутомленными конями, а если со стороны врагов некий поворот случится, то напасть на повернувших.

Итак, к началу II века римляне уже были знакомы с аланской тактикой ведения боя, — «ложном отступлении», тактикой, которую аланы будут неоднократно успешно применять на протяжении почти 900 последующих лет.

Арриану удалось вытеснить алан из Каппадокии, а армянам пришлось откупиться от них дорогими дарами. Выплаченная дань стала, очевидно, более убедительным аргументом для ухода алан, нежели страх перед римской военной мощью. Во II—III веках аланы продолжали прощупывать пограничные территории, вступая в стычки и устраивая набеги, возможно, проникнув даже в Грецию в 40-х годах III века.

Как уже говорилось в предыдущей главе, во II—V веках аланам пришлось противостоять натиску со стороны германских племен, продвигающихся на юго-восток, и гуннов, двигающихся на запад, а кроме того, отражать карательные экспедиции, которые римляне регулярно снаряжали, когда очередному новому императору хотелось поразить своих подданных триумфальными победами над восточными варварами.

Во многих отношениях аланы были очень похожи на своих скифских предшественников, хотя они все-таки имели некоторые отличительные особенности, сыгравшие ключевую роль в их судьбе в более поздние времена. Во-первых, аланы, как мы знаем, не имели рабов. Это было необычным явлением для того времени, поэтому сразу же напрашивается вопрос, что же они тогда делали с военнопленными, если не

порабощали их? Ответ, похоже, будет следующий: они ассимилировали пленных в своем сообществе через систему определенных ритуалов, интегрируя пленников в свои собственные клановые структуры. В таком неоднородном обществе, как аланское, подобное явление представляется весьма вероятным, и, без сомнения, оно характерно и для других воинственных групп кочевников, например туарегов Сахары. В известном смысле, сам аланский «народ» являлся продуктом такого процесса в более широком масштабе, когда целые народы были сначала покорены аланами, а затем целиком интегрированы в их существующую социальную структуру.

У алан отсутствовали какие-либо ограничения для продвижения чужаков по иерархической лестнице аланского общества. Критерием для обретения авторитета и власти служили мастерство и боевой опыт. В этом отношении аланы существенно отличались как от своих германских соседей, так и от более далеких кельтоязычных галлов и бриттов. Эти последние управлялись советами почитаемых старейшин, аланы же презирали стариков, считая их слабыми людьми, у которых все уже в прошлом.

Аланы не только отладили механизм ассимиляции других народов, но и сами были способны ассимилироваться. К IV веку их территориальная целостность была нарушена гуннами и готами, которые разбили алан на несколько групп и ассимилировали некоторые из них. Этот период изобилует многочисленными примерами того, как аланы отказывались от своего родного языка, оставляли кочевой образ жизни, начинали заниматься земледелием и становились осед-

лыми. Однако даже перейдя к оседлости, аланы сохранили многие свои традиции, и одной из важнейших было мастерство верховой езды. Такая способность сосуществовать с другими народами, поддерживать дружеские с ними отношения и в то же время сохранять чувство собственной ярко выраженной индивидуальности сослужит хорошую службу аланам на восточных границах Римской империи в период Великого переселения народов.

История алан в V веке была непростой, так как к этому времени они уже не представляли собой единое целое, а были разбиты, по крайней мере на шесть групп. Одна группа отступила высоко в горы Кавказа, где аланы сохраняли свою независимость на протяжении веков и где их потомки до сих пор говорят на последнем сохранившемся в России языке иранской группы [125]. Другие группы продолжали пасти свои стада к северо-западу от Черного моря. По всей вероятности, здесь они сохраняли территориальную и политическую независимость на протяжении большей части V и VI веков, хотя, возможно, и платили дань гуннам, находившимся в зените своего могущества.

Сразу после поражения при Адрианополе император Западной Римской империи Грациан [126] привлек значительную часть алан к военной службе в метрополии за хорошее вознаграждение и разместил их на севере Италии. Проявив такую благосклонность к аланам, Грациан, вероятно, настроил против себя своих собственных военачальников, предательски убивших его. Преемник Грациана Феодосий [127], сознавая значимость привилегированных аланских войск, обеспечил им хорошее содержание. В то время, когда готы

под предводительством Алариха[128], в армии которого также было немало всадников-алан, испытывали на прочность рубежи Италии, Феодосий неоднократно обращался за помощью к аланам — союзникам Рима, чтобы задержать продвижение готов.

В 401 году римский военачальник Стилихон разместил аланскую конницу на ключевой позиции в битве при Поленции против готов Алариха. Римляне победили, но сражающиеся на их стороне аланы не смогли взять в плен Алариха и были заподозрены в тайном сговоре с врагом (небезосновательное предположение, если принять во внимание то, что они сражались против своих сородичей алан, выступающих на стороне готов). Это подозрение привело аланского командующего Саула в такую ярость, что при следующем столкновении с Аларихом, в битве при Вероне, он лично возглавил атаку на готов с правого фланга, но был убит в схватке. Его гибель по-видимому, вызвала замешательство в войсках, и ряды алан дрогнули. Однако вскоре подоспела мощная пехота Стилихона: аланы быстро перестроились, нанесли встречный удар и разгромили врага. Аланская тактика «ложного отступления» принесла победу и на этот раз.

Аланы в Италии продолжали защищать империю по крайней мере до 487 года, а одно из самых престижных кавалерийских подразделений было известно под названием *Comites Alani*. Похоже, что те аланы, которые решили остаться в империи, были верны своему выбору, хотя хаос, царивший вокруг них, часто вводил алан в искушение перейти на другую сторону.

Эти верные Риму аланы вошли в прямой конфликт со своими сородичами, когда на протяжении пер-

вого десятилетия V века Аларих и готы совершали походы на Рим. К 410 году Рим оказался беззащитным, и войска Алариха, состоявшие из христиан-вестготов и язычников-алан, хлынули в него.

Разграбление города было в деталях описано Орозием[129], который упоминает один конкретный эпизод, когда гот-христианин вошел в церковь в поисках золота и его встретила старая монахиня, которая рассказала, что у нее есть огромный тайник с утварью, украшенной драгоценными камнями—сокровищами, принадлежавшими не кому-нибудь, а святому апостолу Петру. Гот, потрясенный сказанным монахиней, послал известие о находке Алариху, который тут же приказал доставить и сокровища, и монахиню в базилику святого Петра под охраной. Церковь, в которой были найдены сокровища, находилась в другой части города. Вот как говорит об этом Орозий:

*И вот — о, величайшее зрелище для всех — открыто уносятся золотые и серебряные вазы, розданные каждая в чьи-то руки и возложенные на головы; торжественная процессия со всех сторон прикрывается обнаженными на случай защиты мечами; римлянами и варварами, поющими хором, возносится на виду у всех гимн Богу; ... сбегаются отовсюду к вазам Петра сосуды Христовы, присоединяются к христианам также многие язычники, принимая имя, хотя и не на веру, и благодаря этому на время, чтобы, тем самым еще больше прийти в замешательство, спасаются.**

Хотя все сокровища предполагалось перенести в базилику, похоже, не все туда попало. Более того,

* Орозий. «Истории против язычников». Пер. В.М. Тюленева.

другой историк, Прокопий [130], говорит нам о том, что среди сокровищ, исчезнувших из Рима в 410 году, были и сокровища царя Соломона со знаменитыми изумрудами, увезенные римлянами из Иерусалима в качестве добычи. Среди этих сокровищ находилась большая золотая чаша, инкрустированная драгоценными камнями. Поскольку войска Алариха состояли по большей части из христиан, главные подозрения в воровстве этих сверхсвященных реликвий пали на язычников — алан. Как уже говорилось, все степные кочевники глубоко чтили священные чаши, которые ассоциировались у них с изобилием и с жертвенной человеческой кровью, поэтому «обнаружение» важного ритуального сосуда среди награбленного ими добра, скорее всего, напоминало эпизод, когда Аттила «обнаружил» священный меч бога войны, принесенный ему пастухом.

Отсутствуют свидетельства о том, что в это время в христианстве почиталась некая чудодейственная чаша, обладающая силой исцеления и бессмертия, хотя подобные представления были широко распространены среди язычников — кельтских, германских и иранских племен Европы того времени. Нигде до этого не упоминается о том, что какая-либо священная чаша была утеряна, украдена или просто таинственным образом исчезла из храма. Поэтому исчезновение в то время предмета, напоминающего чашу Грааль, и вывоз ее из Рима варварами, среди которых наверняка были аланы, могли произойти на самом деле.

Вскоре после разграбления Рима король вестготов Аларих умер, и его сменил Атаульф. В 413 году он повел смешанные готско-аланские силы из Италии в

Галлию (Франция). Южные области Галлии были опустошены. Нарбонна, Тулуза и Бордо оказались захваченными. Однако их продвижение было остановлено у города Базас, который войска готов и алан осадили в 414 году. Именно здесь произошло одно их тех странных, необъяснимых событий, которые делают историю такой интригующей и запутанной.

Город находился под контролем римского наместника по имени Павлин Пелланский [131], который был знаком с аланским вождем и считал его своим другом. Павлин Пелланский вышел из осажденного города, умоляя алан дать возможность ему и его семье спастись.Сказав, что это невозможно, аланы тут же сговорились с ним о том, чтобы перейти на сторону осажденных и бросить вестготов. Так они и поступили, образовав заслон между осаждающей стороной и городскими стенами, чем ускорили снятие осады. И так в очередной раз аланы, которых тогда, очевидно, насчитывалось всего 3–4 тысячи, склонили баланс сил в свою пользу. Позднее римский военачальник в Южной Галлии так сильно донимал готов, что в 415 году те поспешно ушли через Пиренеи в Испанию.

Почему аланы неожиданно решили поменять союзников в разгар успешной военной кампании, которая наверняка привела бы к исключительно выгодным для варваров договоренностям с Римом? Некоторые историки полагают, что их подкупило обещание земли. Другие считают, что Павлин был каким-то образом связан с исчезнувшими из Рима сокровищами и поделился с аланами секретом относительно их местонахождения. Известно, что в последующие годы своей жизни бывший римский наместник был гораздо

богаче, чем можно было ожидать, он также рассказывал, что поделился эзотерическими секретами со своими аланскими друзьями. Его прозвище — Пелланский — на удивление созвучно именам Пеллам, Пеллес, Пеллеас, Пеллинор, игравшим важную роль в легендах о Граале [132].

С уходом вестготов аланы получили земли в Юго-Западной Галлии между Тулузой и Средиземным морем, и им была поручена охрана прибрежных торговых путей, а также удержание готов на территории Испании. Но землю на этот раз они получили не в качестве летов, когда им пришлось бы самим ее обрабатывать. Аланы были размещены у местных галлоримских землевладельцев в качестве «гостей», с выделением им полагающейся части ренты.

Такой новый подход к расселению воинов-варваров был чрезвычайно важным. Это означало, что эти сверхмобильные войска поддерживались в постоянной боевой готовности, а их лошади, снаряжение и оружие всегда были в надлежащем состоянии. Для алан это означало, что, вступив в местное галло-римское общество, они оказались наравне с самыми богатыми и могущественными людьми — аристократией. Через одно-два поколения из кочевых воинов-пастухов они превратились в оседлых аристократов-землевладельцев. Такой сценарий интеграции будет неоднократно повторяться и в последующие столетия, замысловато

переплетая судьбу алан с эволюцией средневековой Европы.

Итак, часть алан осела на юго-западе Галлии и, выполняя принятые обязательства, сдерживала вестготов в Испании в течение последующих 24 лет. В 440 году аланы передвинутлись немного к востоку и заняли долину в низовьях реки Роны, где они помогали держать в повиновении местное галльское население и охраняли пути в Италию. В 457 году они примкнули к императору Майориану [133] в военной кампании против вандалов в Испании, но, разбив вандалов, сами стали осуществлять набеги на Южную Галлию и угрожать Северной Италии.

Закончилось это все тем, что предводитель алан Беогар был убит в битве при Бергамо в 464 году, а оставшиеся аланы пустились в путь обратно к своим домам в долине Роны. Впоследствии эта группа алан успешно ассимилировалась и большое количество селений с аланскими названиями и в Лангедоке и в долине Роны — Аллансон, Алень, Ланзак, Аленья и многие другие — свидетельствуют об их присутствии в этих местах в V веке.

В 90-х годах IV века другие группы алан были завербованы в армию Восточной Римской империи для защиты Константинополя, часть из них составляли аланы, кочевавшие с готами, другие же были выходцами из Причерноморья. В 395 году готский полко-

водец, служивший под римскими знаменами, вошел в Константинополь и убил местного военачальника[134]. Следствием этого стала борьба за власть между германскими готами с одной стороны и местными римлянами и поддерживающими их аланами с другой. Борьба достигла апогея в 400 году, когда «римская» фракция безжалостно расправилась с германцами, оставив римлян у власти на последующие 30 лет. Большинство алан остались верными восточным римлянам, и в 421 году один из них по имени Ардабурий дослужился до звания верховного главнокомандующего Восточной Римской империи. Его история свидетельствует о небывалом мастерстве, с которым аланы добивались власти и удерживали ее, несмотря на то, что в тот бурный период истории они представляли собой незначительное меньшинство.

В 421 году Ардабурий провел успешную кампанию против персов, затем, тремя годами позже, повел армию Восточной Римской империи в Италию для свержения узурпатора Иоанна и возведения на престол нового императора Валентиниана III. В этой последней кампании его сын Аспар был вторым по старшинству военачальником и командовал кавалерией. После ряда неудач Ардабурию все-таки удалось успешно завершить кампанию, и в качестве награды в 427 году он был назначен консулом. Хотя Ардабурий и оставался потом очень влиятельной фигурой, главные посты в армии Восточной Римской империи занимал его сын Аспар.

За четверть века до этого некоторые аланы приняли участие в боевых действиях в нескольких сотнях миль к северо-западу от Константинополя. 31 де-

кабря 406 года Рейн полностью замерз, и большие силы вандалов и алан переправились по льду из Германии на территорию современной Франции [135]. Вскоре вандалы попали под удар франков, но, находясь уже на грани уничтожения, были спасены своими союзниками аланами. После этого среди захватчиков возникли разногласия.

Часть из них, в основном состоящая из алан, стремилась к соглашению с римлянами и просила разрешения жить в империи. Другая, большую часть которой составляли вандалы, но в которую также входили и аланы, продолжала грабежи. Они прокладывали себе путь через Галлию, где вошли в контакт с самопровозглашенным императором Константином III, который высадился там с большой армией из Британии. Несомненно, среди них была сарматская конница из Северной Британии. Мы знаем также, что один из полководцев Константина, Геронтий, находясь в Галлии, взял себе на службу преданного телохранителя из алан и, что император создал новый полк, названный «гонориевцы» (*Honoriani*), в котором собрал вновь завербованных варваров, среди которых наверняка были аланы. Итак, там, в Галлии, в 407 году степные воины еще раз напрямую соприкоснулись с римско-британскими войсками.

Геронтий вместе со своим телохранителем-аланом взял вновь сформированный полк «гонориевцев» в поход на Испанию. В награду воины получили землю в районе проходов через Пиренеи. Осевшие в Испании воины позволили в 409 году своим агрессивно настроенным сородичам из числа вандалов и алан беспрепятственно войти в эту страну. Оказавшись в

Испании, разбойничьи отряды варваров стали хозяйничать в сельской местности, опустошая деревни в то время, как иберо-римляне заблокировались внутри своих укрепленных городов.

Через два года местное население решило заключить соглашение с захватчиками и считать их «гостями», обязуясь выделять своим «защитникам» из числа алан и вандалов долю доходов от поместий, после чего последние стали искать мира с Римом, предложив в качестве гарантии своего хорошего поведения заложников и пообещав, если это потребуется, браться за оружие в защиту интересов римлян. Несмотря на это, римляне решили отправить вестготов в наступление на новые поселения вандалов и алан. После изнурительно долгой войны пришельцы постепенно были отброшены на юг. В 428 году в составе огромной флотилии военных кораблей они отправились покорять Северную Африку. Вторжение было стремительным и успешным, и в кратчайшие сроки все римские провинции Северной Африки оказались под контролем Гейзериха, самопровозглашенного короля вандалов и алан *(Rex Vandalorum et Alanorum)*[136].

Такой стремительный взлет нового королевства варваров был встречен с тревогой в Константинополе, где было решено снарядить аланского полководца Аспара в Северную Африку для захвата (также частично аланского) королевства. Аспар сражался в Северной Африке в течение трех лет, но не смог поставить новое королевство на колени. Задним числом анализируя ситуацию, многие историки убеждены в том, что алан Аспар заключил соглашение со своими

сородичами аланами и вандалами, поскольку после неудачной военной кампании Аспара в Северной Африке в течение последующих 30 лет между двумя державами практически не возникало никаких трений.

Когда в 439 году вандало-аланский король Гейзерих захватил Карфаген, император Феодосий приказал собрать огромный флот и направить войска для осуществления военной операции. Руководили этой операцией близкие к Аспару люди.В течение двух лет флот этот проплавал вокруг Сицилии, так ничего и не сделав, а затем был расформирован.

В конце 40-х годов V века гунны под предводительством Аттилы нанесли армиям Аспара поражение, но каким-то образом Аспару все же удалось удержать власть в своих руках. Его авторитет был столь высок, что, когда в 450 году умер Феодосий II, сенат в Константинополе предложил ему императорский трон. Согласившись, Аспар стал бы не первым императором-варваром — эта честь принадлежит Максиму, правившему в 50-х годах III века, чья мать была аланка. Но понимая, что ксенофобы-римляне не потерпят его назначения, Аспар предложил, чтобы императором стал Маркиан, один из его младших офицеров [137].

Это дало возможность Аспару удерживать фактическую власть в течение почти двух последующих десятилетий, пока в 467 году умершего Маркиана не сменил Лев. Хотя Лев был также выбран Аспаром, позднее новый император решил выйти из-под контроля алан. Лишь только до него дошли слухи о планах вандало-аланского царя Гейзериха вторгнуться в

Александрию, Лев решил не упустить возможности избавиться одним ударом и от Аспара, и от африканского вандало-аланского государства.

Из осторожности он не взял в поход никого из семьи Аспара (он не подозревал, что начальник экспедиции Василик был подкуплен Аспаром). Римляне были разбиты, аланы вновь укрепились и в Константинополе, и в Африке, а Льву так и не удалось обрести самостоятельность. Вынужденный выдать свою дочь замуж за сына Аспара, Лев возвел своего нового зятя в ранг цезаря. Выждав немного, он вновь перешел к решительным действиям. По его приказу во дворце евнухи убили Аспара и его сыновей. За это жестокое деяние его прозвали мясником, однако цель Льва была достигнута: господству алан в Восточной Римской империи пришел конец.

Аланы смогли добиться такого потрясающего могущества по двум причинам. Во-первых, они были весьма искусны в ведении как войн, так и дипломатических переговоров. Во-вторых, они были всегда готовы предложить могущественному союзнику то, чего тому не хватало в данный момент. Кроме того, они были чужды ксенофобии, поэтому охотно вступали в смешанные браки, если это сулило им выгоду. Многие аланы были женаты на дочерях могущественных германских вождей и римских аристократов, и предполагают даже, что у Аспара было три жены: одна— аланка, другуая — германка третья — римлянка. Хотя убийство Аспара и его сыновей закрыло целую главу аланской истории, сложившаяся система смешанных браков означала, что аланская кровь продолжала влиять на возникающий византийский мир.

Но вернемся к холодной зиме начала 407 года. Те аланы, которые предпочли грабежу переговоры о разрешении жить в империи, находились под предводительством царя Гоара. Римские военачальники, ответственные за охрану северной границы были потрясены той легкостью, с которой она нарушалась, и решили привлечь вновь прибывших варваров для создания новой оборонительной линии. Поэтому, когда Гоар начал переговоры, благоприятный ответ последовал незамедлительно. Аланов расселили на широкой полосе земли в Северо-Западной Галлии, приблизительно в том месте, где сейчас находится Лангр, к северу от Вердена, затем на западе, севернее Реймса и Суассона, до самого Арраса в Пикардии. Этот ряд поселений создавал эффективную дополнительную линию обороны на случай, если франки и бургунды не смогут сдержать дальнейшее наступление враждебных германцев или степных кочевников на берегах Рейна.

И снова аланы были расселены в качестве «гостей» местной франко-римской аристократии, которая общалась с ними на равных. Щедрые условия, предложенные римлянами, срабатывали, и, если не считать незначительного эпизода, когда Гоар примкнул к мародерствующим вестготам в бесплодной попытке привести к власти своего собственного марионеточного императора, аланы под началом Гоара оставались преданными защитниками Империи.

В 442 году римляне, решив еще больше привлечь на свою сторону Гоара, предложили ему расширить свои территории, прибавив к ним большой участок земли вокруг Орлеана и к северу от него. Они поставили перед собой цель использовать алан для того, чтобы разделить мятежных багаудов, бретонцев Арморики [138] на две группы к востоку и западу от алан, а заодно и для того, чтобы сдерживать любые попытки вестготов распространиться на север. Римский полководец Аэций [139] приказал землевладельцам этого региона сотрудничать с аланами, но многие отказались делать это. Тогда Гоар просто изгнал противящихся и захватил все их земли. Его аланы, таким образом, стали первыми варварами-землевладельцами в Галлии, а свою столицу Гоар перенес в Орлеан [140].

Теперь Гоар стал действительно самым могущественным человеком в Арморике, области Франции, которая впоследствии неоднократно становилась местом действия всех французских версий легенд об Артуре [141]. И все это происходило во время, только на одно-два десятилетия отстоящее от предположительной даты рождения короля или военачальника по имени Артур, который считался среди своих последователей великим рыцарем, проплывшим по морю из Арморики.

В 446 году жители Арморики взбунтовались против империи, и римляне обратились к Гоару, чтобы тот подавил восстание. Сообщается, что как только Гоар выдвинулся в путь для усмирения восставших, верхом и в полном вооружении, ему навстречу вышел епископ Герман [142], умолявший его не уничто-

жать жителей Арморики. Герман имел репутацию человека, способного умиротворять свирепых алан. Гоар дал ему время для поездки в Равенну, чтобы убедить Аэция, командующего войсками на западном направлении, отменить свой приказ. Но отмены приказа не последовало, и к 450 году Гоар подавил восстание [143].

Гоар правил аланами в Галлии сорок четыре года. Он был уже не молод, здоровье его пошатнулось. Очевидно, сразу после кампании 450 года его быстро заменили молодым Сангибаном. Следуя своим давним традициям, после того как их великий правитель переставал быть командующим на поле брани, аланы никогда больше о нем не упоминали. Никаких благодарственных речей, даже на похоронах — просто молчаливое забвение.

История, однако, стремительно неслась вперед, и в 451 году римляне вновь обратились к аланам за помощью. Гунн Аттила пересек Рейн, и его воины с легкостью разбили передние рубежи обороны. К концу года Аттила осадил алан в Орлеане, и все, что Сангибан мог сделать перед лицом бешеной атаки гуннов — это укрепиться в городе.

Когда аланы были уже готовы сдаться, город был спасен Аэцием и мощными силами вестготов, которые оттеснили Аттилу [144]. Освобожденные аланы затем примкнули к объединенным римско-готским войскам и отправились преследовать Аттилу. Последовавшая битва на Каталаунских полях спасла всю Западную Европу от господства гуннов [145]. Аэций разместил контингент алан в центре, прямо напротив первоклассной конницы Аттилы. Римляне сформировали правый фланг, заняв возвышенность, в то время как готы

были выстроены на левом фланге. Когда обе противоборствующие стороны столкнулись, аланы приняли на себя основной удар атакующей конницы гуннов, но не дрогнули. Римляне отразили наступление на своем фланге, аланы продолжали удерживать центр, а готы развернули левый фланг и обратили гуннов в бегство.

Годом позже Аттила снова напал на Галлию, и вновь потерпел поражение. Традиционно эта победа приписывается вестготам, но внимательное изучение исторических хроник обнаруживает, что эта победа была добыта аланами. Летописец Иордан свидетельствует:

Торисмод (король вестготов), выгнав отряд гуннов с помощью алан, отправился в Тулузу, не потеряв ни одного из своих людей.

То были действительно великие свершения — прекрасный материал для мифотворчества. Как было не воспеть славу героям! Место действия этих событий — континентальная Западная Европа, самое сердце артурианского мира. Время действия фактически то же самое, когда, как считается, жили и сражались по всей Британии и Арморике Артур и его рыцари. А за 50 лет до этого главные действующие лица — наши великолепные всадники — скитались по степям со своими шатрами, кибитками, волшебными мечами, священными чашами и своим высочайшим мастерством конного боя. Сейчас, когда вокруг них рушилась Римская империя, эта элита землевладельцев была способна играть главную роль в формировании возникающего средневекового мира.

В век, последовавший за изгнанием гуннов, аланы продолжали господствовать в Арморике, и в середине VI века по-прежнему оставались самобытной группой, говорящей на своем языке, несмотря на то что к этому времени большинство из них приняли христианство. Население Арморики состояло из бретонцев, говорящих на кельтском языке, а также римлян, алан и германцев [146]. Любопытной чертой этого разноплеменного общества было то, что церковнослужители (возможно, даже аланы по происхождению) начали создавать мифы о происхождении различных народов.

Хотя подобные «генеалогии» стали появляться с VI века, о двух из них Ненний упомянул в начале IX века в своей «Истории бриттов». Он рассказывает нам о том, что, согласно древним текстам, заселение Европы происходило двумя путями. По одной версии после Потопа у Иафета, сына Ноя, появился наследник по имени Алан, ставший первым жителем Европы. Потомство от его трех сыновей дало начало всем другим народам Европы. По другой бритты произошли от троянца Брута, ведшего родословную непосредственно от Алана, который сам являлся прямым потомком Энея и Троя [147]. Как бы то ни было, обе «генеалогии» отдавали первенство сыновьям Алана, считая их первыми жителями Европы. То, что подобное утверждение, сделанное в VI веке, сохранялось вплоть до IX века, говорит о значительном влиянии аланских родов, даже несмотря на то что они размывались и смешивались с другими землевладельцами-аристократами Арморики VI–VII веков.

С V века конница арморикансцев не раз отличалась на полях сражения по всей Европе. Обученные аланами, они развили искусные навыки ведения боя верхом и уже в IX веке с успехом применяли тактику ложного отступления, введенную кочевниками. К XII веку они считались самой лучшей конницей в мире.

Аланы все еще оставались у власти. На протяжении второй половины первого тысячелетия в Арморике было много епископов и даже один святой по имени Алан. Отпрыски многих благородных семей назывались этим именем. С начала X века все графы Бретани носили имя Алан [148], а норманны перенимали мастерство верховой езды у этих потомков алан. Действительно, Вильгельм Завоеватель не только заявлял о том, что его мать-бретонка напрямую происходит от короля Артура, но и взял с собой на завоевание Англии Алана Рыжего, графа Бретани, который командовал конницей в битве при Гастингсе.

Воин с драконовидным штандартом в битве при Гастингсе. Фрагмент гобелена из Байо. XI в.

В ходе битвы граф Алан и его воины применили тактику ложного отступления, пытаясь выманить пехоту саксов со склонов и заставить ее перестроиться в открытые шеренги. Немного погодя норманны, повто-

ряя уловку алан, вновь применили ложное отступление, и саксы, устремившись за ними, смешали свои ряды, после чего нормано-бретонская кавалерия повернула и, согласно письменным свидетельствам, «уничтожила врага до последнего человека».

Атака нормандской конницы в битве при Гастингсе. Фрагмент гобелена из Байо. XI в.

Многие занимавшие высокое положение жители Арморики, носившие имя Алан, доблестно сражались при Гастингсе и были хорошо вознаграждены Вильгельмом. Семья Фитцаланов (Fitzalan) (*fitz* — это норманнизированный вариант от *fils*, означающий сын такого-то, как и *mac* на кельтском) получила обширные земли на севере страны, которыми они владеют и по сей день. Другому алану присвоили титул герцога Ричмонда, а аланы рангом пониже получили титулы и земли по всей Британии. Они сохраняли власть и влияние на протяжении всего Средневековья и во Франции, и в Англии — как раз в то самое время, когда на пергаменте и бумаге записывались легенды об Артуре.

К периоду Средних веков аланы, возможно, уже подзабыли свое степное происхождение, но, вне вся-

кого сомнения, они прекрасно помнили о своем славном прошлом в Европе. К этому моменту аланы сыграли ключевую роль в падении Римской империи, в разгроме гуннов, в возникновении рыцарства и даже в победе норманнов над саксами при Гастингсе. Вероятно, немало историй о доблести и славе воинов было рассказано ветеранами у пылающих каминов в огромных залах средневековых замков, немало трубадуров пересказали эти истории в своих балладах.

История алан вполне могла стать материалом для легенд об Артуре. Но оснований для того, чтобы проследить окончательную связь между ними, все еще недостаточно. Произошло, однако, одно малозначительное событие, обычно не замечаемое исследователями, которое подтверждает эту связь. Источник, повествующий об этом событии, надежный, он совпадает по времени с самим событием, а приводимые в нем факты так же «упрямы», как и любые другие факты, с которыми мы столкнемся в Европе V века.

В третьей главе рассказывалось, что до того как «славный» король Артур появился в начале XII века из-под пера Гальфрида Монмутского, различные церковники сообщали о «плохом» короле Артуре, тиране, который был усмирен с помощью сверхъестественных сил различных святых: святого Караннога, святого Падарна [149] и святого Кадока. Эта история появляет-

ся в своей наиболее утрированной форме в житие святого Гильдаса, церковника VI века, который никогда не упоминал об Артуре[150]. В ней говорится о том, что Артур убил брата святого, когда Гильдас находился в Ирландии. Возвратившись в Британию, Гильдас простил Артуру этот грех и благословил его, убедив Артура принять епитимью от находящихся рядом епископов. Это неправдоподобное событие, несомненно, является одним из многих вымыслов об обращении и исправлении упорствующего в своем неверии тирана, короля Артура. Однако, возможно, не все легенды вымышлены.

В начале V века одним из наиболее авторитетных священнослужителей в Арморике был епископ Герман, человек, который пытался противостоять старому аланскому королю Гоару, когда тот направлялся громить повстанцев Арморики. Среди местного населения епископ Герман славился своим благочестием и военной доблестью. За свою жизнь он несколько раз совершал путешествия в Британию. Принимая во внимание его военные навыки, и Беда Достопочтенный, и Ненний называют его *Dux Bellorum*, и точно таким же титулом Ненний наделяет Артура.

Житие Германа *(Vita Germani)* было написано вскоре после его смерти, во второй половине V столетия, священником, известным как Констанций из Лиона[151]. Это означает, что оно было написано со знанием дела на основании воспоминаний живых свидетелей о реально жившем человеке, поэтому можно считать его достоверным с исторической точки зрения.

Эта книга была к тому же написана как раз в то время, когда, как считается, правил британский ко-

роль Артур. Констанций тоже не упоминает о британском короле Артуре. Кажется почти непостижимым то, что два ученых, писавших в конце V века, могли упустить из виду такую важную фигуру, какой был Артур, если он действительно существовал в те времена. Но рассказ о том, как был остановлен аланский царь Гоар, записан Констанцием с одной очень важной особенностью: имя Гоара было изменено. В тексте Констанция он именуется Эотаром [152]:

Аэций... дал разрешение Эотару, беспощадному королю аланов, покорить Арморику; Эотар с жадностью варвара рвался к богатствам этого края. Итак, старик (Герман) выступил против царя-идолопоклонника. Аланы уже двинулись в поход: вооруженные всадники наводнили дороги. Тем не менее, наш священник направился к тому месту, где он надеялся встретиться с королем...

Поход уже начался, когда произошла эта встреча, и священник предстал перед одетым в латы предводителем, окруженным своими сторонниками. Сначала священник передал свои просьбы через переводчика. Затем, когда Эотар проигнорировал их, Герман обругал его. В конце концов Герман вытянул руку, схватил коня Эотара под уздцы и остановил его, а с ним остановилось и все войско. При виде этого, по воле божьей, гнев царя варваров сменился восхищением. Эотар был ошеломлен такой решительностью, проникаясь уважением к силе и достоинству священника. Военная машина была остановлена, оружие было отложено в сторону, и начались мирные переговоры. Отбросив в сторону свое высокомерие, король спешился и вступил в разговор, который завершился не удовлетворением его желаний, а исполнением просьб священника.

Эти события произошли в 446 году. К этому времени Гоар-Эотар уже провел своих аланских рыцарей через сорок лет бурной истории и видел, как они стали смешиваться с местной аристократией Арморики. Великий воин, он ни разу не был побежден в битве. В описываемом событии опытный военачальник проявил достаточно мудрости, чтобы признать боевой дух Германа и от высокомерия перешел к «учтивым мирным разговорам». В данном случае свирепая воинская отвага алан смягчается «учтивостью», и рождается понятие «рыцарской чести» — кодекса воина, который включает в себя такие качества, как скромность и учтивое поведение.

Уже при жизни Герман был чрезвычайно популярной фигурой, и этим объясняется то, как учтиво обходился с ним король алан. Приблизительно в 480 году, к тому времени, когда Констанций написал житие Германа, последний был уже канонизирован, и 31 июля было объявлено днем этого святого. Это значит, что в течение всего артурианского периода рассказ о деяниях Святого Германа, укротителя свирепого короля Эотара, пересказывался проповедниками в Британии и Арморике хотя бы раз в год, 31 июля.

Здесь наконец-то появляется подлинная фигура, отчетливо зафиксированная в истории, король-воин по имени Артур. Всегда первый в бою, всегда во всеоружии, всегда неустанно заботящийся о простом народе, — эти качества оставляют мало сомнений в том, что именно Гоар/Эотар был реальным прототипом того непокорного короля-тирана Артура из сказаний раннего периода. Мы никогда не узнаем, именно ли эта фигура превратится затем в устной традиции

в величайшего героя западного мира, хотя, безусловно, это не такое уж трудное дело — приукрасить благие деяния новообращенного короля в вымышленных сказаниях о легендарном короле Артуре.

Однако не имеет большого смысла вести споры в этом направлении, поскольку у нас просто нет других фактов, за исключением тех, которые я сейчас привел в поддержку версии о том, что Эотар является исторической фигурой, прообразом легендарного героя Артура. Достаточно сказать одно: *любая* личность, которой удалось бесстрашно провести свой народ через четыре невероятно бурных десятилетия V века на чужой земле, останется в памяти. Легенды о подобном величии будут вспоминать и пересказывать из поколения в поколение, особенно среди таких народов, как аланы, которые относились к своим предкам с большим почтением.

Тот факт, что аланам удалось сохранить свои элитные позиции в формирующихся рыцарских обществах средневековой Франции и Англии, создает предпосылки для сохранения в народной памяти и отражения в фольклоре приключений их предков. Возможно также, что именно история алан и стала «источником» артурианских легенд, особенно учитывая то, что у них был замечательный благородный предок по имени Артур.

В истории алан от Адрианополя (378 год) до Гастингса (1066 год) присутствует ряд ключевых моментов, которые, взятые вместе, связывают судьбу алан с появлением легенд об Артуре. Случайные встречи алан со священными реликвиями, такими как сокровища

из базилики святого Петра и храма Соломона, напрямую отражены в неоднократных упоминаниях алан в легенде о Чаше Грааль. Неудивительно, что такие легенды, отсутствовавшие в ранних британских версиях артурианского канона, могли появиться только в Арморике. В основе этих легенд лежали приключения отдельных героев, многие из которых были аланами. В более поздний период эти легенды были просто перенесены в артурианский канон. Существовало, например, предположение о том, что Ланселот на самом деле — "L'Alan de Lot" — Алан из долины Лот на юго-западе Франции, где было найдено много аланских захоронений.

Из многих источников мы знаем о том, что аланы поклонялись мечу, и что они сохраняли свои языческие обычаи намного дольше, чем галлы и бритты [153]. В начальных главах рассказывается об этих обычаях, нашедших впоследствии отражение в легендах об Артуре и впервые появившихся именно во французских версиях легенд.

И последнее: тот факт, что аланы сознательно участвовали во всех мало-мальски значимых событиях чрезвычайно бурного периода, кажется совершенно созвучным артурианскому духу. Неслучайно «Будь там, где идет бой, не уклоняйся от него» — это девиз Ланселота, Гавейна, Галахада и самого Артура, и подтверждение этому мы находим везде. То, что очень долго находящийся у власти в это беспокойное время, великий вождь алан звался Гоар, и то, что его имя провозглашалось по всей «артурианской» Британии и Арморике наряду с именем великого воина-

святого *Dux Bellorum*, еще больше подтверждает глубокое переплетение истории алан с сюжетами легенд об Артуре.

Информация об аланах, по крупицам собранная нами, дает возможность по-другому посмотреть на ту часть артурианского цикла, который относится к Чаше Грааль. В четвертой главе я отмечал неоднократное упоминание мужчин и женщин с именами, производными от имени «Алан» в связи с Чашей Грааль. В данной главе мы убедились в том, что эта связь основана на исторической правде, так как в 410 году аланы приняли самое активное участие в вывозе из Рима награбленных священных реликвий.

В разделе «Вульгаты» (окончательная французская версия всего артурианского канона), посвященном походу рыцарей за Святым Граалем, говорится о Чаше, которую увез Алан Толстый в «чужую землю» — Тегге Foraine. (Сами имена указывают на то, что действие происходит во Франции, хотя рассказ далее определяет место *Terre Foraine* в южном Уэльсе.) Там Алан встречает небольшой народ, который ничего не умеет делать, кроме как возделывать землю. Их правитель, Калафес, был поражен проказой. Люди, которые привезли Грааль, предлагают излечить его, если он примет их обычаи и будет поклоняться Граалю. Калафес соглашается и начинает строить замок, куда собирается поместить Грааль. Он также предлагает руку своей дочери брату Алана. Свадьбу играют в день помеще-

ния Святого Грааля в замок, и жених с невестой становятся коронованными королем и королевой *Terre Foraine*. Народ приносит им присягу на верность. Калафес проводит ночь после пиршества в зале, в которой находится Грааль, и подходит к Священной Чаше чересчур близко. Вдруг появляется воин в огненных доспехах и поражает Калафеса копьем, пронзающим его чресла. В ту же ночь дочь Калафеса зачинает сына — наследника аланского престола.

Мне представляется, что это иносказательный рассказ о расселении алан в Галлии. Более того, основные темы и события являются характерными только для алан, и *никак не* для кельтов или германцев. Они, эти степные рыцари, вместе со своей Священной Чашей прибывают верхом на лошадях в край мирных землепашцев, которые соглашаются принять их господство. Аланы тотчас же входят в родство с правящей династией, взяв себе в жены дочь правителя. Потом они отстраняют от власти стареющего местного правителя, оскопляя его и принуждая к отречению от престола. В данном случае налицо отсутствие уважения к мудрости старших, чего можно было бы ожидать в кельтской или германской легенде. Как только силы правителя пошли на убыль, его просто незамедлительно устранили. Точно так же исчез Гоар в 450 году после сорока четырех лет правления аланами в Галлии.

Начинает формироваться новая смешанная аланская династия, созданы условия для объединения двух народов — с аланами во главе. Этот эпизод не только рассказывает о реальной истории алан, он дает четкую рекомендацию, ролевую модель поведения иде-

ального алана так, как это и должно быть в любой мифологии.

Такая чрезвычайно четкая взаимосвязь является еще одним примером постоянных совпадений, которые мы обнаруживаем между легендарным миром артурианских рыцарских романов, реальной историей и культурой степных народов (скифов, сарматов, алан). Но у нас все еще отсутствует один очень важный элемент, который позволил бы нам с уверенностью сказать, что между этими мирами существовала реальная связь.

Если бы нам удалось обнаружить, каким фактическим содержанием были наполнены аланская или сарматская мифологии, мы смогли бы тогда узнать, возникли ли артурианские легенды именно из этого источника. Итак, каково же содержание собственной мифологии алан? Какие легенды они принесли с собой, когда покинули свою родину в Центральной Азии и ворвались на своих скакунах в анналы европейской истории?

Археологические и другие исторические источники лишь частично отвечают на эти вопросы. Но есть еще один источник, который мог бы пролить свет на эту проблему, источник, включающий в себя как исторические свидетельства, так и мысли и поступки реальных людей.

Группа алан и сарматов, преследуемая гуннами, нашла убежище в горах Кавказа. Их потомки живут там по сей день, пережив не только Аттилу, но и Чингисхана, Российскую империю, подъем и падение коммунистической идеологии и даже постсоветскую бойню в соседних республиках. Сегодня исконные земли

осетин, прямых потомков алан и сарматов, разделены Кавказским хребтом [154]. Народ по-прежнему говорит на языке иранской группы, на языке своих предков и по-прежнему хранит предания о древних временах [155]. Их традиционные легенды известны как нартовский эпос, и в них фигурирует герой по имени Батрадз. И у Батрадза есть чудесный меч[156].

До конца XIX века мифология осетин существовала исключительно в устной традиции, поэтому мы должны проявлять максимальную осторожность, сравнивая факты этой мифологии с артурианским циклом, который появился в письменном виде на сотни лет раньше и повествует о событиях, происшедших приблизительно 1500 лет назад. Легенды о приключениях Батрадза, составляющие важную часть нартовского эпоса, изобилуют сверхъестественными героями и событиями, что придает им мифологический оттенок, в то время как артурианский материал подается намного более прямолинейно в псевдоисторическом формате, — исключения составляют лишь редкие вкрапления из мира сверхъестественного.

И все же между двумя циклами легенд существует такое поразительное сходство, что нам следует совершить краткий экскурс в волшебный мир Нартов, в мир предков, обладавших сверхъестественной силой.

В легендах о Батрадзе преобладают образы кузнечного горна и кузнеца, изготавливающего и закаляющего сталь. Легенда начинается с рассказа об охоте на оленей, в которой дядя Батрадза (брат его матери) убивает великолепного белого оленя — типично артурианское начало. Мать Батрадза днем предстает

в виде уродливой лягушки, а ночью превращается в женщину ослепительной красоты. Вот каким образом Батрадз получает свое имя — в соответствии с Оксфордским словарем английского языка, слово *batrachian* означает «относящийся к отряду бесхвостых земноводных жаб и лягушек»[157]. Итак, по материнской линии он связан с водной стихией.

Незадолго до рождения Батрадза его мать идет к великой провидице и предсказательнице Шатане. Та предсказывает, что если мальчик будет вскормлен матерью, ему не будет равных на земле, меч не возьмет его, и не вонзится стрела в его тело. Однако судьба распорядилась иначе. Обиженная злоязычным нартом Сырдоном, мать еще не родившегося Батрадза возвращается в родительский дом, однако перед этим, дунув между лопаток своего супруга, вкладывает зародыш в его спину, на которой начинает расти опухоль. Когда пришел срок, Шатана булатным ножом вскрыла эту «опухоль», и не увидела ничего, кроме огня. А затем из этой «утробы-горна» выскочил раскаленный младенец Батрадз и бросился в море. Его тело полностью состояло из стали, выше пояса — из обычной, ниже пояса — из булата. Когда он оказался в воде, все море испарилось со страшным шипением, а затем обрушилось дождем, вновь заполнив свое ложе. Так Батрадз получил свою первую «закалку».

Ребенок быстро рос под опекой Шатаны. Спустя всего лишь несколько недель после рождения он уже выглядел, как трехлетний. Он жил под водой, но позже научился выходить на берег. Там его заметили местные дети, которые приняли его в игру а потом выпытали у Шатаны, как заставить его выйти из воды и

остаться с ними. Шатана (чьи советы всегда мудры и чьи предсказания всегда сбываются) советует им уговорить самого старшего мужчину в деревне отправиться к кромке воды и там срезать ему все волосы на голове. Плывущие по воде волосы привлекут внимание Батрадза. Дети должны поймать его и обрить ему голову, и тогда он больше не нырнет обратно в воду. Так все и было сделано (вспомним, что Ланселот получает магическую защиту от волос мудрого старца.)

Позднее юный Батрадз получает от Шатаны меч. Когда пестробородый великан начинает угонять скот нартов с горных пастбищ, Батраз вызывается пойти и убить великана, он отрубает ему голову и насаживает ее на кол. Когда он возвращается в деревню Нартов, людям сначала с испугу кажется, что это идет великан, но вскоре они поняли, что это всего лишь голова, насаженная на кол. Собирается толпа, чтобы поздравить Батрадза.

В последующем эпизоде Батрадз, желая увеличить свою силу, отправляется к небесному кузнецу Курдалагону. Кузнец целый месяц раскалял его в своем горне, однако безрезультатно, не пронял огонь стального героя. Тогда Курдалагон велел Батрадзу отправиться и убить много змеев-драконов. Так тот и сделал, а затем пережег их на уголь, получив невиданной силы топливо для горна. Небесный Кузнец снова целый месяц раскалял Батрадза в горне. Затем он вынул его, раскаленного докрасна, из горна, и вновь бросил в море. Так Батрадз закалился во второй раз. Все море снова испарилось, но закалка удалась на славу, и тело Батрадза превратилось целиком в синюю сталь, самую прочную и твердую, какую только можно изготовить.

Далее мы узнаем, что одним из величайших сокровищ нартов является их «Кубок Истины» (чаша Уацамонга)[158]. Эта чаша сама поднимается к губам тех, кто в ее присутствии говорит правду, но не приближается к тем, кто лжет. Батрадз выдержал несколько испытаний на правдивость перед Уацамонгой, и чаша исполняет его волю.

Другим великим сокровищем нартов были три куска ткани («рыцарские» знамена), унаследованные от предков. По своей сути они представляли собой три главных заповеди в кодексе поведения нартов. Претендовать на право обладать этими кусками ткани мог лишь тот, кто более всех соответствовал критериям этих заповедей. Согласно первой заповеди, безупречный нартовский рыцарь должен быть мудрым, отважным и обходительным в обращении. Вторая заповедь предписывала избегать пьянства и обжорства — правило воздержания или, по крайней мере, умеренности. Третья гласила, что в любых ситуациях истинный рыцарь должен проявлять уважение к женщинам, в особенности к женам других людей, и всегда быть снисходительным по отношению к собственной жене. Батрадз признается достойнейшим среди нартов по всем трем пунктам и получает в награду эти три древние куска ткани.

Спустя какое-то время после получения этих «рыцарских» знамен Батраз узнает, что враг Нартов, «сын Силы»Мукара, приходил в нартовское селение, требуя уплаты дани девушками, которую якобы в давние времена платили предки нартов предкам великана. Прежде, чем можно было что-либо сделать, Мукара с помощью местных водяных духов похитил всех са-

мых красивых молодых женщин и девушек и упрятал их в своем потаенном подводном обиталище.

Шатана рассказала Батрадзу, как найти Мукару. Перед поединком с Мукарой Батрадз тихонько сказал своему коню, что будет биться пешим, но чтобы тот, прибежав на клич своего хозяина, с разбега ударил его грудью так, чтобы он оказался посреди моря. Батрадз и Мукара бросились друг на друга, сражаясь изо всех сил на горах и равнинах, но никто из них не мог одолеть другого. Раскалившись от жаркого боя, стальной Батрадз велел своему коню забросить его в море, что и было сделано. В море водяные духи обманом завлекли Батрадза в глубокую яму-западню. Сверху они сбрасывали ему на голову огромные валуны и тяжелые чурбаны. Однако все эти камни и бревна, касаясь чудесного меча, который Батрадз держал над своей головой, рассыпались на мелкие кусочки и падали к его ногам.

Гора щебня и щепок постепенно росла, и Батрадзу, поднимаясь по ней, удалось выбраться из ямы, после чего он избавляется и от водяных духов, и от Мукара, а затем освобождает всех женщин и девушек.

В заключительных эпизодах этого цикла Батраз пытается отомстить духам, которые убили его отца и, оскорбив его мать, вынудили ее уйти от Нартов. Все это происходит на фоне ухудшения отношений между разными родами Нартов и заканчивается заговором с целью убить Батрадза, в котором солнце призывают послать на землю за один день весь годичный жар. В последующих битвах Батрадз получает смертельные раны и велит своим соратникам забросить его меч в море. После нескольких попыток обмануть

Батрадза и не исполнить его волю, меч в конце концов бросили в море; тотчас поднялись волны, вода окрасилась в кровавый цвет и неистово закипела.

Ясно, что это не заимствование из артурианских легенд, но сюжеты настолько похожи, что вряд ли это сходство можно объяснять простым совпадением. Во многих отношениях Батрадз — это Артур в своем максимальном проявлении, будучи с самого начала почти человеком-мечом или, по крайней мере, героем с телом из булатной стали. Он не только воспитан божественной женщиной под водой, но она также дает ему меч, как это происходит и с Ланселотом. Мотив снятия волос принимает интересную форму — расстаться со своими волосами должен именно старейший мужчина селения, и это ритуальное лишение волос во многом совпадет с аланскими традициями.

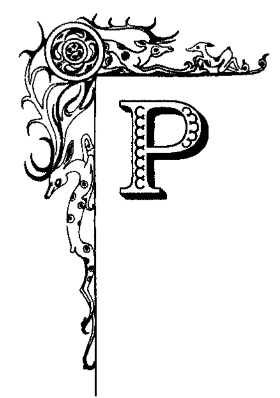
Убийство пестробородого великана с разноцветной бородой поразительно напоминает приключения Артура в Мон-Сен-Мишель. Не вызывает особого удивления и то, что Батрадз увеличивает свою мощь с помощью углей, полученных пережиганием драконов, как бы их концентрированной сущности. Нартовская Чаша Истины парит в воздухе, как и Грааль, и также связана с испытаниями на чистоту и честность. В легендах об Артуре только самый чистый — Галахад — обретает Грааль, тогда как Батрадз за свою честность удостаивается нартовской Чаши Истины. Кодекс поведения, который символизируют три нартовских куска ткани, не имеет прямой параллели в артурианском каноне, но он поражает своим полным соответствием рыцарскому кодексу, предписывая даже уважение и благоговение перед женщинами.

Эпизод, в котором Батрадз бьется с Мукара и, победив в единоборстве великана с помощью своего чудесного меча, освобождает похищенных дев, настолько созвучен легендам об Артуре, что не нуждается в каких-либо дополнительных комментариях. То же самое касается кончины Батрадза, когда ссора между нартовскими родами приводит к его гибели и к возвращению его меча под воду.

В Батрадзе, таким образом, мы сталкиваемся с огненно-раскаленным героем, все существо которого пронизано образами кузнечного ремесла, раскаленного добела горна и холодного закаливания, которые требуются для выделки наитвердейшей стали, какую только возможно представить. Извлечение металла из камня и ковка твердой стали с древнейших времен считались сокровенным магическим искусством и были окружены тайной и благоговейным страхом. Изготовление прекрасных мечей являлось вершиной кузнечного мастерства. По крайней мере, согласно этим преданиям, в древние времена предки осетин достигли в этом искусстве наивысшего уровня.

И в заключение рассмотрим происхождение названия «Экскалибур». Это переработка слова «Калибурн», использованного Гальфридом Монмутским. Это слово, производное от латинского, означающего сталь (*chalybs*), произошло от греческого слова, производного от названия известного племени кузнецов, халибов (*chalybes*). Халибы были подгруппой сарматов, которые жили на Кавказе именно там, где живут сейчас осетины. Таким образом, название волшебного меча Артура напрямую связано с величайшими умельцами в изготовлении мечей — сарматами.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Все указывает на восток

Работая над этой книгой, я вскоре обнаружил, что поставил перед собой сложную задачу. Если я хочу обнаружить «достоверное» происхождение короля Артура как реальной исторической фигуры или как она представлена в рыцарских романах, то мне необходимо углубиться в четыре больших, но весьма обособленных «мира». Как до, так и после римского завоевания существовал мир местной кельтской Британии, который обычно считается родиной Артура. Кроме этого, был мир Римской империи и окружавший ее мир варваров, живших внутри империи и вдоль ее границ — мир, состоявший преимущественно из народов, говоривших на кельтском и германских языках. Примыкавший к границе с ними с III века до н.э. варварский мир представлял собой совершенно иной «мир» степных воинов-кочевников. В конечном итоге, мне необходимо было получить достаточно полную картину средневековой Британии и Европы того времени, когда записывались артурианские легенды. Чтобы добраться до сути вопроса, где я смог бы

оценить источники и значимость специфических тем и мотивов в артурианском каноне, мне необходимо было изучить эти миры как в этнографическом, так и в историческом и археологическом аспектах. Предстояло переработать большой объем информации, но в целом материал был доступен, поэтому задача представлялась выполнимой.

Вскоре мне пришла мысль о том, что отсутствующие части в артурианской головоломке имеют, в основном, отношение к влиянию, которое оказала культура воинов Центральной Азии на Европу раннего средневековья, поэтому эта книга уделяет основное внимание влиянию азиатских кочевников на Европу в римский и постримский период. Но еще до того, как я стал работать над книгой, я знал, что воинственные степные кочевники перемещались из центра Евразии не только на запад, в Европу, но и на восток. В результате к 200 году до н.э. формирующаяся Китайская империя считала варваров, которые окружали ее западные и северные границы, такой проблемой, что началось строительство Великой Китайской стены, чтобы сдерживать их продвижение. В это же самое время китайцы отправлялись в далекие путешествия, чтобы приобретать у кочевников лошадей и осваивать навыки верховой езды. Всего несколько столетий спустя потребность наладить с кочевниками отношения стала для китайцев первостепенной задачей, поскольку торговый Шелковый путь впервые соединил Европу и Китай. Этот торговый путь проходил через земли кочевников в Центральной Азии и, следовательно, находился под их контролем вплоть до времен Чингисхана. Но ученые уделяли мало внима-

ния изучению влияния культуры кочевников как на европейское общество, так и на Китай и другие основные культуры Дальнего Востока. Тем не менее, есть все основания предположить, что это влияние было столь же мощным и глубоким на Дальнем Востоке, как это имело место в Европе.

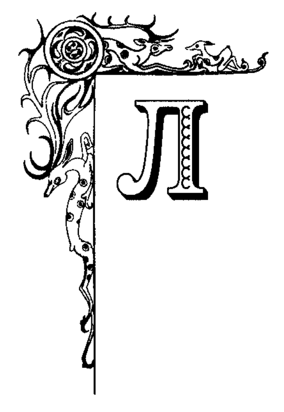
Я упомянул в книге о том, что к последним столетиям до н.э. сюнну проникли в Китай вплоть до Маньчжурии и Ордоской излучины. В Корее была найдена рукоятка меча, которая датируется четвертым веком нашей эры и практически идентична рукоятке, изготовленной на территории современного Казахстана в то же самый период. Наиболее важной фигурой в развитии как буддизма, так и боевых искусств в Китае был монах, о котором у нас есть свидетельство из первых рук, датируемое VI веком. В Китае он был известен как Бодхидхарма или Та Мо, а в Японии — как Дарума[159], и о нем говорили, что он пришел с запада и у него были пронзительные голубые глаза, круглое лицо и большая густая борода. Китайский летописец, который встречался с ним, говорил, что это был Хан Персии. Приехав в Китай, он основал всемирно известную школу буддизма — тянь (по-японски — дзэн) и принес искусство единоборств в Шаолиньский монастырь в Китае. Школа единоборства Шаолиньского монастыря лежит в основе всех «жестких», «контактных» школ восточных единоборств, известных в наше время во всем мире, как кун-фу. Поэтому, видимо, не только дзэн, но и одна из самых древних и наиболее сложных систем восточных боевых искусств имела свои истоки в Персии.

Мы знаем, что православные христиане асу (аланы) сражались в составе монгольской армии в Китае. Францисканец Перегрин, епископ Зайтунский в Китае, в 1318 году упоминает о существовании 30 000 православных христиан-алан, живших со своими семьями на побережье провинции Фуцзянь напротив острова Тайвань[160]. Мне пока не удалось проследить их происхождение и дальнейшую судьбу в Китае, хотя эти события произошли относительно недавно.

Для нас теперь уже не станет большой неожиданностью и то, что китайцы тоже рассказывают традиционные сказки о королях с волшебными мечами, с теми самыми мечами, которые заставляют драконов прыгать, а воду бурлить, если бросить их в реки и озера. Японцы также рассказывают предания о легендарном герое по имени Ямато-Такэру[161], который подобно Артуру имеет не один, а два чудесных меча, врученные ему женщиной, и которые он использует, чтобы убивать чудовищ. Он тоже умирает у кромки воды, приказав вернуть свой меч его дарительнице.

Долгое время я был поражен необычным совпадением, существующим между европейским рыцарством и японским воинским кодексом Бусидо. Сейчас я начинаю думать, что это не простое совпадение. Итак, возможно, следующим шагом, который предстоит предпринять, будет путешествие на восток по следам кочевых воинов, чтобы увидеть, какие ключи к разгадке можно найти на бескрайних землях, лежащих между Черным морем и Тихим океаном.

КОММЕНТАРИЙ

Легенды о короле Артуре уходят своими корнями в самую, наверное, загадочную эпоху в истории Британии. На протяжении нескольких сотен лет остров был частью великой Римской империи, объединившей множество народов под властью Вечного Города. Властители империи долго присматривались к туманному острову — стоит ли посылать туда легионы, тратить силы на завоевание? Наконец, они решились, и Британия, где обитали различные кельтские народы, из загадочной варварской земли превратилась в окраину владений Рима.

Британия оказалась для империи источником постоянных проблем. После того как были подавлены последние восстания местных племен, вновь установленным границам стали угрожать непокоренные народы — обитатели современных Шотландии и Ирландии. На их усмирение и укрепление британской границы приходилось тратить много сил. Но главная беда заключалась не в этом. Христианский писатель Иероним назвал Британию «плодородной провинцией на тиранов». В самом деле, британцы — как расквартированные на острове войска, так и местная знать — то и дело поднимали восстания, выдвигая собственных претендентов на императорский престол в далеком Риме. Летом 306 года в городе Йорке войско провозгласило императором будущего

Константина Великого, который впоследствии сделал христианство государственной религией Рима.

Если посмотреть на карту Британии в римскую эпоху, заметно, что в южной части острова положение было более устойчивым, а жизнь — более мирной. Там находилось большинство построенных римлянами городов, вокруг которых раскинулись виллы — владения богатых аристократов. Север и прибережные районы были землей гарнизонов, охранявших покой британцев от набегов враждебных варваров.

Чем слабее становилась империя, тем успешнее были попытки британских мятежников захватить власть. Когда на континент отплыл очередной «тиран», принявший имя Константина III, там произошла настоящая катастрофа. Полчища варваров — германцев и степняков — прорвали укрепленную границу империи, проходившую по Рейну, и наводнили Галлию (территория современной Франции). В первый момент правительство оказалось бессильным и выпустило инициативу из своих рук. Константин попытался навести в Галлии порядок, но галлы и британцы окончательно утратили веру в могущество и защиту Рима, которая удерживала их под властью дряхлеющей империи. В страхе перед нашествием варварских народов они объявили о своем отделении: выслали римских чиновников, отменили законы, вооружились и приготовились к обороне. Когда мятеж Константина был подавлен и римское правительство кое-как восстановило свою власть в Галлии, оно решило не тратить силы на новое завоевание Британии. Жители острова, от которого отказалась империя, были предоставлены самим себе.

С этого момента и начинается «эпоха короля Артура». Как поступили британцы, внезапно получив независимость? Ирландские и шотландские варвары свирепели, а на военную поддержку из Рима рассчитывать уже не приходилось. Римская Британия распалась на отдельные города-государства, во главе которых вскоре встали мелкие «тираны» — возможно, потомки местной знати или военных командиров. По легенде, один из этих князей, чувствуя невозможность справиться с врагом, пригласил на службу германских вои-

нов. Те прибыли, остров им понравился. Вслед за ними прибыла следующая партия германцев, затем еще и еще. Среди них были представители племени англов, которое впоследствии дало название всей стране.

Когда пришельцев стало больше, они предъявили местным правителям слишком большие требования. Получив отказ, они объявили им войну и принялись грабить остров. Германцы оказались намного более страшным врагом для бриттов, чем те, против кого они должны были сражаться. Им нужна была не только военная добыча, но и земля для поселения. Они постепенно, с боями вытесняли жителей Британии с их земель.

Бритты отчаянно сопротивлялись. Теперь они были окружены врагами с трех сторон, и многие предпочли борьбе бегство. Британские корабли под командованием военачальников и священников направились к берегам Арморики, отныне ставшей Бретанью, и даже в Испанию, где до сих пор сохранилась память о поселенцах из-за моря.

Борьба бриттов, христиан и наследников погибшей империи, с англами и саксами, свирепыми и дикими варварами, надолго стала источником сказаний и легенд. Для самих бриттов, постепенно вытесненных с большей части своих земель и запертых в Уэльсе, где они превратились в валлийцев, эта борьба была едва ли не главным содержанием их жизни. Нет большего греха, чем изменить своему народу и стать пособником врага, — утверждали их духовные пастыри. Пятьсот лет спустя стихи бриттов были исполнены жажды мести и невероятной надежды на то, что им удастся возвратить потерянные земли. Из земли встанут давно умершие короли; ирландцы, черные скандинавы — все они будут союзниками бриттов в этой последней битве под знаменами святого Давида, покровителя Уэльса.

Спросят у саксов, что они хотели,
какое право у них на землю, которой они владеют,
где земли, откуда они вышли,
где их род, из какой страны они пришли...

По какому праву они захватили земли наших предков?
По какому праву они растоптали святилища наших святых?
По какому праву они нарушили законы Давида?...
Они будут платить четыре и четыреста лет!

Эти строки — из поэмы «Судьба Британии», которая призывает валлийцев дать решающий бой захватчикам. Так и случилось: в 937 году дружины князей Уэльса выступили против англосаксонского короля Ательстана и в битве при Брунанбурге потерпели сокрушительное поражение. Валлийцы были вынуждены подчиниться своему старому врагу, и горькой ценою унижения воцарился мир.

Но Артур, если он существовал на самом деле, жил задолго до этих событий. Предания, бытовавшие среди валлийцев, утверждают, что он был великим полководцем и нанес саксам множество поражений, так что те удерживались на острове только благодаря постоянному притоку свежих сил извне.

...Над Эдинбургом, столицей Шотландии, возвышается скала, увенчанная знаменитым Замком. В эпоху Артура на ней находилось укрепление бриттов, которое принадлежало племени гododдин. Дружина гододдин выступила в поход на юг, против англосаксов и их союзника — могущественного правителя Уриена. Бритты осадили старую римскую крепость, в которой укрепились враги. В кровопролитном сражении гододдин потерпели поражение, их воины пали в бою. По преданию, великий бард Анейрин сочинил песнь о погибших героях. В этой песни содержится первое упоминание об Артуре — упоминание темное и неясное, из которого следует лишь то, что этот Артур был славным богатырем, и ко времени Анейрина его образ давно ушел в прошлое.

Легенда гласит, что Уриен, который был союзником англосаксов в этом бою, впоследствии обратился против них и осадил их на острове Линдисфарн. Если бы не предательство соперника Уриена, возможно, что враг был бы окончательно

повержен... Через несколько десятков лет англосаксы начали принимать крещение и превращаться из полумифических кровожадных варваров в исторических персонажей — людей из крови и плоти. А образ легендарного богатыря Артура, наоборот, стал уходить в глубину веков. Постепенно Артур превратился в короля и стал героем валлийских сказаний.

Считается, что в создании образа доброго и могущественного короля Артура главная заслуга принадлежит этому странному клирику Гальфриду — то ли слишком горячему патриоту своего родного Уэльса, то ли прирожденному сказочнику с богатым воображением. Он создал захватывающую эпопею истории бриттов от античной древности до первых правителей, чьи образы относительно четко вырисовываются сквозь дымку веков. Повествование Гальфрида столь же удивительно, сколь и неправдоподобно. Можно долго рассуждать об источниках его сочинения, о его бриттском (валлийском) патриотизме и сделанных им заимствованиях из кельтской мифологической традиции. Очевидно одно: из-под пера Гальфрида вышла сказочная эпопея, облеченная в псевдоисторические формы. Эта сказка вроде бы претендует на то, чтобы излагать подлинную историю бриттов. При этом «История бриттов» — сугубо прагматическое произведение, которое жестко преследует свои цели. Цели эти заключаются в том, чтобы хитро обосновать моральное и юридическое право норманнской династии, которая убила последнего законного короля Англии, властвовать на острове. Эта династия совершенно безосновательно претендовала на то, чтобы считаться потомками древних королей бриттов...

Гальфрид заглянул в старинную книгу, которую архидиакон Вальтер привез из Бретани, и поразился: в ней подробно излагалась история легендарных королей. Эту повесть он переложил на доступную всем образованным людям латынь и преподнес влиятельным господам своего времени. Влиятельные господа с изумлением читали о том, что Артур был властелином не только всей Британии, но и окружающих стран, и более того — императором Европы. Британские войска стояли у стен Рима!

Не будем размышлять о причинах, побудивших Гальфрида цинично поставить эту удивительную смесь из валлийских исторических сказаний, фольклорных мотивов и собственных выдумок на службу норманнским королям Англии. Скажем только, что образ короля Артура, окруженного верными рыцарями, — это отчасти и его создание. Но не менее примечательно, что независимо от Гальфрида Артур стал героем валлийских сказаний. Это могущественный властелин, добрый и мудрый. Вот он собирает войска на бой с англосаксами; вот он во главе кучки рыцарей едет добывать невесту для юноши Куллоха. В валлийских сказаниях «мабиноги» мы встречаем героев, которым суждено стать рыцарями Круглого Стола: Кая, Бедвира (Бедивера), Гвалхмаи (Гавейна), Оуэна (Ивейна), прекрасную королеву Гвенхвивар (Гвиневеру). Более ранние сказания рисуют их скорее персонажами древних саг, с заметными заимствованиями из ирландской традиции; в поздних «мабиноги» (XIII век) это уже благородные рыцари, живущие в крепких замках и почитающие прекрасных дам.

Вероятно, артуровская легенда никогда не получила бы такой популярности, если бы не бегство бриттов от нашествия англосаксов в V и VI столетиях. Благодаря этой массовой эмиграции целый регион — Бретань — стал кельтским и присоединился к ряду анклавов, в которых завоеватели со временем заперли отступающих бриттов. Между этими анклавами — Уэльсом, Корнуоллом и вскоре покоренной англосаксами областью на северо-западе нынешней Англии — поддерживалось постоянное сообщение. Там были свои княжества и свои правители, но многие люди, в первую очередь клирики, странствовали из одного бриттского региона в другой. Неудивительно, что в Бретани стали слагаться повести о славном короле Артуре. И неудивительно, что имя Артура услышали в соседней Франции, где зарождалась куртуазная и рыцарственная культура Высокого Средневековья.

Как оказалось, таинственная феерия кельтских легенд прекрасно сочеталась с утонченными идеями куртуазной лите-

ратуры. Замечательный поэт Кретьен де Труа был знаком с сочинением Гальфрида — по крайней мере, в стихотворной обработке Васа, — но эта «прагматическая сказка» не удовлетворяла его. Гораздо ближе ему были бретонские легенды, быть может, не столь обработанные литературно, но гораздо более живые — с их чудесными странствиями и таинственным Иным Миром, который открывается смертным, удивительной, действительно «сказочной» реальностью. При этом кажется, что между кельтскими (к примеру, ирландскими) сагами и романами Кретьена лежит пропасть. Это показывает не только всю глубину культурных расхождений между островными кельтами и новой культурой континента, но и своего рода универсальную значимость мотивов кельтской мифологии. Существовал ли Артур в действительности или в его образе слились черты многих воителей, — он стал неотъемлемой принадлежностью бриттской мифологии Средневековья. Другое дело, что Кретьен вкладывал в его образ совсем другое значение, нежели сказители и книжники Уэльса и Бретани. Так возник куртуазный, рыцарственный Артур. Таким же он предстает вместе со своими рыцарями в эпопее Томаса Мэлори «Смерть Артура».

Эта эпопея, написанная на пороге совсем другой эпохи разбойным рыцарем в лондонской тюрьме, завершает собою развитие Артурианы. Выпуская ее в свет, английский первопечатник Уильям Кэкстон писал, что многие благородные джентльмены укоряли его, почему он не издаст повесть о великом Артуре — славном короле и императоре. Кэкстон ответил, что, по его мнению, рассказы об Артуре — полный вымысел и совершенная чушь. Однако после длительных убеждений он «уверовал» в Артура и напечатал сочинение Мэлори, заметив, что читатель волен верить или не верить написанному. «Но написано все это нам в назидание и в предостережение, дабы не впадали мы во грех и зло, но держались и укреплялись в добродетели...»

История легенды об Артуре гораздо длиннее и содержит больше имен и интересных подробностей, нежели приведено

в этом кратком предисловии. О самом Артуре и о судьбе его образа в веках написано немало книг, и эта тема продолжает волновать людей. Увлеченные исследователи ищут истоки легенды об Артуре в мифологии кельтских народов, в эпохе борьбы бриттов за свою землю и свою свободу, в идеалах средневекового рыцарства. Говард Рид отправился за ними на Кавказ и в степи Причерноморья. В этих поисках он знакомится с удивительными обычаями и верованиями кочевых народов.

Как написал Кэкстон в предисловии к «Смерти Артура»: «Приятно будет чтение сей книги и для препровождения времени, а верить ли и принимать за истину все, что в ней содержится, или же нет, вы вольны и в своем праве»...

* * *

1. «Нарты», «Сказания о Нартах» – цикл преданий, возникших среди народов Северного Кавказа, предполагаемых потомков древних алан. Нарты – легендарные богатыри, зачастую сверхъестественные или полубожественные существа. Многие сказания о Нартах происходят из Осетии, где нартовский эпос сохранился в наиболее полной форме. Осетины один из немногих народов на Северном Кавказе, сохранивших свой индоевропейский язык. Жорж Дюмезиль (1898–1986), известный французский специалист в области мифологии, филологии, истории культур, полагал, что сказания о Нартах были унаследованы осетинами от их аланских предков (а теми – от скифов) и родственны мифологическим представлениям других индоевропейских народов. Предположению Дюмезиля следует и Говард Рид.

2. Имеется в виду династия Габсбургов.

3. Церковь Гофкирхе в Инсбруке.

4. Келлская книга — богато иллюстрированная рукописная книга (Четвероевангелие на латинском языке), создана в одном из монастырских скрипториев Ирландии в конце VIII — начале IX века. Считается одним из наиболее значительных произведений книжного искусства той эпохи. Несколько сот лет книга хранилась в Келлском монастыре (г. Келлс, Ирландия), нынешнее местонахождение — библиотека Тринити-колледжа в Дублине.

5. Гай Юлий Цезарь (102/100 г. до н.э.–44 г. до н.э.) — знаменитый римский государственный деятель, полководец, ставший диктатором. Прежде чем стать фактическим правителем Римской республики, он провел много победоносных военных кампаний; в 58–51 гг. до н.э. завоевал Галлию, дважды высаживался в Британии. Перу Цезаря принадлежат в т.ч. «Записки о Галльской войне», где он описывает свои походы против кельтских и германских племен. «Записки» — ценный источник, рассказывающий о жизни и обычаях галльских кельтов.

Публий Корнелий Тацит (ок. 58–117 гг.) — римский историк, аристократ по происхождению. Занимал видные административные посты. Его наиболее известные труды — «История» и «Анналы» — посвящены истории Рима и Римской империи (до 96 г.). Сочинение «Жизнь и характер Юлия Агриколы» Тацит посвятил деятельности своего тестя, военачальника, возглавлявшего римские войска в Британии.

Кассий Дион (ок. 160–235 гг.) — греческий историк и римский государственный деятель, занимал видные посты в имперской администрации. В конце жизни составил «Римскую историю» в 80 книгах, доведенную до 229 г. Сочинение Кассия Диона сохранилось не полностью, но ценится специалистами как исключительно достоверный источник.

Аммиан Марцеллин (ок. 330 – ок. 400) — историк Поздней Римской империи, грек по происхождению. Составил «Деяния», в которых описывается история империи с 96 по 378 г. Особенно интересно его повествование о событиях

IV в. (вторжения варваров и войны с ними): Аммиан был очевидцем многих из этих событий.

6. Геродот (490/480 г. до н.э. – 430/424 г. до н.э.) — греческий историк и путешественник. Его труд, условно названный «Историей», является компиляцией огромного количества исторических и этнографических сведений, полученных Геродотом во время странствий по греческому миру и за его пределами. Эти сведения объединены общей идеей героической борьбы греков против восточной Персидской державы. Сочинение Геродота является бесценным источником по истории Древней Греции и Ближнего Востока.

7. Гальфрид Монмутский (в англ. традиции Джеффри из Монмута) (ок. 1100–1154/1155) — валлийский и английский писатель, церковный деятель. О его жизни сохранилось немного достоверных сведений. Его ранние годы были связаны, очевидно, с юго-восточным Уэльсом. Впоследствии Гальфрид преподавал в оксфордской монастырской школе. В конце жизни он стал епископом в Сент-Асафе (Северный Уэльс).

Сохранилось три произведения Гальфрида: «Пророчества Мерлина», «История бриттов» (иначе «История британских королей») и стихотворная «Жизнь Мерлина». «История бриттов» была завершена, очевидно, к 1138 г. В ней Гальфрид рисует удивительную картину жизни британских кельтов от заселения ими острова под предводительством мифического Брута до князей – преемников легендарного Артура. Повествование достигает кульминации в описании героических деяний Артура, возглавившего бриттов в борьбе против саксонских захватчиков.

Картина, нарисованная Гальфридом, не имеет почти ничего общего с исторической действительностью. Предполагается, что он использовал валлийские летописи и некоторые исторические сочинения, широко привлекая и собственную богатую фантазию. В Средние века Гальфрида ценили преимущественно как талантливого писателя, но с его подачи образ Артура стал неотъемлемой частью легендарной истории Британских островов.

8. Иосиф Аримафейский — тайный ученик Иисуса Христа, который выпросил у Пилата тело распятого, чтобы положить его в своей гробнице. В Средние века на латинском Западе возникло предание, будто Иосиф был одним из учеников Христа, проповедовавших в Галлии и Британии. Согласно легенде, которая распространялась аббатством Гластонбери, именно Иосиф принес христианство в Англию и построил первую церковь в Гластонбери. Там показывали священный куст, который вырос из посоха Иосифа; он цвел раз в год, на Рождество. Полагали, что Иосиф был похоронен в Гластонбери, но точное место неизвестно.

В артурианскую легенду Иосиф вошел как человек, присутствовавший при распятии Христа и собравший Его кровь в священную чашу Грааль. Он же принес Грааль на Запад, где святыня остается сокрытой до сего дня.

9. Гластонбери — городок в совр. графстве Сомерсет (Юго-Западная Англия). Поблизости, на холме Гластонбери Тор, возможно, существовало языческое святилище. Примерно в VII в. в Гластонбери был основан монастырь, который впоследствии стал уникальной точкой пересечения разных традиций — бриттской (валлийской), ирландской, англосаксонской. В англо-норманнскую эпоху (после XI в.) аббатство Гластонбери стало крупным духовным центром и известным местом паломничества. Насельники аббатства умело эксплуатировали легенды о его кельтском прошлом: в 1190 г. в монастыре была обнаружена могила Артура. Поэтому Гластонбери сочли тем самым «островом Авалон», куда Артура увезли после его последней битвы. Было придумано, что монастырь уже существовал при Артуре и пользовался его особым покровительством.

Впоследствии Гластонбери объявили местонахождением Святого Грааля, который якобы закопан там под священным источником. В руинах аббатства до сих пор показывают терновый куст, выросший из посоха Иосифа Аримафейского — ученика Христа, который считался первым проповедником

христианства в Британии. Славе и богатству монастыря (но не преданиям артуровского цикла) был положен конец в 1539 г., когда аббатство было разграблено и разрушено солдатами короля-реформатора Генриха VIII.

10. Имеется в виду рассказ валлийского историка Ненния (см. ниже) о чудесном камне со следами собачьих лап. По преданию, эти следы оставил Кабал, пес Артура, в погоне за чудовищным вепрем Тройнтом (в валлийских сказаниях «мабиноги» – Турх Труит). Если этот камень унести, пишет Ненний, то через сутки он вновь окажется на прежнем месте.

11. Римляне впервые высадились в Британии при Юлии Цезаре (55–54 гг. до н.э.), но не стали присоединять остров к своим владениям. Завоевание началось лишь в 43 г. н.э. при императоре Клавдии, и было окончено спустя примерно 30 лет. Британские города объявили о своем отделении от империи во время массового вторжения в начале V в., когда варвары перешли Рейн и начали грабить Галлию. Ок. 410 г. император направил британцам письмо, поручая им самим заботиться о своей безопасности, что фактически означало отказ римлян от господства над островом.

12. Латинское слово *barbarus* происходит от греческого слова *βάρβαρος:* древние греки, гордившиеся своей высокой культурой, называли так все негреческое, чужеземное и, по их мнению, дикое, нецивилизованное. Предполагается, что это звукоподражательное слово, которое первоначально обозначало человека, говорившего на непонятном языке.

13. Автор полагает, что единоборство привлекало римлян лишь в виде гладиаторских боев, которые устраивались на особых аренах, предназначенных для кровавых зрелищ (в Риме такой ареной был знаменитый Колизей). Своими военными успехами римляне были обязаны стратегическому опыту и тщательной организации боевых действий, побеждая противника в массовых столкновениях.

14. Ко времени прибытия римских легионов Британия была населена племенами, говорившими на кельтских языках. Прародиной кельтов считаются земли в верховьях Рейна и Дуная (совр. Южная Германия, Швейцария, Австрия, Чехия). Бриттский язык, на котором говорили жители Британии, был почти идентичен галльскому — языку кельтских обитателей на территории современной Франции. Считается, что после 600 г. он распался на несколько самостоятельных языков, от которых произошли существующие доныне валлийский и бретонский языки.

15. Чингисхан (Темучин, ок. 1155–1227) — полководец, основатель государства монголов. Выдвинулся в междоусобной борьбе ханов монгольских племен, разгромив всех своих соперников. Благодаря этому в 1206 г. он был признан верховным правителем всех монголов. Чингисхан объединил монгольские племена в мощное государство кочевников. Он создал превосходную военную организацию и учредил военно-административные единицы — «тысячи». Полководцы Чингисхана разработали оригинальную стратегию, которая позволила монголам вести успешные войны с соседями. Первый удар Чингисхана был направлен на Китай; затем его полководцы захватили Среднюю Азию и совершили поход на Кавказ и Крым, пройдя мимо южных рубежей Киевской Руси. Преемники Чингисхана продолжили его завоевания, дойдя до берегов Адриатического моря.

16. Геродот рассказывает о том, как скифы во время одного из своих походов ограбили храм Небесной Афродиты (Урании) в городе Аскалоне. По его словам, богиня наказала святотатцев и всех их потомков «женским» недугом. Страдающих от этой болезни Геродот называет энареями или андрогинами; Афродита даровала им дар предсказания. Об этом же сообщают другие греческие писатели. Некоторые исследователи сравнивали это с обычаями сибирских народов, у которых шаманы нередко изображают постепенное

превращение в женщину и, наконец, начинают вести себя по-женски.

17. Аттила (ум. 453) – предводитель гуннов, знаменитый своими военными походами. Когда он встал во главе своего народа, гунны жили преимущественно на терр. совр. Венгрии. Под его руководством они распространили свою власть почти на всю Европу, на востоке их владения доходили до Кавказских гор. Войско гуннов вторглось на территорию Восточной Римской империи и осадило Константинополь; император был вынужден заплатить огромную дань. Гуннские орды своим диким нравом и жестокостью наводили ужас на жителей империи, которые прозвали Аттилу «Бичом Божьим». В 451 г. Аттила напал на Галлию, но был разгромлен в битве на Каталаунских полях; возвращаясь, он разграбил города Северной Италии и по пути домой скончался.

18. Эйвбери (Эйвбери-Хендж) мегалитический комплекс эпохи неолита — ранней бронзы (2100–1650 до н. э.) в графстве Уилтшир. Состоит из кромлеха диаметром около 350 м из каменных столбов весом до 50 т, окруженного валом и рвом глубиной до 6 метров. Внутри большого кромлеха — два меньших.

19. Силбери-хилл — огромный искусственный холм в Уилтшире, имеющий форму уплощенного конуса высотой 40 м и диаметром 168 м, окруженного рвом шириной около 40 м. Начало строительства Силбери-Хилл датируется серединой III тыс. до н.э.

20. По сообщению Плутарха, этой фразой Юлий Цезарь известил в письме Матия, одного из своих друзей, о победе над понтийским царем Фарнаком II в августе 47 г. до н.э. при Зеле, неподалеку от устья реки Галиса (ныне Кизил-Ирмак), а согласно римскому историку Светонию, надпись из трех слов: «Пришел, увидел, победил», – несли во время триумфального шествия Цезаря после победы над Фарнаком.

21. Римское завоевание Британии началось в 43 г. В 61 г. был захвачен Уэльс, ставший глухой и слабо романизированной провинцией империи. В 122–127 гг. был сооружен т.н. Адрианов вал, обозначивший северную границу римских владений (от района Карлайла на западе до района Ньюкасла на востоке); вся нынешняя Шотландия оставалась под контролем различных кельтских народов. Этот рубеж римляне удерживали до падения их власти в Британии.

22. Пикты – народ, обитавший на территории современной Шотландии, говоривший, вероятно, на кельтских языках. Об их этнической принадлежности ничего не известно. Тацит в «Агриколе» описывает одну из римских военных кампаний против пиктов, которые так и не были покорены римлянами и оставались их сильнейшим врагом в Британии. После падения римской власти в Британии пикты упрочили свое влияние; до IX в. они сохраняли свою государственность и этническую идентичность, затем оказались под властью ирландцев и были ими ассимилированы. Каледонцами римляне называли всех обитателей Каледонии (Шотландии), а иногда – один из пиктских племенных союзов.

23. Гундеструпский котел был случайно найден в 1891 г. неподалеку от Вестиммерленда в Ютландии при добыче торфа. Этот котел емкостью свыше 130 литров, изготовленный из серебра, по всей вероятности, был в древности покрыт позолотой и использовался в качестве церемониального сосуда. На покрывающих котел рельефных изображениях представлены мифологические сцены с богами, людьми и животными. Некоторые из этих образов — хорошо известные персонажи кельтского культа.

24. Даки – фракийские племена, жившие к северу от Дуная до отрогов Карпат (территория совр. Румынии). В III–II вв. до н.э. находились под влиянием кельтов. В результате походов императора Траяна в начале II в. н.э. даки были покорены римлянами.

25. Античные авторы (Цезарь, Лукан и Дион Кассий) свидетельствуют, что галльские и британские кельты приносили своим богам человеческие жертвы. По словам Цезаря, галлы предпочитали приносить в жертву преступников, но при отсутствии таковых жребий мог пасть на совершенно невинных людей.

26. Устройство кельтского общества в Галлии и Британии подробно и точно описано Юлием Цезарем. Его свидетельство находит неожиданное подтверждение в более поздней истории кельтских народов, преимущественно ирландцев. Ирландская раннесредневековая традиция сохраняла особое уважение к людям, обладавшим особым знанием или искусством. Друиды, которые в христианских латинских текстах именуются «магами», в Ирландии были вытеснены со своего почетного места в общественной иерархии и стали чем-то вроде гадателей или колдунов. Вероятно, их места заняло христианское духовенство.

27. В авторитетном Латинско-русском словаре И.Х. Дворецкого для *civitas* даются следующие основные значения: «гражданство», «государство», «сообщество», «содружество», «город», «граждане», «гражданское население, народ».

28. Употребляемое Цезарем слово *civitas* (основа *civitat*) в классической латыни могло означать «(римское) гражданство; гражданское общество, государство; сообщество, объединение людей; граждане, народ, население; город». Цезарь называет так кельтские племена; впоследствии это слово приобрело значение территориальной единицы — город и его обширная сельская округа. Перевод «нация» неточен, поскольку нации в современном смысле этого слова сложились намного позднее.

29. Боудикка («победоносная») — супруга Пратугаса, правителя племени иценов, обитавших в Восточной Англии. Пратугас признал свою зависимость от римлян; перед смертью он завещал половину своих владений Риму, а остальное —

своим дочерям. Однако имперская администрация, рассматривая земли иценов как завоеванную территорию, не позволила Боудикке и ее дочерям принять власть. Римляне приступили к разделу племенных земель между чиновниками. Жестокость, с которой они проводили свою политику, привела к восстанию иценов и их союзников во главе с Боудиккой (60–61 гг.). Восставшие захватили несколько городов и уничтожили много римских поселенцев. Восстание было подавлено военачальником Светонием Павлином, которого пришлось спешно отозвать из Уэльса. Потерпев поражение, Боудикка покончила с собой.

30. Картимандуя – правительница могущественного племени бригантов, жившего на территории современной Северной Англии и Южной Шотландии (ок. 43 – ок. 70 гг.). После того как она отвергла своего мужа и вышла замуж за его оруженосца, среди бригантов началась смута, едва не приведшая к ее низложению. Она удержала власть благодаря поддержке римлян. В 51 г. вождь силуров Каратак поднял восстание в Южном Уэльсе, надеясь на поддержку других британских племен. Он был разбит римлянами и бежал к Картимандуе, которая выдала его врагу. Предполагается, что, если бы не дружественное отношение правительницы бригантов, римляне могли бы столкнуться с союзом сильных британских племен, который помешал бы им захватить Северную Британию.

31. Гельветия – территория современной Швейцарии, в эпоху Цезаря населенная могущественным кельтским племенем гельветиев. В 58 г. гельветии вторглись в Галлию, но были отброшены войсками Цезаря. От этого племени происходит более позднее латинское название Швейцарии – Helvetia.

32. В 390 г. до н.э. кельты под предводительством Бренна взяли и сожгли Рим. Это событие было связано с массовым переселением кельтских народов на запад, которое привело

к заселению ими Галлии (совр. Франции), Иберии (Испании) и Британских островов.

33. *Realpolitik* – нем. «реальная политика».

34. В ряде стран Северной Европы периодически обнаруживают в торфяных сфагновых болотах так называемых «болотных людей» — подвергшиеся естественному бальзамированию останки человеческих тел, которым несколько сотен, а в ряде случаев – до нескольких тысяч лет. В кислой среде, создаваемой сфагновыми мхами, при низкой температуре и отсутствии кислорода у «болотных людей» сохраняются мягкие ткани и одежда, хотя скелет у них, как правило, растворяют болотные кислоты. В 1984 г. в торфянике Линдоу-Мосс близ Манчестера было обнаружено тело мужчины 20–30 лет, 167 см ростом, с рыжими усами, бородой, бакенбардами и аккуратно подстриженными ногтями. Ученые назвали его Человеком из Линдоу или Питом Маршем. Останки Пита Марша ныне хранятся в Британском музее в качестве одного из наиболее ценных и известных экспонатов. Содержимое его желудка показало наличие в нем большого количества пыльцы омелы — растения, которое широко использовалось в обрядах кельтских жрецов, что подтверждает предположение о том, этот что человек был принесен в жертву в рамках некоего друидического ритуала. Человек из Линдоу считается одним из самых убедительных свидетельств практики ритуальных убийств у кельтов.

35. Современные историки не всегда согласны с такой позицией. Распространение христианства в Британии сопровождалось ожесточенной борьбой с местными языческими культами: при раскопках были обнаружены разрушенные до основания древние святилища, разбитые статуи богов. Иногда старая религия переходила в наступление, и тогда вновь построенная христианская часовня бывала стерта с лица земли. После падения римского владычества христианскому духо-

венству пришлось действовать в необычных для него условиях, однако к VI столетию у бриттов существовала прочная и влиятельная церковная организация. В некоторых местах еще приносились жертвы старым богам, однако торжество христианской веры было бесспорным. Во всяком случае, к началу сложения артурианского канона — не столь важно, с чьим именем его стоит связывать — Гальфрида или более раннего историка Ненния, — христианство давно пустило корни в британской земле. Образы, которые встречаются в сказаниях об Артуре, принадлежат скорее зрелому средневековью XII—XIII вв., нежели кельтской языческой древности.

36. Ирландские представления о Земном Рае, расположенном далеко в западных морях, сложились, по-видимому, под влиянием христианской апокрифической традиции. Более древними являются представления о сидах — волшебных холмах, в которых живут бессмертные существа, также называемые сидами. Сиды населяли остров до прибытия предков ирландцев, после чего ушли под землю, оставив пришельцам наземное пространство. Во многих случаях сиды ирландских саг являются древними кельтскими богами, изгнанными христианской верой; некоторые волшебные холмы пользовались почитанием еще в первые века н.э.

37. Аваллон, «Яблоневый Остров» (от общекельт. **aballo*, *валл. afall «яблоня»*) — одно из проявлений потустороннего мира в валлийской традиции. Это остров вечной молодости и изобилия, на котором остановилось время; там стоят стеклянные палаты и растут чудесные яблоки. В Средние века Аваллон «вернули» из дальних морей на Британские острова и поместили в Гластонбери.

38. Гэлтахт — зона преимущественного использования ирландского языка в Ирландии; состоит из нескольких районов на западном побережье острова. Гэлтахт был создан для сохранения национального языка в условиях массового использования и распространения английского языка.

39. Уильям Кэкстон (1422–1491) – английский первопечатник. В 1476 г. основал типографию в Вестминстере; напечатал ок. 100 книг, среди них – сочинения Томаса Мэлори.

40. Томас Мэлори (до 1410–1471) – английский рыцарь и писатель. Был известен своими разбойными деяниями и не раз попадал в тюрьму. Впоследствии стал приверженцем графа Уорика, «делателя королей», и принимал на его стороне участие в войне Алой и Белой Розы. В одном из сражений Мэлори, очевидно, попал в плен и окончил свои дни в лондонской темнице. Там он принялся за написание на английском языке книги о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола, которая была окончена им в 1469 г. Мэлори использовал все сочинения о короле Артуре, которые к тому времени распространялись на французском языке, и свел их в единый цикл историй. Труд Мэлори, опубликованный после его смерти Уильямом Кэкстоном под единым названием «Смерть Артура», приобрел в Англии огромную популярность.

41. Валлийское написание – Gwenhwyfar, что иногда переводится как «Белый призрак».

42. «Беовульф» – англосаксонский эпос, повествующий о деяниях героя и богатыря Беовульфа, короля скандинавского племени геатов. Беовульф представлен как победитель великанов и драконоборец. Считается, что поэма о Беовульфе была записана в Англии в VIII в.

43. О выводе легионов из Британии в конце IV – начале V в. известно очень мало. Максим (383 г.) и Константин III (406–407 гг.), претенденты на императорский престол, оба поднимали восстание на острове и переправлялись во главе своих войск на континент. Есть основания полагать, что Максим вернул британские легионы на остров и даже укрепил оборону Британии. Мятеж Константина совпал с роковым прорывом рейнской границы варварами, что вызвало хаос и анархию в Галлии. Узурпатор потерпел поражение,

но императорский двор навсегда утратил полный контроль над Галлией (не говоря о Британии, которая была окончательно потеряна для Рима). Есть основания полагать, что основная часть войск тогда покинула остров. Некоторые историки, однако, считают, что римские гарнизоны в целом сохранялись и долго еще обеспечивали оборону Британии от нападений ирландцев, пиктов и германских пиратов.

Ко времени падения римского владычества Британия была разделена на пять провинций, которые составляли диоцез «Британий» (т.е. британских провинций). Лондиний (Лондон), крупнейший на острове город, был столицей одной из провинций и одновременно резиденцией викария «Британий» — главы римской администрации. Второй по значимости город, Эборак (Йорк), был центром другой провинции; в нем находился «начальник Британий», который отвечал за оборону острова, и в частности, северной границы — Адрианова вала. Поэтому Эборак считался военной столицей острова. После крушения римской власти эта административная система исчезла: британцы выслали с острова должностных лиц. Поэтому император Гонорий адресовал свое знаменитое письмо с фактическим признанием независимости Британии местным городским общинам, которые оставались, очевидно, самыми крупными административными единицами. Каждая такая община включала город с обширной округой, которая зачастую соответствовала территории, некогда занимаемой одним кельтским племенем.

44. О жизни британцев после падения римского владычества известно очень мало. Сочетая скупые сообщения римских и византийских историков с данными валлийских преданий, исследователи предполагают, что городские общины, к которым обращался император Гонорий, со временем превратились в небольшие княжества во главе с «тиранами», как этих правителей именовали римляне.

45. Британский историк VI в. Гильдас рассказывает о том, что британские правители во главе с неким «надмен-

ным тираном», отчаявшись защитить остров от набегов ирландцев и пиктов, призвали на помощь отряд германских воинов. Со временем в Британию прибывало все больше переселенцев — англов, саксов и ютов, которые восстали против своих бриттских повелителей и завязали кровопролитную войну. Некоторые рукописи сочинения Гильдаса и более поздние историки называют имя правителя, призвавшего германцев в Британию, — Вортигерн (Wortigernos, «верховный повелитель»). Это не титул, а имя, однако средневековые историки считали Вортигерна верховным владыкой Британии. Таковым его изображает и Гальфрид Монмутский.

46. Кент — историческая область (ныне графство) на юго-востоке Англии. В V в. была захвачена германцами; одно из их племен, юты, образовали в Кенте собственное королевство. К концу VI в. Кент был самым могущественным из англосаксонских королевств и первым, принявшим христианскую веру (597 г.), однако вскоре утратил свои позиции. Как отдельное королевство Кент существовал до конца VIII в.

47. Нортумбрия — историческая область на севере Англии (терр. совр. графств Йоркшир, Дарем, Нортумберленд). Образовалась в начале VII в. на основе двух англосаксонских королевств, Берниции и Дейры, под властью общей династии. Вскоре Нортумбрия, которая беспрерывно вела войны со своими соседями, стала самым могущественным королевством в Англии. В IX в. территория Нортумбрии была захвачена викингами-датчанами, затем вошла в состав объединенной Англии.

48. До самого конца VI в. новые хозяева большей части совр. Англии — англосаксы — оставались классическими «варварами», почти полностью чуждыми римской и латинской культуре. Теснимые ими бритты считали их своими лютыми врагами и наотрез отказывались приобщать их к этой культуре и даже проповедовать им христианство. Только в 597 г.

к англосаксам прибыли христианские миссионеры — Августин Кентерберийский со своими сподвижниками, посланные прямо из Рима.

49. Гильдас (Гильда) Мудрый (Gildas Sapiens) (ок. 490—570) — бриттский историк. Сын короля Стрэтклайда Кау Пикта, бежал в Ирландию от мести короля Артура, жил в Уэльсе, скончался в Бретани, в основанном им же монастыре Руэс.

50. Британский клирик (скорее диакон, чем монах) Гильдас (точнее, Гильда) написал свое знаменитое сочинение примерно между 500 и 520 гг. Согласно ирландским летописям, он скончался в 567 г. В повести «О погибели Британии» он рассказывает об истории острова под властью Рима и после ее падения, о вторжении германских варваров и отчаянной борьбе с ними бриттов. Гильдас видит главную причину бедствий своей родины в нечестии и грехах ее жителей. Используя библейские образы и аналогии, он обличает нравственное убожество современных ему бриттских правителей и церковных иерархов. Первые кичатся своим могуществом, вторые утопают в роскоши и исполнены гордыни; Гильдас предупреждает, что, если вожди народа не покаются, бриттам грозят новые бедствия.

51. Битва при Бадоне, или «осада Бадонской горы», — по словам Гильдаса, последняя крупная победа бриттов над врагом. В «Анналах Камбрии» (см. ниже) это сражение датировано 516 г. Гильдас не приводит никаких дат; из его рассказа можно заключить, что предводителем бриттов был добрый человек и талантливый полководец Амвросий Аврелиан.

52. Беда Достопочтенный (673—735) — англосаксонский ученый монах, писатель и историк. В возрасте семи лет он был отдан на воспитание в монастырь; большую часть своей жизни провел в обители Ярроу в Нортумбрии (Северная Англия). Его перу принадлежит множество богословских и

исторических произведений, сохранилось несколько его стихотворений на латыни и древнеанглийском языке. Самый знаменитый труд Беды — «Церковная история народа англов» — окончен в 731 г. Это уникальный источник по ранней истории англосаксонских земель, их связей с соседними странами (Ирландия, земли пиктов, держава франков). Беда неоднократно подчеркивает непримиримую вражду, которая вроде бы существовала между бриттами и англосаксами. Он был плохо осведомлен о жизни бриттских княжеств и знал их историю только из сочинения Гильдаса.

53. Упоминание Артура сохранилось в поэме «Гододдин» (VII в.), которая описывает неудачный поход северных бриттов против англосаксов. Один из бриттских воителей сравнивается с Артуром; в неясном контексте содержится намек на битву Артура с воронами. В валлийском сказании «Видение Ронабви» Артур собирает свое воинство на битву при Бадоне и садится играть с Оуэном (будущий Ивейн — Рыцарь со Львом). Воины и слуги Артура начинают мучить и убивать воронов Оуэна, но король не обращает на это внимания. Наконец разозленный Оуэн приказывает поднять копье с флагом; увидев это, вороны воспряли духом и бросились на обидчиков, калеча их и убивая. Король трижды просит Оуэна остановить воронов, но тот, как раньше сам Артур, не обращает на это никакого внимания. Артур приходит в ярость и разбрасывает игру. Только тогда Оуэн велит опустить копье, и вороны успокаиваются.

54. «История бриттов», первоначально составленная, видимо, в конце VIII в., дошла до нас с многочисленными вставками и добавлениями. В некоторых рукописях ее автором назван некто Ненний, но был ли он составителем первоначального варианта или автором одной из редакций — неизвестно. Его произведение, написанное на основе бриттских преданий, дает хорошее понятие о том, как валлийцы VIII в. представляли свое легендарное и героическое прошлое. Одни историки считают сообщения Ненния достовер-

ными и восстанавливают на их основе историю бриттов после падения римской власти; по мнению других, эти народные легенды и ученые сказания очень слабо отражают историческую действительность. Ненний приводит множество имен и подробностей, рассказывая, в том числе, о подвигах Артура и связанных с его именем преданиях.

55. Ненний называет камень со следами Артурова пса и могилу его сына, расположенную в Западном Уэльсе, в числе чудес Британии.

56. Имеется в виду рассказ из приписываемой Гальфриду латинской поэмы «Жизнь Мерлина» (Vita Merlini), где повествуется о битве между войсками властителя венедотов Передура и короля Скоттии Гвеннолоя, в которой на стороне Передура принимает участие Мерлин и с ним владыка кумбров Родарх и его трое братьев. Увидев гибель в сражении трех юных братьев Родарха, Мерлин впадает в безумие и после битвы, предав тела погибших земле, скрывается в Каледонском лесу.

57. Карлион (Каэрлеон) — руины римского города Иска на холме над рекой Аск в Юго-Восточном Уэльсе. В Иске был расквартирован Второй легион «Августа». Город пришел в упадок еще в конце III в. С легкой руки Гальфрида Монмутского Карлион стали считать крупным городом времен Артура, где якобы находились собор (в котором Артур был коронован), «университет» и два аббатства. Валлийское название «Каэрлеон» означает «крепость легионов».

58. Обычно река Дубглас (Дуглас), как и область Линнуис (ныне Леннокс), локализуется в Южной Шотландии.

59. «Анналы Камбрии» (латинское название Уэльса) — летопись, которая велась в разных бриттских княжествах с неизвестного времени по 1255 г. С конца VIII в. летописец находился при епископской кафедре в Меневии (ныне Сент-Дейвидс) в Уэльсе. Считается, что анналы были составлены

в Меневии на основе ирландских летописей и некой хроники, которая велась на севере, очевидно, в княжестве Страт-клайд в Шотландии (возможно, при епископской кафедре в Глазго). Сообщения «Анналов Камбрии» до VIII в. вызывают серьезные сомнения в их достоверности.

60. «Мабиногион» — собрание валлийских сказаний, возникшее и записанное в XIII в. Получило свое название от четырех саг-«мабиноги», к которым впоследствии были добавлены другие предания. Сага о Куллохе и Олуэн выделяется сложностью и разработанностью сюжета, в котором отчетливо видны заимствования из ирландских саг. В этом сказании король Артур и его воины помогают Куллоху найти и завоевать Олуэн — дочь Повелителя Великанов.

61. Гоэзновий — один из епископов в Сен-Поль-де-Леон в Бретани, по преданию, седьмой преемник св. Павла Аврелиана, основателя кафедры. Его житие было составлено в 1019 г. монахом Гильомом по благословению леонского епископа Одона (995–1033).

62. Ливрис (Леофрик) был сыном Хервальда, епископа Ланкарвана в Южном Уэльсе (ок. 1056–1104). Он составил житие святого Кадока — британского церковного деятеля, видимо, VI в., основателя церкви в Ланкарване.

63. Каранног (Каранток) — британский церковный деятель VI–VII вв., основатель нескольких церквей в Корнуолле и Бретани. Говард Рид говорит о поздних житиях британских святых, которые начали составляться в Уэльсе в XI в. Их историческая ценность очень сомнительна.

64. Уильям Мальмсберийский (ок. 1095–1143) — английский монах, писатель, связанный с аббатством Гластонбери. Его перу принадлежат «Деяния английских королей» (1125 г., впоследствии перерабатывались автором) и сочинение «О древности Гластонберийской церкви».

65. Карадок Лланкарванский (ум.ок. 1150) — валлийский ученый монах, агиограф. Первоначально жил при церкви в Лланкарване, но после ее подчинения Глостерскому аббатству переселился в Гластонбери. Из его сочинений сохранилось житие св. Гильдаса (Гильды).

66. Остров Минау (Minau) = Манау (Ynys Manaw), ныне о-в Мэн в Ирландском море; Хевиль — сын короля Стрэтклайда Кау Пикта, отца Гильдаса. Описываемые Карадоком события относятся ко времени ок. 500 г.

67. Вильгельм I Завоеватель (ок. 1027—87). С 1035 г. герцог Нормандии. В 1066 г. при Гастингсе одержал победу над англосаксонским королем Гарольдом II и провозгласил себя королем Англии.

68. Роберт, граф Глостерский (1090—1147), — внебрачный сын короля Генриха I и внук Вильгельма Завоевателя. После смерти отца он принял участие в развернувшейся в Англии гражданской войне на стороне дочери и наследницы Генриха Матильды. Роберт был покровителем многих ученых людей своего времени, в т.ч. Уильяма Мальмсберийского.

69. Вальтер был архидиаконом Оксфордской церкви в первой половине XII в.

70. «Цикл Вульгаты» — назидательное, «христианское» направление Артурианы, прозаическое переложение сведенных в единый цикл артуровских легенд, сказаний и романов. Цикл Вульгаты появился как коллективный труд монахов ордена цистерцианцев в монастыре св. Бернарда в Клерво (Франция) в 1215—1236 гг. В «Цикл Вульгаты» входят «История Святого Грааля», «История Мерлина», «Книга Ланселота», «Поиски Святого Грааля» и «Смерть Артура».

71. Тинтагел (Тинтагель артуровской традиции) — скалистый утес, на котором находятся руины замка XIII в. На этом месте проводились археологические раскопки, обнаружившие,

что в раннем средневековье в Тинтагеле находилось значительное поселение. Сначала это поселение считали монастырем, но затем было доказано, что там жил бриттский князь, очевидно, правитель Корнуолла.

72. Коэл Хен («Старый») Тегван, король Эвраука (ок. 385–420).

73. Город Бат (Bath) был основан римлянами у целебных источников как поселение Акве Сулис (Aquae Sulis). В римское время там находились известные термы, сейчас — грязелечебный курорт.

74. Кретьен де Труа (ок. 1130 – ок. 1191) — французский ученый клирик, поэт и романист. Его наиболее известные произведения — цикл романов о рыцарях Круглого Стола, в которых Кретьен основывается не только и не столько на сочинении Гальфрида Монмутского, сколько на легендах об Артуре, распространенных к тому времени в кельтской Бретани. Бретонские легенды легли в основу «французской артурианы», которую вернул в английское русло Томас Мэлори.

75. Уильям Кэкстон в предисловии к сочинению Мэлори упоминает знаменитую могилу Артура в аббатстве Гластонбери, а также ряд реликвий, связанных с именем легендарного короля и его рыцарей: оттиск печати Артура на красном воске, оправленный в берилл, который хранился в раке св. Эдуарда Исповедника в лондонском Вестминстерском аббатстве; череп Гавейна и плащ Кардока в Дуврском замке; Круглый Стол в Винчестерском замке, а также меч Ланселота и многие другие предметы в разных иных местах. О славе и могуществе Артура свидетельствуют также руины города Камелот (Карлион?) в Уэльсе.

76. В битве при Босворте (22 августа 1485 г.) сторонники Йорков и Ланкастеров, объединившиеся против короля Ричарда III, разгромили его войска. Королем Англии стал

Генрих VII Тюдор, дальний родственник Ланкастеров, женившийся на наследнице Йорков принцессе Елизавете. Этой битвой окончилась война Алой и Белой Розы.

77. «Пророчества Мерлина» стали первым литературным трудом Гальфрида Монмутского. Считается, что они были созданы ок. 1134 г. по просьбе Александра, епископа Линкольнского. Впоследствии Гальфрид включил их в текст «Истории бриттов» (гл. 109–117).

78. Ср. общекельтское artos, валлийское arth «медведь».

79. Мон-Сен-Мишель, Гора святого Михаила на границе Бретани и Нормандии. По преданию, на ней произошло явление архангела Михаила, после чего в начале VIII в. там был основан монастырь, ставший известным центром паломничества.

80. Мидяне – племенной союз, занимавший часть Иранского нагорья и известный с IX в. до н.э. Мидяне говорили на иранских (индоевропейских) языках. В ходе ожесточенной борьбы с завоевателями-ассирийцами мидяне создали собственное царство. В VII–VI вв. до н.э., при царе Киаксаре, мидяне уничтожили Ассирию и создали собственную могущественную державу. В середине VI в. до н.э. она была захвачена персидским царем Киром. Самостоятельное мидийское царство было восстановлено только в Южном Азербайджане в эпоху упадка Персидской империи. Последний раз мидяне упоминаются в I в. до н.э.

81. Perlesvaus, или «Возвышенная повесть о Святом Граале» – роман из артуровского цикла, написанный в XIII в. на старофранцузском языке в аббатстве Гластонбери.

82. Святой Грааль описывается в средневековых легендах как таинственный сосуд, ради приближения к которому рыцари совершают свои подвиги. Обычно это чаша, в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь распятого Христа. Часто

Грааль считался той самой чашей, из которой Христос и апостолы пили вино на Тайной Вечере. По другим легендам, это серебряное блюдо, иногда с головой Иоанна Крестителя, чудесное копье, которым пронзили ребра Христа, или меч царя Давида, уготованный рыцарю-девственнику. На Запад Грааль был принесен самим Иосифом Аримафейским. Священный предмет не терпит скверны и открывается только людям чистым телом и душою. Считается, что образ Святого Грааля возник из смешения легенд кельтского происхождения и христианской символики Евхаристии.

83. Теннисон, Альфред (1809–1892) – английский лорд и поэт. Его перу принадлежат «Королевские идиллии» – цикл поэм, написанных по мотивам легенд о короле Артуре.

84. Киммерийцы – племя, населявшее Северо-Восточное Причерноморье в VIII–VII вв. до н.э. По словам Геродота, некогда они занимали все земли, прилегающие к Черному морю с севера, но затем были вытеснены оттуда. Киммерийцы часто вторгались в Малую Азию, селились там и ассимилировались местным населением. Их индоевропейское происхождение остается недоказанным. В более позднее время греки и римляне именовали киммерийцами всех жителей причерноморских степей.

85. Гомер – легендарный древнегреческий поэт, которому приписывается авторство «Илиады» и «Одиссеи». О нем самом почти ничего не известно; считается, что он жил между XI и VII вв. до н.э.

86. Псамметих I – египетский фараон (663–610 гг. до н.э.). Освободил страну от владычества ассирийцев, объединил ее под своей властью и основал XXVI (Саисскую) династию.

87. Мандеи (марды) – племена, родственные массагетам (предкам алан). Первоначально жили в Центральной Азии,

затем расселились вдоль южного берега Каспийского моря и в Армении до восточного побережья Черного моря.

88. Массагеты, обитавшие в прикаспийских степях, считаются предками алан. В 518–514 гг. до н.э. царь Дарий I завоевал земли массагетов и присоединил их к Персидской державе.

89. Аракс — идентификация этой реки остается дискуссионной, но большинство исследователей полагает, что Араксом Геродот в данном случае называет Амударью или один из ее протоков, Узбой, впадавший в Каспийское море и ныне высохший.

90. Кир II Великий — основатель и первый царь (558–530 гг. до н.э.) персидской державы Ахеменидов. Прославился как великий завоеватель, покоривший Малую Азию, Месопотамию и значительную часть Средней Азии. Погиб во время похода против кочевников-массагетов.

91. Дарий I – персидский царь в 522–486 гг. до н.э. После своего восшествия на престол подавил многочисленные восстания, провел ряд важных реформ. Правление Дария считается эпохой расцвета Персидской державы. Однако его войны со скифами (ок. 514) и с греками (500–449 гг.) окончились неудачей.

92. Борисфен – река Днепр.

93. Лесистая область — геродотовская Гилея, массив реликтовых лесов в низовьях Днепра, следы которого в пойме нижнего Днепра сохранились по настоящее время в виде небольших березовых, осиновых и дубовых рощ в районе Кинбурнского полуострова и г. Цюрупинска.

94. Аримаспы — восточноиранские племена, обитавшие между Уралом и Алтаем. В греческом мире о них распространялись самые фантастические слухи.

95. По словам Геродота, Анахарсис был единственным просвещенным и знаменитым человеком среди скифов. Он происходил из царского рода и много путешествовал по греческому миру. Вернувшись на родину, Анахарсис тайно совершал обряды в честь чужих для Скифии богов, надевая необычные облачения и ударяя в тимпан. Это заметили и донесли его брату, царю Савлию, который убедился в приверженности Анахарсиса чужеземным обычаям и собственноручно убил его.

Геродот рассказывает также о скифском царе Скиле, матерью которого была гречанка. Скил с детства проявлял интерес к жизни греков. Когда ему приходилось проходить с войском мимо города Ольвии, он всегда входил в город и приказывал запереть за собой ворота. После этого он переодевался в эллинскую одежду и свободно ходил по городу, как простой житель; никого из скифов в город не пускали, чтобы они не увидели своего царя в таком виде. Со временем Скил втайне от своего народа построил в Ольвии роскошные палаты и завел жену.

Скил решил участвовать в таинствах бога Вакха, чего скифы особенно не одобряли. Один из горожан тайно провел в город предводителей скифского войска и показал им, как царь шествует в вакхической процессии. Они страшно возмутились и подняли восстание против Скила. Тот бежал к царю Фракии, но был выдан скифам и казнен.

96. Арес (Арей) — в греческой мифологии бог кровавой и жестокой войны (в отличие от Афины — богини справедливой войны и победы). Греки часто искали в божествах других народов черты, присущие своим богам, и называли их привычными именами. Так, Геродот, описывая поклонения скифскому богу войны, называет его именем греческого Ареса.

97. Будины — восточные соседи скифов, жившие между Волгой и Доном в их среднем течении. Их этническая принадлежность остается неясной.

98. Савроматы – кочевые племена, родственные скифам, обитатели приволжских и приуральских степей. В конце V–IV вв. до н.э. перешли Дон, вытесняя скифов с занимаемых ими земель.

99. Сарматы – союз племен, образовавшийся на основе савроматов (собственно сарматов) в III в. до н.э., после того как те вытеснили скифов из Северного Причерноморья. Сарматы занимали их земли до IV в. н.э., после чего были разгромлены и вытеснены гуннами.

100. Ферганская долина (Давань китайских источников) славилась быстроаллюрными скакунами, о которых рассказывали, что они происходили от небесных жеребцов и потели кровавым потом. Китайский император Уди, нуждаясь в быстроходных и сильных боевых конях для тяжелой конницы, без которой было невозможно вести успешную борьбу с северными кочевниками, в 102 г.до н.э. даже отправил военную экспедицию против даваньцев, отказывавшихся продавать ему своих знаменитых скакунов. Потомками даваньских «небесных лошадей» считаются кони современной ахалтекинской породы.

101. Имеется в виду один из вариантов скифской генеалогической легенды из IV книги «Истории» Геродота, согласно которой Геракл, придя в Скифию, заснул, а проснувшись, обнаружил, что его кони исчезли. Поиски коней привели его к полуженщине-полузмее, которая сообщила, что кони находятся у нее, но она не вернет их, пока Геракл не вступит с ней в любовную связь. От союза Геракла с этой змееженщиной родилось три сына, один из которых стал первопредком скифов.

102. Речь идет о захоронении из кургана № 10 Кобяковского некрополя на восточной окраине Ростова-на-Дону.

103. «О воздухе, воде и земле» – трактат знаменитого греческого врача Гиппократа (ок. 460 – ок. 370 гг. до н.э.).

Загадочную болезнь скифов он трактует как форму импотенции и считает ее карой, которую боги насылают на богатых.

104. Автор описывает рельефные изображения на знаменитом электровом сосуде из скифского кургана Куль-Оба. Как убедительно показал российский исследователь Д.С. Раевский, переданные на сосуде «сцены из скифской жизни» в действительности являются иллюстрацией к одной из версий скифской легенды о происхождении скифских царей, приводимой Геродотом. Геракл предназначил власть над Скифией тому из трех своих сыновей, родившихся от встреченной им в Скифии полуженщины-полузмеи, кто сумеет натянуть тетиву его могучего лука. Два старших сына потерпели неудачу в этом испытании и были вынуждены покинуть Скифию. Третий сын, Скиф, справился с поставленной задачей и стал прародителем скифских царей. «Сцены врачевания» на кульобском сосуде представляют типичные травмы, к которым приводит неудача при натягивании тетивы на тугой лук, полученные старшими сыновьями в результате их неудачных попыток.

105. Колонна Траяна в Риме – грандиозный монумент, воздвигнутый императором Траяном в честь победы над даками. В основании колонны была устроена усыпальница императора.

106. Греческое название племени савроматов (*Σαυρμαται*) происходит от слова *σάυρα* – «ящерица».

107. Сюнну – китайское название тюркского кочевого народа хунну, обитавшего в Центральной Монголии и Забайкалье. Их культура была схожа со скифо-сарматской. С III в. до н.э. хунну с переменным успехом воевали против Китая. В I в. н.э. северные хунну были разбиты китайцами и их союзниками, после чего часть их откочевала на запад и стали известны как гунны. Южные хунну в IV–V вв. основали несколько государств на территории Китая,

но впоследствии были рассеяны и уничтожены другими кочевыми народами.

108. Языги (язиги) – кочевое сарматское племя, которое на рубеже н.э. обитало к востоку от реки Дон. Со временем они переселились на запад и во II в. жили на территории современной Венгрии.

109. На Нижнем Дунае были расположены римские провинции Верхняя и Нижняя Мезия, названные в честь племени или племенного союза мезийцев, обитавших между Дунаем и Балканами.

110. Римская провинция Паннония занимала часть территории совр. Австрии, Хорватии и Венгрии.

111. Марк Аврелий (121–180) – римский император с 161 г. Вел постоянные войны с соседями империи (парфянами, германскими племенами). Марк Аврелий известен благодаря своему философскому сочинению «Размышления» («Наедине с собой»).

112. Бриганты — одно из крупнейших кельтских племен Британии, занимали область Пеннинских гор и часть земель современной северо-западной Англии. Окончательное покорение бригантов Риму осуществил в 73 году Агрикола.

113. Вал Адриана – укрепленная граница римских владений в Британии – был построен в 122–127 гг. Между 142 и 184 гг. граница проходила намного севернее, по Антонинову валу, который пересекал совр. Южную Шотландию от Глазго до устья р. Форт. После эвакуации Антонинова вала граница вновь переместилась на юг.

114. Вотадины — крупное племя, обитавшее на юго-востоке современной Шотландии и северо-востоке современной Англии.

115. Аполлон Мапон — кельтское солярное божество.

116. Митра – одно из главных иранских божеств: бог солнца, мира и согласия. В поздней Римской империи получили широкое распространение экзотические восточные культы, наиболее популярным из которых стал культ Митры. В его честь строились особые святилища (митреумы), проводились тайные обряды-мистерии.

117. Многие британцы поддержали мятеж Магненция, который пытался свергнуть императора Констанция. В 353–354 гг. мятеж был жестоко подавлен Констанцием и его приближенными.

118. Готы – восточногерманские племена, жившие к началу н.э. на южном побережье Балтийского моря. В конце II в. начали двигаться на юг, к границам Римской империи и в Причерноморье. В III в. прочно обосновались у римской границы и совершали постоянные набеги на империю. Постепенно переселялись на римскую территорию, становясь «союзниками» империи. Часть готов ушла на Запад и разделилась на вестготов (Южная Галлия, Испания) и остготов (Северная Италия); некоторые остались в Крыму, где продолжали существовать до конца XVI в.

119. Приск Панийский (ок. 410 – ок. 475 гг.) – греческий путешественник, дипломат, преподаватель ораторского искусства в Константинополе. В 448 г. участвовал в посольстве, отправленном императором Феодосием II к правителю гуннов Аттиле. Среди сочинений Приска – «Византийская история», сохранившаяся только в виде отрывков в сочинениях других авторов.

120. Флавий Валент – император Восточной Римской империи в 364–378 гг. В 376 г. разрешил готским племенам перейти через Дунай и поселиться в Мезии. Однако поселенцы восстали против притеснений римских чиновников, и Валент выступил против них с войском. В битве при

Адрианополе (9 августа 378 г.) римское войско было разгромлено, император погиб.

121. Леты (laetus) – иноземцы или варвары, получившие от государства земельные наделы для обработки. Получив надел, леты попадали в зависимость от государства.

122. Стилихон (ок. 360–408 гг.) – римский военачальник, вандал по происхождению. В качестве опекуна малолетнего императора Гонория фактически управлял Западной Римской империей, успешно сражаясь с варварами. Когда Гонорий подрос, он приказал убить Стилихона.

123. Вестготы были расселены римлянами в качестве федератов («союзников») в Иллирии (в северо-западной части Балканского полуострова). Под руководством своего короля Алариха они неоднократно вторгались в Италию, но терпели поражение, в т.ч. от военачальника Стилихона. Аларих трижды осаждал Рим – крупнейший город и символ империи, хотя и переставший быть резиденцией императора. 24 августа 410 г. вестготы впервые за сотни лет захватили Вечный Город и подвергли его страшному разгрому. Падение Рима потрясло современников, которые увидели в этом начало конца империи.

124. Флавий Арриан (ок. 95 г. – вторая половина II в.) – историк и писатель, римский государственный деятель, специалист в области военного дела. По происхождению грек. Ок. 131–137 гг. был наместником Каппадокии в Малой Азии, устранил аланскую угрозу. Арриан оставил много сочинений, большинство из которых не сохранилось; до нас дошла написанная им история Александра Македонского, географические и философские сочинения.

125. Осетины, которые считаются потомками алан, народ на Северном Кавказе, чей язык относится к иранской группе языков.

126. Флавий Грациан – император Западной Римской империи в 375–383 гг. Широко образованный и гуманный человек, Грациан пытался облегчить государственное давление на простых жителей империи, объявил широкую амнистию. Ревностный христианин, он боролся с язычеством и христианскими ересями, покровительствуя духовенству. В годы его правления имперские власти успешно контролировали поведение варваров. Грациан был убит сторонниками узурпатора Максима, поднявшего восстание в Британии. Это произошло при возможном попустительстве со стороны «восточного» императора Феодосия.

127. Флавий Феодосий (Феодосий I Великий) – император Восточной Римской империи в 379–395 гг. Испанец родом, умелый военачальник и дипломат; после гибели Валента Грациан провозгласил Феодосия своим соправителем, императором восточной половины империи. Феодосий укрепил управление государством, успешно боролся с варварами и всемерно поддерживал христианское духовенство. В 388 г. посланные им войска разгромили армию Максима и казнили узурпатора. В последний год своей жизни Феодосий объединил обе половины империи под своей властью; после его смерти империя распалась снова, и на этот раз навсегда.

128. Аларих I (ок. 370–410) – король вестготов, неоднократно совершавший походы на территорию Западной Римской империи. База Алариха находилась в Иллирии, где вестготы были размещены в качестве «союзников». Под его предводительством вестготы захватили и разграбили Рим.

129. Павел Орозий (ок. 380 – ок. 420) – римский историк, священник из Испании. Друг Блаженного Августина, он выступал с богословскими сочинениями против еретиков и язычников, проповедуя идею христианского союза между римлянами и варварами. Главное произведение Орозия – всемирная «История», написанная им по совету Августина.

130. Прокопий Кесарийский (490/507–565) – византийский историк и юрист, секретарь полководца Велизария. Перу Прокопия принадлежит несколько официозных сочинений, описывающих достопамятные деяния императора Юстиниана (особенно войны с варварами), и знаменитая «Тайная история» –повествование о закулисной жизни византийского двора с обличением гнусных дел того же императора.

131. Павлин Пелланский (376 – после 460 г.) – римский аристократ и государственный деятель. В своей автобиографической поэме «Благодарение» (Eucharistikon) он описывает злоключения высокого галльского чиновника в эпоху расселения в Южной Галлии буйных вестготов и алан.

132. Павлин родился в городе Пелла в Македонии, которым управлял его отец.

133. Майориан – император Западной Римской империи в 458–461 гг. Возведен на престол военачальником Рикимером (вестготом или свевом по происхождению), пытался укрепить свою власть в Галлии, но был убит по приказ того же Рикимера, который заменил его очередным марионеточным императором.

134. Среди государственных деятелей как Западной, так и Восточной Римской империи многие были по происхождению варварами. После смерти Феодосия Великого в 395 г. императором в Константинополе стал Аркадий, женатый на дочери франкского вождя. Осенью 395 г. в городе началась смута: глава гражданского управления Руфин был убит варварами-солдатами. Во главе армии встал гот Гайна, а место Руфина занял бывший раб, евнух Евтропий. Столичная знать была недовольна переворотом, тем более что в своей политике Евтропий опирался не на аристократию, а на торгово-ремесленную верхушку городского населения. Он решился на продажу должностей богатым горожанам, и в правительстве появились люди низкого происхождения. Финансовые труд-

ности вынудили Евтропия конфисковать некоторые земли провинциальной знати, что вызвало ненависть к нему.

Евтропий, стремясь завладеть всей полнотой власти, начал вытеснять готов из правительства и армейского руководства. Это вызвало восстание, которое возглавил Трибигильд — глава готских гарнизонов во Фригии (Малая Азия). Варвары грабили и беспощадно разоряли области Малой Азии. Местные крестьяне организовали ополчение и уничтожили готские отряды в болотах.

Пользуясь этими событиями, военачальник Гайда при поддержке знати потребовал у императора отставки Евтропия (август 399 г.). Однако на его место встали аристократы, резко настроенные против варварского засилья при дворе. Гайда добился отставки нового правительства, планируя захватить власть. Однако 12 июля 400 г. в городе начался мятеж против готов, и варвары были навсегда изгнаны из Константинополя.

Если бы готы получили власть в столице Восточной Римской империи, на месте будущей Византии, возможно, возникло бы королевство варваров-завоевателей. Благодаря восстанию горожан летом 400 г. империю удалось сохранить более чем на тысячу лет.

135. Прорыв укрепленной границы, проходившей по Рейну, имел катастрофические последствия для Западной Римской империи. Реку перешли вандалы, аланы, свевы и другие, менее крупные варварские народы. Они опрокинули войска франкских «союзников», которые должны были обеспечивать безопасность границы, и рассеялись по всей Галлии. Императорский двор не смог полностью восстановить контроль над этими землями, а граница империи, проходившая по Рейну и Дунаю, фактически осталась открытой для новых вторжений.

136. После долгих странствий аланы, свевы и вандалы оказались в Испании, захватывая земли и разрушая города. Под давлением вестготов они были вынуждены переправиться

в Северную Африку (май 429 г.). Поход возглавил король Гейзерих. Вандалы жестоко грабили захваченные земли. Императорский двор был вынужден заключить с Гейзерихом договор, отдав им для поселения две провинции. Однако через несколько лет вандалы нарушили договор, захватив Карфаген – столицу римской Африки, и окружающие его области. В Карфагене варвары нашли большой флот, благодаря которому стали совершать пиратские набеги на побережье Италии. В 442 г. императорское правительство признало независимость королевства Гейзериха.

137. Аспар был византийским главнокомандующим в середине V в. Когда в 457 г. умер император Маркиан, последний представитель династии Феодосия Великого, Аспар получил реальную власть в государстве. Сам он не мог стать императором из-за своего варварского происхождения и арианского (еретического) учения, которое исповедовал. Поэтому по указанию Аспара императором стал один из его офицеров, Лев I (457–474). Однако Лев с самого начала стремился освободиться от опеки военачальника-варвара: он видел, как на Западе такие военачальники по своей воле сажают на престол и свергают императоров-марионеток. Поэтому Лев впервые в истории Византии был торжественно венчан на царство, что должно было показать божественное происхождение его власти.

Лев пытался вмешиваться в дела Западной империи, сажая на престол своих ставленников и даже организовав крупномасштабную экспедицию против африканского королевства вандалов. Предприятие окончилось неудачей, как считается, из-за плохой подготовки и придворных интриг.

Опасаясь Аспара и его варварских офицеров, император набрал из малоазийских горцев особый отряд своей личной гвардии. В это время Аспар потребовал от него провозгласить своим наследником, кесарем, Льва – сына Аспара. Против этого выступили жители Константинополя, духовенство и знать. Между тем Аспар одержал крупную победу над гуннами, и его влияние при дворе сильно возросло. Лев опасался возмож-

ного сговора между Аспаром с его офицерами-готами и остготскими королями на границах империи. Поэтому в начале 471 г. Лев приказал гвардейцам уничтожить Аспара и все его семейство. Началась война с готами, которые тем временем укрепились в Италии.

138. Багауды — участники восстаний против римского гнета в Западной Галлии V в. Одни историки считали восстания багаудов своего рода классовой борьбой угнетенных крестьян и рабов против своих господ, другие — попыткой влиятельной местной знати заявить о своей самостоятельности. Ныне считается, что движение багаудов было связано с попыткой римских властей восстановить контроль над теми районами Галлии, которые после прорыва границы потеряли связь с центром, но не были захвачены германцами. Багауды, очевидно, были местной знатью, которую поддержали крестьяне; их объединяло нежелание снова подчиняться римскому игу, которое к тому же не могло защитить их от варваров.

139. Флавий Аэций (ок. 390—454) — полководец, главнокомандующий войсками Западной Римской империи. Активно боролся с варварами, пытаясь уничтожить их или вытеснить за пределы империи, в случае неудачи — подчинить их и поставить себе на службу. При этом его армия почти полностью состояла из варварских отрядов. Аэций был убит по приказу императора Валентиниана III, который опасался его влияния.

140. Считается, что Аэций расселил алан короля Гоара в районе Орлеана ок. 447—448 гг. для того, чтобы поставить заслон багаудам и создать базу для подавления восстания.

141. Орлеан, разумеется, находится не в Арморике. Автор подразумевает т.н. Арморикамский край (*Tractus Armoricanus*), который охватывал обширные земли в Западной и Центральной Галлии. Орлеан находился в центре этого

региона, который в V в. был охвачен движением багаудов. Есть основание полагать, что св. Герман (см. след. прим.), до того как стать епископом, был военным начальником (*dux*) Арморикanского края.

142. Герман, епископ Оксеррский (ум. 448) – известный галльский церковный деятель, прославившийся как чудотворец. Представители багаудов просили Германа заступиться за них перед императором и Аэцием. Епископ остановил карательную экспедицию алан и отправился к императорскому двору в Равенну.

143. Сведения о подавлении восстания багаудов, которые содержатся в галльских хрониках и житии св. Германа, довольно противоречивы. С одной стороны, известно, что в 435 г. в Арморике поднял восстание некто Тибаттон. Через два года Тибаттон попал в плен, и восстание было подавлено военачальником Литорием, который командовал гуннской кавалерией. В 442 г. знать Северной Галлии восстала против Аэция, который распорядился поселить алан во главе с королем Гоаром, видимо, в округе Орлеана. Мятеж был подавлен, и аланы обосновались на отведенной им земле, терроризируя окрестное население. В 448 г. в Арморике вспыхнуло новое восстание.

Принято считать, что участники именно этого восстания, понимая, что им не устоять перед конницей алан, просили епископа Германа заступиться за них в Равенне. Герман не успел убедить императора в необходимости простить восставших: он скончался вскоре после своего прибытия в столицу, и в Галлию было привезено лишь его мертвое тело. Тем временем багауды, не дождавшись ответа, нарушили заключенное перемирие и возобновили боевые действия. Восстание было подавлено.

Однако в житии св. Германа упоминается, что предводителя восставших звали Тибаттон. Возможно, хотя и маловероятно, что Тибаттон спасся из плена, или что это ошибка составителя

жития. Некоторые историки считают, что заступничество Германа относится именно к восстанию 435–437 гг., и следовательно, Герман скончался в Равенне в 437 г. (год его смерти не упоминается в источниках). Однако об участии алан в подавлении этого мятежа ничего не известно.

144. Об осаде гуннами Орлеана и чудесном спасении города повествует легенда о епископе Аниане, который руководил обороной. В житии св. Аниана рассказывается, что отряды Аэция подошли вскоре после того, как гунны ворвались в город и начали его грабить.

145. «Битва народов» на Каталаунских полях (июнь 451 г.) – самое крупное сражение, которое Аэций дал варварским народам. Со стороны гуннов, которых возглавлял Аттила, в нем участвовали остготы, гепиды и др. племена; войско Аэция состояло из бургундов, франков, алан, вестготов и т.д. (эти народы давно расселились на территории империи и служили ей в качестве «союзников»). В этом кровопролитном сражении гунны истощили свои силы и впоследствии были не в состоянии продолжить завоевательные походы.

Каталаунские поля – равнина в совр. Северо-Восточной Франции, вокруг города Шалон-сюр-Марн (римский Каталаун). Описание битвы приводит историк VI в. Иордан в своей истории готов («Гетика»).

146. Бриттское кельтоязычное население появились в Арморике в V – VI вв. благодаря массовой эмиграции из Британии в связи с англосаксонскими завоеваниями. Переселенцы-бритты нашли в Арморике немногочисленное галло-римское население, которое они постепенно ассимилировали.

147. Эней – один из защитников Трои, которому удалось спастись после падения города. После долгих странствий он прибыл в Италию и, взяв в жены дочь местного царя, стал основателем государства, на основе которого впоследствии возник Рим. Эта легенда изложена в поэме Вергилия «Энеида».

148. Первым бретонским властителем, носившим имя Алан, был Алан Великий, происходивший из рода графов Ванна. В 890 г. он нанес сокрушительное поражение норманнам, которые жестоко разоряли бретонские земли. После его смерти в 907 г. Бретань перестала быть королевством и превратилась в герцогство. Многие потомки Алана Великого, герцоги Бретани, носили его имя.

149. Падарн (Патерн) — британский епископ V–VI вв., который широко почитался в Уэльсе. В позднем житии св. Патерна (составлено ок. 1120 г.) изложена легенда о том, как некий тиран по имени Артур увидел на епископе красивое церковное облачение и пожелал такое же себе. Патерн объяснил, что это одеяние могут носить только клирики. Артур разгневался и попытался отнять его силой, но по слову епископа начал проваливаться в землю. Тиран стал молить о прощении и был спасен, после чего всегда относился к епископу с великим почтением.

150. Легенда о том, что Артур убил брата Гильдаса, содержится во Втором житии святого, которое в конце XI в. составил Карадок из Лланкарвана.

151. Констанций (V в.) — священник из Лиона, известный своей образованностью и литературным талантом. Из его сочинений сохранилось житие св. Германа, епископа Оксеррского, составленное им, видимо, ок. 480–490 гг. Житие Германа является очень ценным, но и противоречивым источником, который не столько дает ответы на существующие вопросы, сколько вызывает новые недоумения (напр., в случае с походом алан против восставших багаудов).

152. Констанциево житие св. Германа сохранилось в многочисленных рукописях VIII–XV вв. Его востребованность и популярность привели к появлению расхождений между разными рукописями. Имя аланского короля, остановленного Германом, встречается в нескольких вариантах. Некоторые исследователи (А. Алемань) утверждают, что правильная фор-

ма – Eochar или Eothar (встречается в трех рукописях). Большинство историков, однако, принимают форму Gochar, Gothar или Goar (Goar в т.ч. у Григория Турского), которая содержится в большинстве манускриптов. В последнем издании жития св. Германа, которое осуществил в 1965 г. Рене Бориус, варианты с «Э», как ошибочные, даже не рассматриваются. Несомненно, кто-то из переписчиков сделал ошибку, спутав буквы в экзотическом имени; автор же настоящей книги выбирает нестандартный вариант, не получивший поддержки большинства исследователей.

153. В житии святого Германа сообщается, что аланы – очень воинственный народ, поклоняющийся идолам. Проповедь христианства среди сельского населения Галлии началась в IV в., в Британии – в это же время или несколько позже.

154. Северная Осетия была присоединена к России в 1774 г. В 1922 г. была образована Юго-Осетинская Автономная область в составе Грузии (столица — Цхинвал); в 1936 г. Северная Осетия (со столицей во Владикавказе) получила статус автономной республики (в составе РСФСР). Разделение Осетии на две части продолжает быть одним из факторов, осложняющих ситуацию на Кавказе.

155. Предками осетин считаются аланы, осевшие на Кавказе и смешавшиеся с местными племенами. С X в. известны надписи на осетинском языке (принадлежит к числу иранских языков). В это время среди осетин распространяется христианство, для них создается Аланская митрополия. После нашествия татаро-монголов территория расселения осетин сильно сократилась, была разрушена государственность, произошел отход от христианской веры. Нартовский эпос свидетельствует о сложившейся у осетин синкретической религии, в которой на основу древних (как считается, аланских) верований наложилось сильное влияние христианства и (позднее) ислама. Осетины сохраняли верность этой религии и тесно связанным с ней мифологическим представлениям.

156. Батрадз — один из Нартов, непобедимый богатырь. По всей видимости, первоначально он был богом или духом грозы. Возможно, образ Батрадза происходит от древнего военного божества скифов и алан, которого греческие историки называли именем греческого бога Ареса и которому поклонялись в облике меча (мнение Ж. Дюмезиля). В нартовском эпосе Батрадз, как и другие Нарты, наделен чертами богоборца.

157. Английское слово происходит от греч. *βατραχος*, «лягушка».

158. Уацамонга — волшебная четырехугольная чаша, постоянно наполнявшаяся вкуснейшими напитками. На пирах Нартов она сама собой поднималась к устам героя, правдиво рассказывавшего о своих подвигах.

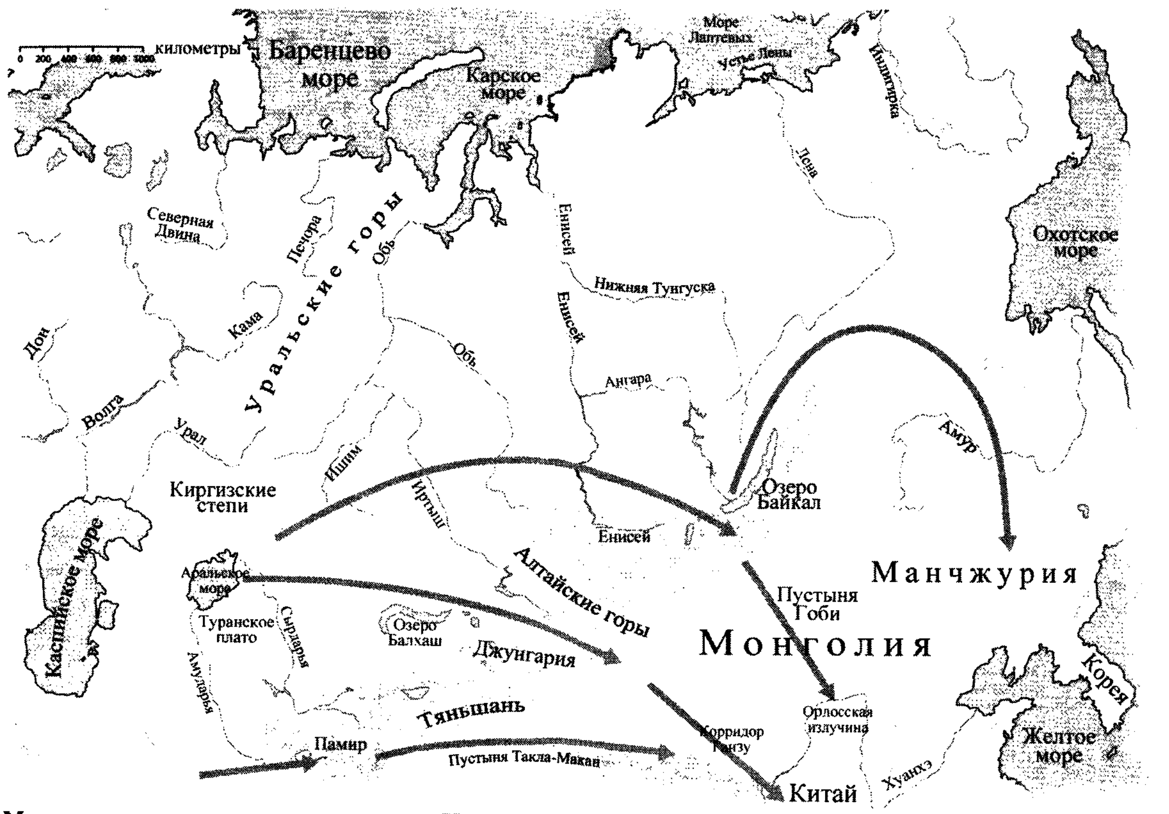
159. Дарума — одно из божеств народного буддизма в Японии, легендарный основатель школы дзэн, первый буддийский монах, который начал предаваться созерцанию.

160. Францисканец Перегрин из Кастелло (ум. 1323), один из христианских миссионеров в Китае, был епископом города Зайтун (Цюаньчжоу). В сохранившемся письме он рассказывает о многочисленных аланах, состоявших на имперской службе, которые обращались со своими духовными нуждами к католическим проповедникам. Впоследствии китайские аланы при поддержке правительства завязали отношения с папским престолом, но в середине XIV в. из-за моровой язвы в Европе католическая миссия в Китае на некоторое время прервала свою деятельность. Об аланах в Китае больше ничего не известно.

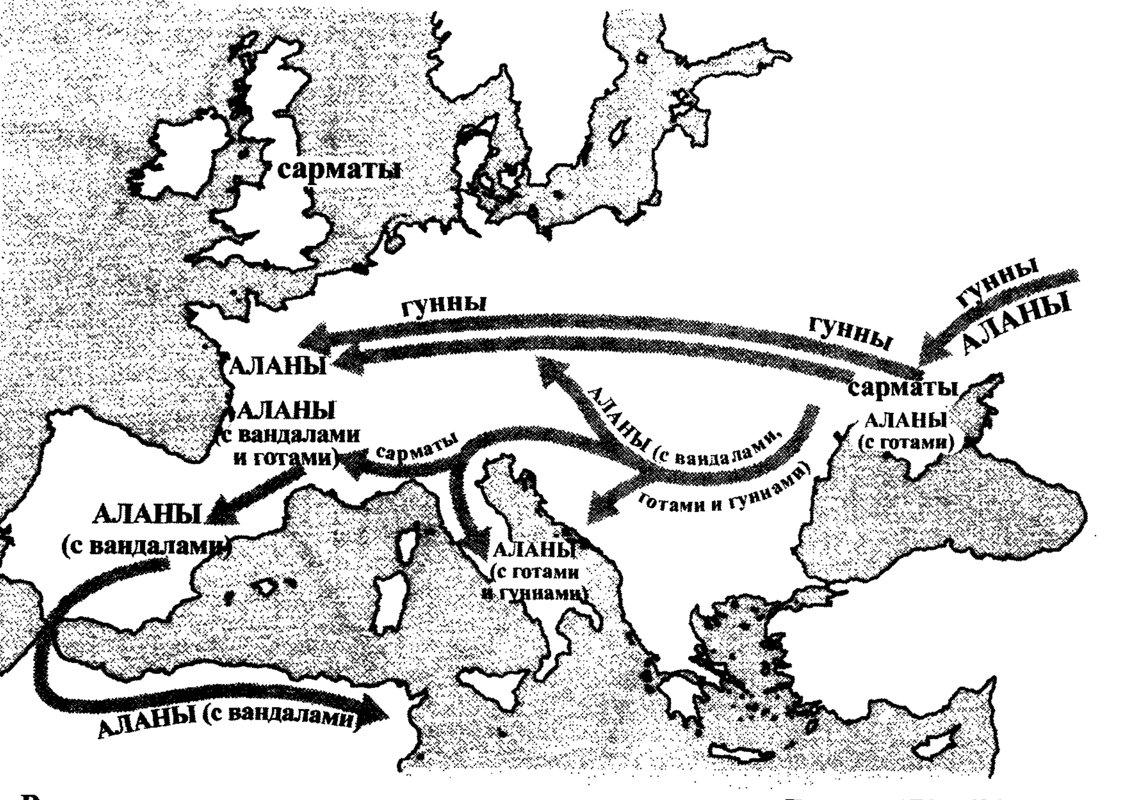
161. Ямато Такэру — Ямато-Такэру-но Микото, букв. «мужественный царевич из земли Ямато». В японской мифоисторической традиции — наследный принц, сын двенадцатого императора Кэйко. По традиционной хронологии, жизнь Ямато Такэру приходится на рубеж I и II вв. н. э. Послан-

ный отцом на покорение Эмису, или восточных варваров, Ямато Такэру попадает в западню. Правитель земли Самагу заманил его в поле и поджег траву. Полученный героем в храме Исэ от своей тетки Ямато-химэ (жрицы богини Солнца Аматэрасу) меч, который бог Сусаноо некогда достал из хвоста убитого им дракона, сам по себе стал срубать загоревшуюся траву и герой благополучно избегнул опасности. После этого чудесный меч получил прозвание Кусанаги цуруги — «меч, косящий траву».

Маршруты передвижения кочевников Центральной Азии в Китай, 500 г. до н.э.

Вторжение степных кочевников и германских народов в Европу, 170 - 500 гг.

Народы Ближнего Востока и Западной центральной Азии, 500 год до н.э.

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя русского перевода 3
От автора 7

Глава 1. Могучая тень 12
Глава 2. Кельтская Британия — мир Артура 32
Глава 3. Артур: историческая личность
или герой легенд? 75
Глава 4. Сны Артура 110
Глава 5. Конные воители 141
Глава 6. Степные кочевники 184
Глава 7. Плавильный котел 226
Глава 8. Рассвет рыцарства 264

Послесловие 304
Комментарий 308

Серия: Мифы и герои

ГОВАРД РИД

АРТУР – КОРОЛЬ ДРАКОНОВ

Варварские истоки величайшей легенды Британии

Издательство «Менеджер»
117330, Москва, ул. Мосфильмовская, д. 176
Тел./факс (495) 249-08-60
e-mail: manager-ltd@atom.ru
сайт: www.managerlit.info

Переводчики — К. Александрова, К. Кочиев, М. Трушаева
Редакторы — А. Королев, А. Панченко, Н. Самуэльян
Ответственный редактор — К. Кочиев
Комментарий — А. Королев, К. Кочиев
Корректор — В. Алексеев
Дизайн обложки — Д. Аверкин
Обработка иллюстраций — Д. Аверкин, М. Чабиева
Техническое редактирование и верстка — Л. Петрова

Сдано в набор 16.01.06. Подписано в печать 16.08.06.
Формат 60х90 1/16. Гарнитура Svetlana.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 22,5.
Тираж 1000 экз. Заказ № 2129

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Типография «Новости»
105005, Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46

Книга «Артур – король драконов»

предлагает нам совершенно по-другому взглянуть на то, что, как нам кажется, мы очень хорошо знаем.
Захватывающие подробности и блестящая аргументация автора заставляет нас другими глазами посмотреть на «Короля Былого и Грядущего».
Увлекшись поиском ключа к исторической загадке о том, кем же все-таки был король Артур, только ли литературным персонажем, или же это была реальная историческая личность, Говард Рид выстроил в книге последовательную систему аргументации, основанную на сопоставлении сюжетов легенд об Артуре и исторических реалий.
Поиск увел его далеко от туманного Альбиона.
Вслед за рядом академических ученых, сопоставивших некоторые мотивы и сюжеты сказаний об Артуре с эпосом скифов и их потомков, а также с достоверно известным и подтвержденным различными источниками фактом длительного пребывания значительного контингента сарматов в составе римских войск в районе англо-шотландского пограничья, Говард Рид склоняется к сарматской гипотезе истоков Артурианы.

ISBN 5-8346-0082-4

